

4М
С69

СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
РАЗВИТИЯ
МОЛДАВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО
ЯЗЫКА

КИШИНЕВ «ШТИИНЦА» 1983

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

Институт языка и литературы

Научный совет по проблеме

«Особенности и перспективы развития молдавского национального языка»

СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
РАЗВИТИЯ
МОЛДАВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО
ЯЗЫКА

КИШИНЕВ «ШТИИНЦА» 1983

Работу рецензировали и рекомендовали к изданию
доктор филологических наук *Р. Я. Удлер*,
кандидаты филологических наук
И. З. Думенюк, В. Ф. Мельник, И. Ф. Мокряк

Коллективная монография освещает такие кардинальные для молдавского языкоznания вопросы, как соотношение донационального и национального в развитии языков, молдавско-русское двуязычие, формы существования национального языка, его функционально-стилевая дифференциация. Рассчитана на языковедов, аспирантов и студентов филологических факультетов.

Ответственный редактор
Т. П. Ильяшенко, чл.-кор. АН МССР

Научный консультант
Г. В. Степанов, академик АН СССР

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Решением Президиума Академии наук Молдавской ССР был создан ряд Научных Советов в том числе и Совет по проблеме «Особенности и перспективы развития молдавского национального языка».

За период 1978—1980 годов было проведено четыре расширенных заседания Проблемного совета и одно выездное (в Госпединституте им. А. Руссо в г. Бельцы). На этих заседаниях были прослушаны и обсуждены доклады по тематике, определенной в представляемой коллективной монографии: «Социально-историческая обусловленность развития молдавского национального языка».

Доклады участников заседаний раскрывают различные аспекты вышесказанной тематики. Они легли в основу статей, написанных на том языке, на котором был прочитан доклад. В работе рассматриваются следующие кардинальные проблемы: особенности донационального и национального периодов развития литературных языков; молдавско-русское двуязычие в диахронии и синхронии; формы существования языка; функционально-стилевая дифференциация национальных языков.

Эти темы раскрываются в четырех главах различными авторами. Монография открывается статьей академика АН СССР, директора Института языкоznания АН СССР Г. В. Степанова о задачах и роли проблемных советов вообще и по языку в частности.

В первой главе раскрываются три темы: «К вопросу о соотношении донациональных и национальных литературных языков» доктором филологических наук, старшим научным сотрудником Института языкоznания АН СССР М. М. Гухман, «Этапы социально-исторического развития молдавского языка» членом-корреспондентом АН МССР Т. П. Ильяшенко и «Древние лексические элементы в молдавской топонимии» кандидатом филологических наук А. И. Еремия.

Во второй главе освещается важная не только с языковой точки зрения, но и с политической, проблема молдавско-русского

двуязычия. В этой главе помещены четыре статьи: профессора КГУ А. И. Чобану «Активизация некоторых синтаксических моделей в молдавском языке под влиянием русского языка», кандидата филологических наук М. А. Косничяну «Славянское влияние в антропонимии и формирование молдавской деривационной системы», кандидата филологических наук А. И. Еремия «Об этиологической интерпретации молдавских топонимов славянского происхождения» и кандидата филологических наук А. П. Борша «Лексико-семантические сдвиги в словаре современного молдавского языка».

В третьей главе впервые в молдавском языкоznании ставится вопрос о формах существования языка. Он раскрывается в трех статьях: кандидата филологических наук А. М. Дырула «О формах существования молдавского национального языка», члена-корреспондента АН МССР Т. П. Ильяшенко «Молдавский национальный литературный язык» и кандидата филологических наук А. Н. Думбрэвяну «Диалектная форма существования молдавского национального языка».

В четвертой главе также впервые в молдавском языкоznании разрабатывается новая проблема: «Функционально-стилевая дифференциация национальных языков». Ей посвящены следующие материалы: «Основные этапы функционально-стилевой дифференциации молдавского национального языка» кандидата филологических наук Т. И. Романдаш, «Элементы научного стиля в молдавском языке XVII—XVIII вв.» кандидата филологических наук Ф. С. Котельника, «Стиль художественной литературы как языковая реальность» кандидата филологических наук И. И. Ецко, «Публицистический стиль и его роль в функционально-стилевой дифференциации молдавского языка» научного сотрудника Института языка и литературы АН МССР А. Г. Чикала, «Транспозиция и ее стилистическая роль при употреблении глагольных форм» доцента КГУ В. З. Марина и «Разграничение функциональных стилей путем математических методов» кандидата филологических наук Е. Н. Константинович.

Общей принципиальной линией монографии является мысль о том, что каждая из названных проблем не только социально-обусловлена, но и социально-значима для понимания сущности молдавского национального языка и выяснения перспектив его дальнейшего развития.

Председатель
Научного Совета
член-корреспондент АН МССР
Т. П. Ильяшенко

ЗАДАЧИ И РОЛЬ ПРОБЛЕМНЫХ НАУЧНЫХ СОВЕТОВ

Проблемные научные советы по различным аспектам языкоznания функционируют в Академии наук СССР и во всех республиканских академиях наук страны. Они вносят серьезный вклад в развитие науки о языке.

Главная цель всех проблемных языковедческих научных советов является стимулирование теоретической мысли и направление ее на решение актуальных проблем истории и современного состояния языка, прогнозирование его дальнейшего развития. Демократия мысли, основанная на прочном теоретическом и методологическом фундаменте, на инициативе, на правильной оценке языковой ситуации, на объективности и научной принципиальности принесет богатые плоды на ниве молдавского языкоznания и общей теории романского языкоznания.

В национальной республике проблемный научный совет по теории языка, в данном случае исследующий особенности и перспективы развития молдавского национального языка, мыслится как орган синтеза в изучении комплексной проблемы, разрабатываемой в Институте языка и литературы, в Университете, в других вузах республики.

В общих чертах цели, задачи и функции совета представляются следующим образом: целью научного совета по языку является развитие исследований по избранному направлению при учете достижений советской и мировой науки. Совет ставит перед собой также поисковую цель — выявление принципиально новых возможностей исследования данной проблемы.

Основными задачами научного совета являются следующие:

- 1) научная;
- 2) координационная;
- 3) пропагандистская (в широком смысле).

Функции совета должны быть выражены в планировании работы с учетом всего комплекса поставленных целей и задач. Совет не дублирует функций института или одного из его научных подразделений. На основании данных целей, задач и функций проблемного научного совета по молдавскому языку в свое время была

предложена и обсуждена структура совета, разработана примерная тематика на ближайшие годы.

И еще одно соображение, касающееся методологических основ работы нашего Проблемного совета, главной целью которого является изучение особенностей развития молдавского национального языка. Речь идет о ленинских идеях и установках на практическое овладение процессами развития в обществе. Практическое овладение процессами языкового развития в нашей стране предполагает не только строго объективную регистрацию фактов, но и опережающее теоретическое осмысление языковых процессов.

Богатейшее ленинское наследие, хорошо усвоенное и умело применяемое, позволяет языковедам решать два типа задач:

1. Задачи общетеоретические.

2. Задачи языкового строительства и национально-языковой политики.

Значение ленинизма для языкоznания не сводится к высказываниям Ленина о языке, сколь бы меткими, яркими и глубокими они не были. Речь должна идти о ленинизме, как о той теоретической базе, которая определяет развитие лингвистической мысли и обеспечивает мировой приоритет нашей науки и языковой практики.

Особое значение для языкоznания имеет ленинская трактовка материалистической диалектики как наиболее общей теории развития.

Возросший ныне интерес к проблеме развития отличается рядом характерных особенностей.

1. Накопление подходов к пониманию развития как диалектического процесса, диалектизация трактовок развития как в общефилософском так и в специально научных планах.

2. Идея развития осознается как фундаментально-мировоззренческая, образующая стержень миропонимания.

3. Главное, на чем концентрируется специфика современной постановки проблемы, состоит в том, что центром тяжести ее все больше становится практическое овладение процессами развития в обществе (решение второго типа задач).

Методологический аспект диалектики выражает и реализует диалектико-материалистический подход к явлениям и процессам объективного мира. Материалистическая диалектика, взятая в методологическом аспекте, выступает как система общефилософских регулятивных принципов, и наша задача состоит в том, чтобы показать их реальную конструктивную роль в становлении, развитии, интерпретации и обобщении языковедческих научных теорий и языковой политики.

Для всякого ученого (и языковеда в том числе) первостепенной является проблема истины. Этот «проклятый вопрос» особенно остро был поставлен европейской культурной традицией и

обсуждается на протяжении веков. Он неоднократно объявлялся «окончательно решенным».

Но ведь именно марксизм и только марксизм отказался от абстрактной интерпретации познания. Ленинское положение о том, что человек сам создает объективную картину мира, преобразуя его и изменяясь при этом сам, доказывает, что результат его деятельности есть проверка субъективного познания и критерий истинно сущей объективности. Это принципиально новое решение проблемы. Гносеология проявляет свою доказательность не только как итог познания, но предполагает осмысление действий порождающих механизмов.

Говоря языком лингвиста: понятия истины могут выражаться в терминах, обозначающих не только результаты, но и процессы. Отсюда следует, что для ученого важны не только самостоятельные термины отдельных истин, но и их предикативные определения, что дает возможность расширить анализ и распространить его на атрибуты истины.

Только марксистско-ленинское понимание отражения, познания, диалектики дает возможность плодотворно решать такие задачи, как отношение языка к действительности, и находить оптимальные методы лингвистических теорий, языковедческой практики.

Для решения второго типа задач особое значение имеют ленинские идеи о единичном и общем, национальном и интернациональном.

Диалектика ленинской постановки нашей партией проблемы национальных отношений и в современных условиях состоит в том, чтобы дальше идти к сплочению, единству, всестороннему сближению наций, народностей через создание максимально благоприятных условий расцвета каждой из них. При этом очень важно обратить внимание на то, что и в научном и в политическом смысле особое значение имеет точное фиксирование реального положения в уровнях развития национального и интернационального в их соотношении. Недопустимы ни недооценка достигнутого, ни преувеличение его. Ни тени фальшивой идеализации — вот ленинская мысль. Я уверен, что наш проблемный совет будет следовать этим ленинским заветам.

*Г. В. Степанов,
академик АН СССР*

ГЛАВА I

*

ОСОБЕННОСТИ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

*

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ДОНАЦИОНАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

При рассмотрении данной проблемы два взаимосвязанных вопроса нуждаются в предварительном уточнении: 1. Можно ли предполагать существование литературного языка как особого компонента языковой ситуации в донациональный период? и 2. Наличие каких дифференциальных признаков позволяет отнести ту или иную наддиалектную форму к разновидности литературного языка?

Не вызывает споров общее положение об историческом приоритете диалекта и вторичности, производности любой наддиалектной формы, в том числе и литературного языка. Вместе с тем, как диалект, так и наддиалектные страты — категории исторические, поэтому система их дифференциальных признаков включает не только обобщенные инвариантные для данного образования характеристики, но и исторически обусловленные черты.

Становление ранних типов функционального членения языка в эпоху, предшествующую созданию письменности, связано с выделением в локально ограниченной повседневно обиходной речи элементов языка, соотнесенных с развивавшимися еще в условиях рода-племенного строя более высокими формами общения: обрядово-ритуальные действия, устное право, устная поэзия. Тем самым уже на этой ступени общественного развития возникло противопоставление спонтанных, достаточно примитивных форм речевого общения другой, внеположенной и постепенно отделявшейся от них более обобщенной форме существования языка. Вероятно, ведущая разновидность архаичных функциональных парадигм¹ представляла собой модель двухкомпонентной языковой ситуации, согласно которой языку обиходно повседневного общения этнически ограниченной группировки — племенному диалекту — противопоставлялась некая сублимированная наддиалектная форма, специфика обособления которой от базового образования заключалась преимущественно в элементах функционально-стилистической системы. Предположительно еще на уров-

¹ О функциональной парадигме см.: Типы наддиалектных форм языка. М., 1981, с. 4, прим. 2.

не племенных диалектов могло происходить постепенное накопление языковых черт, специфичных для обработанных форм языка: определенных лексических пластов и стилистически маркированных фразеологизмов, синтаксических построений, призванных выражать смысловую напряженность содержания в создававшихся жанрах устного творчества.

Вместе с тем еще до создания письменности в условиях образования этнических группировок, объединявших преимущественно родственные племена, возникла иная разновидность наддиалектности на основе отказа от узкорегиональных черт, которые В. М. Жирмунский относил к примарным признакам диалекта², а также сочетания разнодиалектных черт. Данный тип наддиалектных форм не ограничен каким-либо функциональным уровнем. Он встречается и в обработанных формах языка, не являясь их дифференциальным признаком, а лишь сопровождая их функционально-стилистическое обоснование. Он бытует и в речи обиходно-бытовой сферы, выполняя функцию межплеменных разговорных койне.

Следовательно, уже в пределах языковых ситуаций ранних исторических эпох возможно сосуществование двух типов наддиалектных форм³. Появление письменности создает новые стимулы для развития и усложнения функциональных парадигм, особенно для закрепления статуса наддиалектных форм. Сочетание выделенных разновидностей наддиалектных образований, их взаимодействие в одних случаях, в других — их раздельное существование — создают многообразие форм их реализаций.

Характер и состав наддиалектных образований меняется, отражая преобразования в социально-политической и культурной жизни народов. Существует стабильная связь между разновидностями обоих типов наддиалектных образований и уровнем развития общества, его социально-экономической структуры и культурных форм. Обращает на себя внимание типологическая общность функционально-стилистических приемов в образцах наддиалектной обработанной формы, представленной греческим эпосом, устной поэтической традицией младописьменных народов Западного Кавказа и поэзией гриотов на территории Тропической Африки⁴. Типологически инвариантные приметы прослеживаются, при всем индивидуальном своеобразии в разных странах, и в более поздних письменно-литературных реализациях, в самих процессах становления общелитературных норм. С другой стороны, и необработанные наддиалектные формы, изменяясь в зависимости от конкретных условий, сохраняют такие общие типологические признаки, как моновалентность — они подобно ди-

² Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии.— В кн.: Избр. труды. Общее и германское языкознание. Л.; Киев, 1976, с. 491—516.

³ Подробнее см.: Типы наддиалектных форм языка. Заключение, с. 294—296.

⁴ Ср. главу «Язык эпической поэзии как одна из форм наддиалектной речи».— В кн.: Типы наддиалектных форм языка.

алекту обслуживают преимущественно обиходно-повседневное общение —, региональные отличия, отсутствие регламентаций, ср. например, разновидности городских койне (московское и лондонское койне в эпоху, предшествующую формированию национальных языков).

Для понимания специфики языковых ситуаций и структуры парадигм важное значение имеет разграничение разновидностей наддиалектных обработанных форм, обслуживающих высшие сферы коммуникации, и упоминавшихся выше необработанных наддиалектных форм языка, по своим функциям близких к диалекту. Помимо разных вариантов койне к необработанным наддиалектным формам примыкают и так называемые «промежуточные образования», полудиалекты, функционирующие в обиходно-бытовой сфере наряду с территориальными диалектами, как это наблюдается например, в современном немецком языке ФРГ.

Особенностью необработанных устных наддиалектных форм является зыбкость границ, отделяющих их от других форм существования языка. При определенных условиях происходит постепенное расширение сфер применения этого типа наддиалектных образований, они теряют моновалентность, проникают в более высокие сферы общения, приобретают письменную фиксацию. Тем самым койне теряют свои ведущие различительные признаки, превращаясь в один из вариантов (письменно) литературного языка. Как показывает история многих национальных литературных языков, их базой являлись не территориальные диалекты, а городские койне крупных политических центров: московское койне в формировании русского национального литературного языка, лондонское койне в истории английского литературного языка, японское койне города Эдо в становлении национального литературного языка Японии, одно из городских койне хауса, ставшее базой единой кодифицированной литературной нормы и т. д. О роли койне в образовании славянских национальных литературных языков писал В. Виноградов⁵, ссылаясь на материалы дискуссии об образовании национальных литературных языков на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г.

В связи с процессом формирования национальных литературных языков наддиалектные койне могли терять свою функциональную специфику, нередко растворяясь в разговорных формах литературного языка и, следовательно, выпадали из системы страт, образующих функциональную парадигму. Несколько иной является судьба той разновидности наддиалектных образований, ко-

⁵ Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальные эпохи. — В кн.: V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 23—25.

торая представлена полудиалектом или регионально окрашенными формами обиходно-разговорной речи⁶.

* * *

Литературный язык рассматривается как одна из наиболее распространенных разновидностей наддиалектных обработанных форм языка. В функциональной парадигме он занимает высшую страту или высший уровень. Вопрос о дифференциальных признаках литературного языка остается в известной степени и поныне дискуссионным, в частности неясным является статус устной поэзии, существующей до создания письменности⁷.

Обобщенная эталонная модель литературного языка включает следующие характеристики: 1. Обработанность языка и связанную с этим селективность; 2. Поливалентность (многофункциональность), порождающую стилевое многообразие и функционально-стилистическое варьирование; 3. Разные формы обособления от диалекта, иными словами наддиалектность; 4. Тенденция к регламентации, соотнесенная с отмеченной выше селективностью; 5. Определенный уровень гомогенности, что не исключает возможности территориального и социального варьирования.

Перечисленные признаки образуют не одноуровневую систему, а иерархическое построение: разные признаки занимают нетождественное положение и обладают неодинаковой значимостью при выделении литературного языка как особого компонента функциональной парадигмы. К тому же формирование отдельных признаков и характеристик происходит не единовременно, они накапливаются постепенно в процессе развития литературного языка, а их статус может меняться. Наибольшей универсальностью обладают признаки 1 и 3, т. е. обработанность языка и связанная с этим селективность, а также наддиалектность. Без них литературный язык не существует, но конкретные формы реализации этих свойств достаточно многообразны. Так, например, само понятие наддиалектности отнюдь не исключает территориального варьирования и в применении к литературным языкам, особенно донационального периода. Обращалось внимание на то, что выработка единых для данного социума норм письменного литературного языка относится фактически к эпохе, когда складыва-

⁶ Ср. Grosse R. Die soziologischen Grundlagen von Nationalsprache und Literatursprache, Umgangssprache und Halbmundart.—Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock, 1969, N. 6—7, S. 509—511; Домашнев А. И. О границах литературного и национального языка.—ВЯ, 1978, № 2, с. 3—16; Миронов С. А. Полудиалект и разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи.—В кн.: Типы наддиалектных форм языка, с. 79—97.

⁷ Изложение разных взглядов по данной проблеме см.: Общее языкознание. Формы существования функции, истории языка. М., 1970, гл. 8; Гухман М. М. Существует ли литературный язык в донациональный период?—В кн.: Проблемы истории и теории мировой культуры. М., 1974; Гухман М. М., Семенюк Н. Н. О некоторых принципах изучения литературных языков и истории.—Известия АН СССР, ОЛЯ, Серия литературы и языка, 1977, т. 36, № 5; Филин Ф. П. Что такое литературный язык?—ВЯ, 1979, с. 9—11, № 3.

ются национальные отношения, причем в зависимости от темпов развития нации протекает и процесс становления общенациональных единых норм. Этим объясняются различия в развитии национальных языков Франции, Германии и Италии. Как известно, в Италии и Германии выработка единых литературных норм затянулась вплоть до второй половины XIX в., причем обязательность этого стандарта была долгое время ограничена. В Германии территориальная стратификация литературного языка, проявляющаяся в устойчивости его областных вариантов в течение всего донационального периода, сохраняется частично и в период формирования нации; характерны локальные особенности в произношении, которые отражались даже в рифмах Гете и Шиллера. Во Франции первые литературные памятники отражали особенности диалектных ареалов: язык поэмы «Житие св. Леодегардия» обнаруживает признаки северо-восточного ареала, «Песнь о Роланде» также сохраняет в языке нормандские черты. Но вместе с тем, несмотря на локальную окраску языка названных литературных памятников, его характерной особенностью являлось вкрапление черт разных ареалов. Ни один из текстов нельзя признать принадлежавшим какому-либо отдельному диалекту. Определенная гибридность их языка, наддиалектность — характерная черта памятников X—XII в.⁸ С конца XII в. все более заметным становится лидирующее положение французского диалекта, хотя элементы других диалектов все еще окрашивают язык произведений многих писателей; лишь начиная с XV в. французский вариант завоевывает высшие сферы общения, где его конкурентом остается латинский язык, другие же региональные формы оттесняются в сферу повседневно бытового общения. Указ Франциска I, предписывавший (1539 г.) вести официальную документацию на французском языке, способствовал объединению письменно-литературного языка Франции уже в XVI в.

Региональное варьирование письменно-литературного языка в донациональный период — явление широко распространенное в истории разных языков⁹. При этом довольно явно сказываются различия в положении структурных элементов разных уровней, наиболее интенсивны и устойчивы локальные черты в лексической системе и в произносительном узусе¹⁰. Однако при наличии регионального варьирования в системе литературного языка локальные его разновидности никогда полностью не совпадали с систе-

⁸ Катагошина Н. А. Процессы формирования французского письменно-литературного языка. — ВЯ, 1956, № 2; Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 86—87.

⁹ Ср., в частности, факты из истории славянских языков. Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков...; Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

¹⁰ Как известно, в русском языке литературное произношение приобретает характер национальной нормы не раньше 30—40 годов XIX в. Лишь в конце XIX в. получает кодификацию свод правил немецкого литературного произношения, так называемый *Bühnendeutsch*.

мой территориального диалекта соответствующего ареала. Во всех случаях достаточно ясно обозначается специфика локально-го литературного языка как разновидности наддиалектных форм. Это проявляется не только в функционально-стилистическом плане, в отборе лексики, фразеологизмов, синтаксических построений, но и в несовпадении изоглосс распространения отдельных языковых явлений в территориальном диалекте и в соответствующей локальной разновидности литературного языка. Расхождения касаются границ распространения территориальных признаков и их сочетаний. Наиболее детально эти вопросы исследовались на материале немецкого языка¹¹, где локальное варьирование в литературном языке было особенно интенсивным и устойчивым. В трудах по славянским языкам анализ этих закономерностей относился с проблемой «интердиалектной», «междиалектной» основы литературного языка¹²: письменно-литературный язык донациональной эпохи и в этом случае не связан непосредственно с определенным территориальным диалектом.

Наддиалектность литературного языка этого периода проявляется и в системе его стилистических особенностей, постепенно выделявшихся в разных жанрах письменности. Становление стилей религиозно-философского, делового языка, языка художественной литературы разных жанров способствовало развитию пластов лексики, синтаксических моделей, чуждых диалекту. К тому же в ряде стран (западноевропейские страны, многие страны Востока, славянские страны) становление этих «новых» стилей происходило под влиянием чужого литературного языка, доминировавшего в высших сферах общения, что, естественно, также способствовало обособлению литературного языка от диалекта. Региональное варьирование в известной степени типично для литературных языков донационального периода, но оно сохраняется в некоторых странах и в эпоху формирования национальных литературных языков, приобретая постепенно характер пережиточного явления.

С другой стороны, при определенных социальных и культурных ситуациях возможно и в донациональный период существование унифицированных стандартных литературных языков. Так, по-видимому, к этому типу литературных языков относится классический арабский — древний литературный язык, оформившийся в VII—VIII вв. как язык поэзии, мусульманской религии, науки в результате высокого уровня развития уже в те годы арабской культуры. Стого регламентированной, гомогенной системой являлся и древнеармянский письменно-литературный язык — гра-

¹¹ Гухман М. М. Изучение регионального варьирования в немецком литературном языке и методика лингвистической географии.— В сб.: *Philologica*. Л., 1973; в статье обобщены результаты анализа языка политической литературы XVI в., а также дается обзор аналогичных исследований зарубежных германистов.

¹² Ср.: Материалы IV Международного съезда славистов.

бар — установление норм которого относят к V в.¹³ Грабар был не только признанным языком культа, но и разных жанров письменности: он использовался в деловой переписке, в науке, в литературе высокого стиля, иными словами это был язык высших сфер коммуникации, никак не соотнесенный с диалектным многообразием разговорно-бытовой речи¹⁴.

По интенсивности функционального и структурного обособления от территориальных диалектов, то есть от форм общения основных масс населения, языки этого типа превосходят нередко литературные национальные языки, являющиеся обычно открытой структурой; последние сохраняют связь с массовыми формами коммуникации, с диалектами и полудиалектами, постоянно обогащаясь за счет включения элементов нелитературных речевых форм.

Классический арабский и древнеармянский грабар отнюдь не являются исключением по своему статусу. Аналогичная ситуация существовала и в других странах Востока, где письменно-литературные языки в эпоху средневековья обладали крайне узкой социальной базой и были практически изолированы от разговорно-бытовых форм общения. Замкнутый, стандартный характер этого типа письменно-литературного языка был соотнесен с основными чертами культуры господствующих классов той эпохи.

Следовательно, по такому ведущему признаку, как уровень наддиалектности соотношение литературного языка национального и донационального периода не соответствует прямолинейной и упрощенной схеме — отсутствие регионального варьирования в национальную эпоху — его наличие в более ранние периоды истории языка. Реальные отношения оказываются значительно более сложными.

Сказанное относится и к такому признаку литературного языка, как его гомогенность. Уровень гомогенности обусловлен преимущественно ролью территориального и социального варьирования. Территориальное варьирование, упоминавшееся выше, естественно нарушает гомогенность литературного языка, что было типично для донационального периода, но в истории некоторых литературных языков оно пережиточно сохраняется и в национальный период. Вместе с тем такие донациональные письменные языки, как классический арабский или древнеармянский, обладавшие строгими функционально-стилистическими и структурными нормами, являлись образцом гомогенности письменно-литературного языка.

В странах, где длительное время господствовали средневековые письменно-литературные языки этого типа, зарождение капи-

¹³ Туманян Э. Г. Литературное двуязычие и его социально-функциональная характеристика в донациональном периоде развития армянского языка. — В кн.: Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977, с. 152.

¹⁴ Там же, с. 56.

талистических отношений, рост буржуазии, образование национальной культуры вели к расширению социальной базы литературного языка, его «демократизации». На определенном отрезке истории этих языков создается два социально-маркированных варианта литературного языка. Так, например, в Японии в XVII—XIX вв. средневековый письменно-литературный язык был языком государственным, языком науки, высоких жанров письменности; обиходно-разговорный же язык помимо устного общения был языком «низших» жанров литературы. Наступление нового литературного языка охватило прежде всего художественную литературу, дольше всего традиционный литературный язык удерживался в официальном обиходе; показательно, что в школе изучение старописьменного литературного языка занимало значительное место еще в начале XX в.¹⁵. В известном отношении сходная языковая ситуация сложилась в функционировании армянского языка. Здесь древние нормы грабара длительное время сосуществовали с развивавшимся новоармянским литературным языком, в социальном отношении значительно менее ограниченным, но и не обладавшим общественным престижем. Еще в XIX в. такие деятели культуры, как Х. Абоян или известный просветитель С. Назарян некоторые свои произведения создавали на древнеармянском языке. Соотношение этих двух разновидностей армянского литературного языка все больше приобретало социально-стилистический характер, причем новоармянский литературный язык в процессе постепенного вытеснения грабара из многих общественных сфер¹⁶, частично усваивает элементы древнеписьменной традиции, оказавшей определенное влияние на пути формирования и развития армянского национального литературного языка¹⁷.

Этот тип социально-функциональной вариативности литературного языка возникает преимущественно в переломные эпохи исторического развития, когда наряду с социально ограниченным вариантом средневекового литературного языка формируется, преимущественно на базе народно-разговорных языков, новая функционально-стилистическая система национального литературного языка.

Гомогенность национального литературного языка может отсутствовать и при другой ситуации. В истории некоторых языков при образовании национальных литературных языков возникают два варианта, не всегда территориально маркированных. Это произошло, например, в Норвегии, где сохраняется два варианта национального литературного языка. «Букмол», датско-норвежский литературный язык, сложившийся в результате длительного

¹⁵ Конрад Н. И. О литературном языке в Китае и Японии.— В кн.: Вопросы формирования и развития национальных языков. Л., 1960.

¹⁶ Исключение составляет религиозная сфера: до настоящего времени официальным языком армянской церкви является грабар.

¹⁷ Подробнее см. Туманян Э. Г. Литературное двуязычие и его социально-функциональная характеристика, с. 155—160.

существования Норвегии, как подчиненной единицы в пределах Датского королевства, применяется в письменном и устном общении. На нем создавалась национальная литература. Бьернсон и Ибсен писали на «букмол». Но в XIX в. в процессе борьбы за национальную самостоятельность Норвегии встал вопрос о необходимости создать «свой национальный» язык на норвежской основе, используя материал местных диалектов. Язык этот, получивший наименование «ландсмол» не вытеснил «букмол». Оба варианта выполняют одни и те же функции: они являются государственными языками, употребляются как в художественной литературе, публицистике, так и в преподавании, в устном общении, даже в университетах существуют параллельные кафедры. Но все же «букмол» преимущественно употребляется на востоке страны, «ландсмол» — на западе. Близость грамматического строя (имеются расхождения в морфологической системе), значительная общность лексики делают возможным параллельное использование обоих литературных вариантов, бесспорно также их взаимовлияние. Но все же в Норвегии и сейчас отсутствует единый, общеобязательный национальный литературный стандарт, обладающий кодифицированной нормой.

В качестве сходного примера отклонения от типового статуса национального литературного языка можно также привести албанский язык. Языковая ситуация в Албании определялась сосуществованием двух исторически сложившихся вариантов литературного языка, из которых один базируется на южном (тоскском), а другой на северном (гегском) диалекте. И тот, и другой являются результатом относительно длительной обработки, отвлечения от резких диалектных признаков. Эти два варианта албанского литературного языка развивались параллельно, взаимодействуя и сближаясь друг с другом. После победы албанского народа в национально-освободительной борьбе южная норма получила заметное преобладание¹⁸.

Степень гомогенности литературного языка зависит от уровня его нормированности, последняя же определяется действующими принципами отбора языковых единиц. Как известно, одной из отличительных черт литературного языка национального периода обычно считается наличие кодифицированных норм. Перечисляя общие закономерности развития литературных языков, В. В. Виноградов писал: «Третья закономерность развития литературных языков, определяющая различия их качеств и свойств в национальную и донациональную эпохи, состоит в характере отношения и соотношения литературного языка и народно-разговорных диалектов, а, в связи с этим, в структуре и степени нормализации литературного языка»¹⁹. Развивая это положение, В. В. Виноградов подчеркивает значение нормализации при опре-

¹⁸ Десницкая А. В. Из истории образования албанского национального языка.— В кн.: Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.

¹⁹ Виноградов В. В. Указ. соч., с 11.

делении специфики литературного языка национальной поры. Однако решающую роль играет не сам факт наличия устоявшихся норм, а их специфика в условиях формирования и развития национальных языков. Ведь фактически строгая норма характерна и для некоторых средневековых письменно-литературных языков. Выше это отмечалось при описании статуса классического арабского языка, древнеармянского грабара и средневекового письменно-литературного языка Японии. Более того, определенная сложившаяся традиция, приобретавшая характер функционально-стилистической регламентации, отличает также язык устного эпоса у разных народов. Но сущность языковой нормы зависит от конкретных исторических условий, в которых она действует, от социального содержания того узуса, который она кодифицирует. И именно по этим параметрам национальный литературный язык отличается от донационального литературного языка. В чем же это отличие? В статусе литературного языка, его позиции в системе функциональной парадигмы, в его соотношении с другими формами существования языка, наконец, в объеме выполняемых им задач. По сравнению с литературными языками донационального периода специфика нормализационных процессов в период формирования и развития национальных языков характеризуется изменениями в их социальной базе и степенью их поливалентности. Направленность нормализационных процессов, их содержание являются производными от этих двух взаимодействующих факторов.

Средневековым литературным языкам Европы и Азии была присуща узость социальной базы: их носителями была господствующая верхушка феодального общества. Поливалентность литературных языков того времени ограничивалась прежде всего тем, что это были по преимуществу письменные языки, обслуживавшие ограниченные сферы общества. За их пределами функционировали территориальные диалекты, городские и областные койне, все многообразие реализаций устной речи. А так как во многих странах к тому же наряду с местным языком в высших сферах общения — религии, делопроизводстве и государственном управлении, в юриспруденции и науке использовался «чужой» письменный язык, обладавший более развитой системой функциональных стилей, подобно, например, латинскому языку в странах Западной Европы, то употребление местного письменно-литературного языка оказывалось крайне лимитированным. Следовательно, одним из отличий обработанности, нормированности литературного языка донационального периода была крайняя узость самих нормализационных процессов, связанных только с узусом письменного языка, применявшегося к тому же в немногих сферах общения. Что касается принципов кодификации, то иногда они были весьма жесткими. Достаточно вспомнить в этой связи грамматику Панини, соотнесенную с литературным языком древ-

ней Индии, весьма далекого от языка разговорно-бытового общения народных масс.

Но с другой стороны, в таких языках, как немецкий, французский, в славянских языках, возможность локального варьирования в текстах на донациональном литературном языке, о чем писалось выше, создавала неустойчивость фонетико-орфографического и грамматического узуса, что, естественно, препятствовало осуществлению нормализационных процессов даже в рамках только письменно-литературного языка. В Германии, например, в печатных изданиях XV—XVI вв. (для данной страны это годы, предшествующие становлению национального языка) разные фонетико-орфографические и грамматические варианты встречались не только в пределах одного текста, но и на одной и той же странице: *cp. ader ~ oder* 'или', *teiñ ~ mîñ* 'мой', *haus ~ hous ~ ~ hûs⁹* 'дом'; глагольные ареальные дублеты: *gât ~ geet* 'идет', *neñment ~ nemet* 'берите', *nement ~ nemep* (они) 'берут' и т. д. Однако и в этих условиях действовали свои правила отбора, но они касались функционально-стилистической закрепленности лексических пластов, фразеологизмов, устойчивых сюжетных штампов за определенными литературными жанрами.

Таким образом, выделяются для донационального периода две модели литературного языка, определяющие различия в осуществлении регламентации и принципов отбора: в первом случае — при наличии отрыва письменного языка от языковых форм устного общения выделяется узкосословный характер литературных норм; во втором — соотнесенность письменно(книжно)-литературного языка с диалектными ареалами, т. е. зыбкость фонетико-орфографического и грамматического узуса, а также региональные особенности в лексическом составе препятствуют самой постановке вопроса о выработке кодифицированных норм, что не мешало, однако, действию функционально-стилистического узуса, отличавшего язык документа с характерными для него штампами от языка рыцарского романа или проповеднической прозы.

Качественно иным становится статус отбора языковых единиц и нормализационных процессов в национальных литературных языках: выработка языкового стандарта является одним из основных компонентов развития нового типа литературного языка.

Общая направленность происходящих изменений при образовании национального литературного языка обусловлена формированием единого многофункционального нормализованного литературного языка в качестве основной, общепризнанной формы коммуникации данного народа. Конкретные формы этого процесса зависят частично от характера литературного языка и языковой ситуации в целом в донациональный период: от наличия или отсутствия сосуществования в ту эпоху двух типов литературных языков, своего и чужого; от интенсивности локального варьирования; от соотношения литературного языка с диалектами и региональными койне. Только в национальный период литературный

язык полностью реализует те признаки, которые в свернутой форме как некие потенции заложены в нем еще в донациональную эпоху: наддиалектный характер, отбор и относительная регламентация, поливалентность. Поливалентность развивается в использовании литературного языка не только в письменной, но и в устной форме, включая отчасти и разговорно-бытовое общение; отбор и относительная регламентация преобразуются в кодифицированную систему норм с ограниченным и тоже нормированным диапазоном варьирования; наддиалектная специфика приобретает форму общеобязательности единой территориально не связанный нормы.

Подобная характеристика национального литературного языка дается на основе его типовых признаков. В конкретных исторических условиях могут обнаружиться значительные расхождения в статусе литературного языка в зависимости от ряда как экстравергистических, так и лингвистических факторов.

Медленнее всего литературный национальный язык проникает в сферы повседневного устного общения, где его конкурентами остаются городские и областные полудиалекты, разновидности простречия. Даже во Франции, где рано оформилось единство литературного письменного языка, сфера устного общения сохраняла значительные локальные особенности вплоть до XVIII в. Коренные изменения произошли лишь в эпоху Великой Французской революции в результате общей демократизации французской культуры. Это находит свое отражение в расширении социальной базы литературного языка, ранее ориентированного только на язык королевского двора. Этим объясняются изменения, коснувшиеся его системы стилей. Вместе с тем, исторические события той эпохи оказались мощным катализатором падения роли регионально маркированных форм в устном общении, способствуя распространению литературного языка и на эту сферу. Однако весьма часто в разных странах в условиях существования стандартизованных литературных национальных языков они не являются единственной формой языкового общения: в устном общении, в быту их конкурентами остаются разновидности региональных форм, причем соотношение социальной базы литературного национального языка и нелитературных образований определяется не только дифференциацией языка жителей города и деревни, но также образовательным цензом и возрастными различиями.

В конечном итоге дифференциация в статусе литературного языка разных эпох, донациональной и национальной, обусловлены языковой ситуацией, отражающей особенности действующих общественно-политических и культурных факторов. Поэтому на фоне сложного переплетения постоянных и вариативных тенденций оказалось возможным выделить различия в осуществлении ведущих признаков литературного языка в двух его основных типовых разновидностях, представленных донациональным и национальным литературными языками.

ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Для выяснения значения социально-исторической обусловленности развития молдавского национального языка необходимо наметить исходные позиции методологического характера. Основой этого является известный тезис В. И. Ленина о том, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого-бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки»¹. А язык в целом представляет собой социально обусловленное и социально значимое антропоцентрическое явление.

На этом основании необходимо вспомнить узловые этапы истории молдавского народа и его языка на фоне общего северо-дунайского романоязычного ареала.

В XIV в. образовались два романоязычных княжества: молдавское и валашское. В то же время к северо-западу от молдавского княжества, в Марамуреше, существовали свои князаты, социально-историческое развитие которых в основном протекало под влиянием Венгерского королевства. Восточная же периферия молдавского княжества, особенно ее южная часть, подвергалась постоянным набегам татар, а затем турок. К северо-западу от валашского княжества, в Трансильвании, имелись поселения болгар. Они принесли сюда христианство и славянскую письменность. Особой известностью пользовалась Шкея под Брашовом. Здесь в 1392 г. поселились болгары, а в 1484 г. была построена христианская церковь, в которой не только справлялись культовые обряды (в противовес католицизму), но и собирались ценные архивные материалы. Среди них 12 хрисотов молдавских господарей XVI—начала XVII вв.

Известно, что в период средневековья христианство, церковь, монастыри были очагами как культовой, так и народно-обрядовой культуры. Уже в XVI в. в Бессарабии существовал монастырь Кэприяна. Один из его монахов, Ефимие, был среди первых трех молдавских хронистов (Ефимие, Макарие и Азарие). Известно также, что в начале XIX в. на территории Бессарабии было более шестидесяти монастырских владений².

Несмотря на то, что на всем восточнороманоязычном ареале до начала XVII в. официальной культурой была славянская, параллельно складывались и элементы автохтонной культуры. В конце XV—начале XVI вв. появились Воронецкий Кодекс и Шкейская Псалтырь, частные письма, хранящиеся в Бистрицком и

¹ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 263.

² Сымботяну К. И. Сельское хозяйство на монастырских землях Бессарабии в 1812—1868 гг.— В кн.: Социально-экономическое развитие Бессарабии в XIX в. Кишинев, 1977, с. 53.

других архивах, стихотворный перевод известной итальянской «*Fiore di virtù*» («Флоаря дарурилор»), переданный 'двойным текстом — молдавским и славянским, перевод «Александрии» в XVII веке.

Говоря о первых памятниках молдавского языка, следует отметить, что несмотря на то, что к XVI веку около двух столетий существовало молдавское княжество, первые религиозные памятники появляются не в нем, и не в соседнем валашском княжестве, а в Марамуреше, а первая постоянная типография начала работать в Брашове, в Трансильвании. В известной мере это можно объяснить тем, что развитие религиозной литературы в христианских князатах по славянским образцам и с использованием славянского алфавита получило широкую поддержку Киевского, Московского, Львовского духовенства соответствующих периодов именно в тех регионах, население которых было в большей мере подвергнуто влиянию католицизма.

Теологическая идеология — преобладающая идеология господствующих классов средневековья — ставила свои задачи и в области развития культуры, которые и решались в основном представителями этих классов. Но и при этом они не могли не учитывать отдельные элементы народного языка, о чем свидетельствует развитие молдавского языка в первый его период — древнемолдавский, охватывающий XIV—XVIII вв.

Говоря о социально-исторической основе развития молдавского языка, следует вспомнить известные тезисы исследователей истории румынского языка. Как в специальной литературе, так и в учебной принято различать древний и новый периоды истории румынского языка. Причем начало нового периода датируется примерно 1780 годом — годом создания трансильванской школы. Этого мнения придерживается и Г. Ивэнеску в своем известном труде «*Problemele capitale ale vechii române literare*»³.

Известно также, что в начале нашего века, в 1904 году, П. В. Ханеш, исследуя развитие румынского литературного языка первой половины XIX века, писал о наличии в этот период трех литературных языков согласно территориальной дифференциации романоязычных языковых общин, внутри которых существовали также классовые дифференциации⁴.

Главной темой румынских ученых была и остается особенно дебатируемая в настоящее время проблема единства языка. В этой связи Г. Ивэнеску считает, что исследователи, подчеркивающие единство румынского языка от его начала и до наших дней, фальсифицируют явления, исходят из предвзятой догмы, которую автор опровергает фактами, приводимыми им в названной работе.

³ Iuănescu G. *Problemele capitale ale vechii române literare*. Iași, 1948, p. 70.

⁴ Haneș P. V. *Dezvoltarea limbii literare române în prima jumătate a secolului al XIX-lea*. Ed. II. Buc., 1926, p. 224.

В монографии 1975 г. Иона Гецеи «Baza dialectală a românei literare» читаем следующее: «то, что Еустратие Логофэтул говорит в своей **Правиле** (подч. авт. — Т. И.) о „румынском языке“ (кавычки автора) ни малейшим образом не свидетельствует о том, что в XVII веке существовал общерумынский литературный язык...»⁵.

Существует также обширная, иногда резко полемическая, а порой и псевдонаучная (выражаясь словами румынских исследователей) литература по вопросу об истории румынского языка, в которой толкования путей развития и периодизации этой истории представлены противоречиво, видимо, потому, что каждый автор ставит перед собой разные цели, а также, главным образом, потому, что не учитываются все основополагающие предпосылки для объективной оценки процесса развития языка. Особенно разительным представляется выдвигаемое положение об единстве румынского языка в противовес не только всем другим романским языкам, но и любому конкретному языку, в частности русскому, развивавшемуся вначале в условиях феодальной раздробленности.

Это положение выдвигается румынскими учеными в качестве аксиомы и особенно настойчиво проводится в последние годы. На совещании по теме: «Романизация Дакии — языковая и археологическая проблема», состоявшемся в Бухаресте 2-го июня 1977 года, исследователем И. Пизо из Клуж-Напока был поставлен вопрос — как объяснить единство румынского языка на фоне общей ситуации раздробленности бывшей римской империи, и в частности диалектной дифференциации других романских языков. На этот вопрос Ал. Граур ответил, что между населением всего северодунайского романоязычного ареала существовал постоянный контакт, в то время как на западе диалектная дифференциация явилась результатом феодальной раздробленности⁶.

Подобное объяснение явно не согласуется ни с общими, ни с частными явлениями развития языков и народов в различные периоды средневековья, а лишь продолжает известную догму «единства». Эта предвзятость, против которой выступал Г. Ивэнеску в названной монографии, лежала в основе работ многих исследователей румынского языка, в том числе и широко известных. Вместе с тем, «литературные диалекты, молдавский и мунтэнский, следует считать литературными языками, которые имеют свои собственные проблемы», — пишет Г. Ивэнеску⁷.

Проблема осмыслиения процесса исторического развития молдавского языка на базе как фактического материала, так и объективных методологических и теоретических предпосылок, проб-

⁵ Gheție J. Baza dialectală a românei literare. Buc., 1975, p. 51.

⁶ См.: Studii și cercetări lingvistice, 1978, № 1, p. 106—108.

⁷ Ивэнеску Г. Указ. соч., с. 70.

лема его индивидуализации и приобретения качества национального языка — это и есть его собственная проблема.

В ряду социально значимых факторов развития языка следует выделить наличие политических и культурных центров, развитие городов, появление отдельных государственных общностей в определенных социальных условиях.

В этой связи следует подчеркнуть, что не у всех народов и языков имеется своя Тосканы. Исследователи румынского языка вначале считали своей Тосканой Марамуреш, поскольку первые тексты характеризуются известным ротацизмом; затем Валахию в целом, поскольку начало печатной литературы положил Кореши, выходец из Валахии, хотя он в основном работал в Брашове, в Трансильвании. В последних изысканиях по румынскому языку принято положение о том, что валашский или мунтянский диалект является основой румынского языка.

Но ведь известно, что в период появления литературных памятников, религиозных и светских, центра культуры не было ни в молдавском, ни в валашском княжествах. Видимо, все же Марамуреш следует считать первичным центром как для молдавского, так и для румынского языков. В этой связи можно напомнить ситуацию других языков, в частности русского. Исследователи русского языка считают, что этот язык не стал менее русским от того, что в его основе стоит церковно-славянский язык в болгарской редакции, а политico-административными и культурными центрами были вначале Киевская, затем Московская Русь, в зависимости от социально-исторических условий. Известно также, что для итальянского языка в то время, когда Тосקנה Данте, Петrarки и Боккаччо была экономическим и культурным центром, столица Италии не представляла собой центра языковой культуры. В своем трактате *«De vulgare eloquentia»* Данте назвал язык Рима того времени *«vulgare turpissimum»*⁸.

На территории Бессарабии в средние века существовали в основном крепости и монастыри, поместья и резешские владения. По данным переписи 1819 г., в этом крае было всего около 250 000 населения, т. е. примерно половина сегодняшнего Кишинева. История этой периферии бывшего молдавского феодального государства значительно изменилась, когда она стала составной частью Российского государства, и началось ее заселение, развитие товарного хозяйства, рост городов, связь со всем югом России, в частности с Одессой и Харьковым. Появились новые социальные прослойки, возникли новые социальные отношения. Общественная мысль края развивалась в едином русле с общественной мыслью передовой части населения России. Вырабатывается свое молдавское самосознание, которое приобрело характер самоопределения после Октябрьской революции. Административный центр Бессарабии — Кишинев — постепенно станов-

⁸ См.: Шишмарев В. Ф. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972, с. 82.

вится политическим и культурным центром. Сохранившаяся у отдельных слоев населения молдавская культура, а у молдавского народа своя обрядно-песенная и фольклорная устная литература, становится постепенно достоянием всего народа, поднятого в настоящее время от состояния неграмотности до уровня высших достижений человеческого разума.

Существует аксиома, что состояние языка есть состояние самосознания языка. Оно проявлялось в различные эпохи молдавского языка по-разному. Господарь Молдавского княжества Дмитрий Кантемир, написавший свою «*Descriptio Moldaviae*» на латинском языке, чтобы ученые мужи запада узнали о его народе, о его обычаях и нравах, считал, что молдавский язык намного лучше валашского, и что им, валахам, следовало бы поучиться у молдаван. В конце XVIII в. Варфоломей Мэзэрянул, по указанию графа Потемкина Таврического, написал на русском языке «*Молдавский летописец*» для ознакомления русского читателя с жизнью и деятельностью молдавских господарей. В начале XX в. самосознание языка, его величие и простота вдохновили поэта Бессарабии Алексея Матеевича написать свое известное стихотворение «*Лимба ноастрэ*», каждая строфа которого может служить эпиграфом любого теоретического исследования молдавского языка.

Высшее проявление и выражение самосознания языка возможно в определенных социальных условиях, при конкретных социальных отношениях, с определенной мировоззренческой позицией, в условиях наличия этого самосознания не у отдельных прослоек, а у всего народа.

Это самосознание углубляется и развивается при существовании развитых центров культуры.

Как известно, в период средневековья язык духовенства, княжеского двора, монастырских писарей несколько отличался от разговорного языка народа. Наиболее близким к последнему является язык частной переписки (хотя и в этих материалах представлен язык верхней прослойки), а также язык народной переводной литературы. Внимательное ознакомление с письмами из разных мест молдавского княжества, а также из Трансильвании и Буковины, хранящимися в архивах Бистрицы (в Трансильвании), убеждает нас в том, что существовали как общие структуры выражения мысли, так и специфические для данного жанра или для конкретной территории.

В письмах, в частности, имелись некоторые общие формулы обращения: «*Скриу ынкинэчуне ши бунэ паче*»; «*Скриу ынкирэчурь ши сырьтате...*»

Последнее обращение письма, как это видно по характерному ротации, — из Марамуреша или Буковины. В отдельных обращениях сочетаются славянские и молдавские элементы: «*пишем живот и много здравия ла думнялуй...*» Подобные формулы

обращения (с некоторыми изменениями) употребляются и в последующие периоды развития языка.

В письме игумена монастыря Воронец (Буковина) встречается лексема *келшуг* — совр. *белишуг*, сохраняющая фонетическую форму венгерского этимона *költség*, зафиксирована также *марха* — марфа — венг. *marha*, поскольку в молдавском языке действовал закон чередования согласных: ср. сэ *хиць* — *а фи*, *бурдүф* — *бурдужь*, *а похти* — *а пофти* (ст. слав. *похотеть*), *вэтах* — *вэтаф* и др.). В письме из Марамуреша употреблена лексема *сом-сид*—вечин—сосед от венг. *szomséd*, хотя в других письмах имеется и *вечин* в том же смысле.

Интересным памятником языка XVII—XVIII вв. является также рукопись Раду Темпя (умер в 1742 г.), опубликованная в 1899 г. при участии Г. Вайганда и Полихрония Сырку. Она озаглавлена «История церкви Шкея у Брашова», и содержит 12 хризовов молдавских господарей.

Читая эту «Историю» узнаем, что в то время уже была проповедь горожан, о которых говорится: *орэшан токмит ла фире*.

Характерная форма выражения мысли в Истории Шкея, также как и в письмах, и в религиозной литературе, и позднее в летописях, содержат в своем построении глагольные формы герундия, специфические, как известно, и для славянских религиозных текстов, и для их соответствующих греческих оригиналов: ... *ачеста неавынд фечорь ау луат лынгэ сине пре ун непот де сор*.

Следует отметить повествовательную структуру начала рассказа, реализуемую инвертированной формой прошедшего времени: *фост-ау рындует сэ фие протопоп*; *ынчепуту-с-ау ынтреной румпере кредитцей*.

Именные сочетания типа *сынтем трэиторь* также относятся к характерным чертам различных жанров литературы XVI—XVIII вв.: *карий не афлэм шезэторь ын Шкей; Ной, карий сынтем пэзиторь кэрцилор ши челор скрисе ын кэрц*.

В последнем примере следует также отметить специфическое для данного периода выражение атрибутивного отношения посредством генитива: *пэзиторь кэрцилор*. Подобные сочетания соответствуют старославянским моделям и с образным греческим. Это еще раз подтверждает высказанную в других моих работах мысль о влиянии греческого языка на молдавский через посредство старославянского.

В средневековых текстах встречаются также в различных сочетаниях лексемы, типичные для этого периода, такие как *а невои* и *а се невои* в значении «стараться», лексема *нэрод* в значении *люди*: *ши с'ау невоит ку мултэ остеялэ... ам невоит о сэ плиним... кум ва ымблынзи нэродул...* мерже ынаинте мулт *нэрод де преоц*.

Сочетание с *нэрод* встречается и у И. Некулче: *нэрод де оамень*. В том же значении М. Эминеску употребляет *попор: кынд ун попор де оамень се'нкинэ мие, цие...* (III письмо).

Лексемы *час* в значении «время»: *дин час че с'ау причепут* или *фэцэрие*, соответствующее более позднему *фэцэрниче*: *сэ арэта ку маре фэцэрие*, не сохранились в современном языке.

Следует отметить также, что во многих текстах маркер множественного числа — смягчение конечного согласного — отсутствует; это присуще современному обиходно-разговорному языку. Обращают на себя внимание следующие примеры: *чей май сус зиши... ну сынт виновац...* *сэ фие ертац ши слобоз...* *ши алалц чинистиц боярь...* *ачаста ынкэ вом сэ штиц...*

В приведенных примерах можно заметить отдельные фонетические, морфологические, синтаксические особенности молдавского языка периода XVI—XVIII вв.

Пожалуй, одной из причин отрицания существования литературного языка в XVI—XVIII и даже XIX веке, встречающегося в отдельных исследованиях, наряду с подчеркиванием его несовершенного характера с точки зрения литературной нормы, следует считать выдвижение на первый план только фонетических или морфологических, синтаксических или лексических особенностей, без учета того, что для средневекового периода все они были не особенностями, или регионализмами, а являлись нормой молдавского литературного языка. Отдельные румынские исследователи, например, считают, что малограмотными были Некулче, Дософей и другие представители литературы XVII—XVIII веков. С точки зрения унифицированного румынского языка, возможно это и так, если согласиться с И. Гецие, что унификация румынского литературного языка продолжалась с 1715 (последняя печатная книга Антима Ивирянул) до 1960 года. С точки зрения молдавского языка — это был литературный язык, продолжателем и преемником которого является современный молдавский национальный язык.

Известно, что история молдавского литературного языка, его древний и средний периоды включаются румынскими исследователями в качестве составной части истории румынского языка. В работе Иона Гецие, о которой уже говорилось, дается противоречивая трактовка молдавского литературного языка. Он считает, что в период XVI—XVII вв. фактические данные подтверждают наличие молдавского литературного языка со своими специфическими особенностями по отношению к языку Мунтении и Трансильвании. В середине же XVIII века, в религиозной литературе молдаване *«полностью отказались* (подч. авт.) от собственной литературной нормы конца XVII — начала XVIII в.⁹ Если же вспомним летопись и «О самэ де кувинте» И. Некулче, хронику Димитрия Кантемира и его высказывания о молдавском языке в «Описании Молдавии», переводы народной литературы (Александрию, Езопию и др.), «Кондику» (запись церемониала при дворе во время фанариотов) Георгаки, рифмованные хрони-

⁹ Гецие И. Указ. соч., с. 392.

ки, в частности «Кувинте ын версуръ а четэций Хотинулуй» (1773 г.), хриковы господарей, учебники по арифметике и географии Амфилохия Хотиниул, три русско-молдавских словаря XVIII в., то из всего этого вряд ли может последовать вывод о том, что религиозная литература была решающей в определении нормы молдавского литературного языка XVIII века.

Для молдавского литературного языка среднемолдавский период XVIII — начала XIX века представляет собой важную веху развития, когда наблюдается отход от теологической основы древнего периода становления феодально-исторической литературы и переход на народную основу переводной и оригинальной литературы отдельных жанров с возникновением классовых различий в феодально-помещичьей и крестьянской идеологиях.

Противоречивые процессы наблюдаются в XIX — начале XX века. Это, с одной стороны, ориентация на демократическую направленность общественной мысли России при прямом или косвенном участии молдавских деятелей культуры в развитии этой общественной мысли, а с другой — ориентация на западные образцы жизни и культуры (особенно Франции, расширившей свое влияние после революции 1848 г.), когда убеждали, что необходимо, как говорил акад. И. Иордан, «сэ мобилэму ку объекте де лукс граюл матерн». Надо отметить и ориентацию на латинизацию языка, начавшуюся главным образом трудами представителей трансильванской школы, а также на итальянизацию языка у Елиаде Рэдулеску. Попытка проводить эти идеи в публикациях валашского княжества нашла должный отпор среди представителей литературного процесса в молдавском княжестве как на практике — в языке их произведений, так и в различных статьях, письмах и публичных выступлениях. На многие из этих явлений обращали внимание исследователи молдавского языка и литературы. Следует привести еще и такой пример. Сохранился издательский контракт между Елиаде Рэдулеску — издателем, и Василием Погор — автором перевода «Анриады» Вольтера, и переписка между этими деятелями культуры молдавского и валашского княжеств первой половины XIX века¹⁰. Издательский контракт именуется Василием Погором «токмалэ ку д. Елиади пентру типэрия Ханриадей». В одном из своих писем В. Погор пишет: «Ну ка се ынклештез о луптэ литералэ, чи еу ну мэ сокотеск дестойник а о спрежини, чи ын привире де сфэтуире, притоаре ынвэцетурий, ым вой ерта домнул миеу оарекаре скотинцъ». В письме он приводит ряд названий того, что может быть «пилдэ де гылчавэ».

«Пе скырнав, пе мыршавнич кум ну-л вей тэлмэчи,нич де ажюнс,нич потривит прин кувынтул „нимикничит“. Прин скырнав ши мыршав еу ынцелег ун лукру че ну ясте курат, чи ясте

¹⁰ Anineanu M. Un contract editorial și o corespondență literară între Vasile Pogor și Eliade Rădulescu.— Studii și cercetări de bibliologie. București, 1963, p. 277—293.

„ынтинат, фештелит, мынжит, унсурос, грецос“, яр прин „нимикничит“ ынцэлэг ун лукру микшорат, ынжосит, десфиинцат, кареле с'ау фэкут де нимикэ вредник...»

Помимо отстаивания необходимости употребления и таких слов, как *вятяз*, *край*, *кырмуиря* и многих других из своего текста перевода «Анриады», В. Погор высказывает общие суждения, представляющие для нас интерес. Например: «Еу дореск сэ луструеск кувынтул чел ружинит, сэ фэцуеск пи чел чоторос ал нямулуй меу ши дин алуатул лимбий сэ ынплетеск пе чели че-м липсеск, ка сэ мэ поч ынтра адивэр нуми лучиторю лимбий меле, яр ну ынпэестроторюл яй» (с. 287). Или следующее общее заключение письма: «Мэсуря ясте ын тутул лукрул чел май бунши май куминте» (с. 288).

Этот черновик письма, написанный кириллицей в 1838 году, представляет собой один из дополнительных подтверждений сложности языкового процесса, который все же в этот ранний национальный период молдавского языка принимает правильную ориентацию на общенародный язык, на использование традиции, на умеренное восприятие новшеств, на учет внутренней специфики языка. Вместе с тем, это не означает, что и в последующем своем развитии процесс этот протекал по прямой линии. Отдельные перегибы в ходе становления современного национального языка наблюдались и наблюдаются и в настоящее время.

Современный национальный период, особенно после 50-х годов, характеризуется бурным ростом всей социально-общественной жизни советского общества, что находит свое отражение в развитии всех национальных языков Советского Союза. В этом процессе расширения сфер и возможностей языка, как и в любом процессе роста, появляются свои специфические «сорняки», отдельные кривые ветви, которые требуют от исследователя не пассивного наблюдения, а активного вмешательства при учете объективных закономерностей развития языка, его стилевой и функциональной дифференциации, при учете его основного назначения, его главной коммуникативной и экспрессивной функций.

Каждая эпоха ставит перед исследователем языка свои задачи. Некоторые из них в отдельных своих аспектах повторяются.

Если для такого языка как русский, с его выдающимися учеными в прошлом и в советский период, открывшими новые направления в мировой лингвистике, в наши дни снова встает вопрос о его генетическом и функциональном статусе (как это показала статья Ф. П. Филина в журнале «Вопросы языкоznания», № 4, 1977), то молдавский язык, недостаточно, односторонне и не всегда с правильных позиций изученный, в настоящее время, при наличии самосознания его носителей, определивших пути своего общественного развития, требует не менее глубокого и всестороннего исследования, исходя из четко аргументи-

рованных и объективно обоснованных позиций, на основании фактов письменной и устной литературы.

Представляется также, что изучение молдавского языка в его историческом развитии следует проводить отказавшись от чужих догм и патриархальных теорий, выработанных определенным направлением мысли и с определенной целью, противоречащих марксистской методологии.

ЕЛЕМЕНТЕ ЛЕКСИКАЛЕ ВЕКЬ ЫН ТОПОНИМИЯ МОЛДОВЕНЯСКО

Студиеря ын план историк а вокабуларулей лимбий ноастре есте о преокупаре май веке а спечиалиштилор филоложъ. Примеле ынчкеркэ ын ачест домениу с'ау фэкут ынкэ ла ынчепутул секолулуй трекут. Юрий Венелин, чел динтый едитор ши черчэттор де грамоте славо-молдовенешть, а дат експликаций май мултор кувинте спечифиче дин документеле аминтите¹. Унеле слементе де вокабулар, атестате ын извоареле скрисе векъ, ау фост репродусе май тырзиу де Фр. Миклошич ын лукрая са «Лексиконул палеословенико-греко-латин»². Марелуй ностру филолог Б. П. Хашдеу ый апарцин примеле глосе де кувинте молдовенешть менционате документар ын епочиле антериоаре. Ачестей проблеме й-ау акордат атенциие ын время лор лингвиштий ши филоложий славишть: П. А. Сырку, И. Богдан, А. И. Яцимирский, И. Бэрбулеску, М. Штефэнеску, Д. П. Богдан ш. а.

Черчетаря векюлуй вокабулар ал лимбий пе базэ де сурсе скрисе есте каля чя май сигурэ ши, ын ултимэ инстанцэ, чя май результативэ. Дар, дин пэкате, ну с'ау пэстрат, дупэ кум се штие, тексте спечифиче тутурор етапелор де дэзволтаре але лимбий ноастре. Чел май векъ текст скрис орийинал датязэ дин сек. XVI. Пентру етапеле антериоаре авем доар атестэрь де кувинте рэзлеце. Диспунем де пущине мэртурый скрисе ши дин епочиле де май тырзиу. Қынд текстеле скрисе липсеск, ын ажутор не вин алте сурсе де информаціе: креация популярэ оралэ, граюриле лимбий национале, ономастика. Ултима, ын спечиал топонимия, презинтэ о адевэрратэ архивэ, ын каре шь-ау гэсит оглиндире стэрь, фапте ши феномене де лимбэ дин челе май векъ тимпурь.

Ын челе че урмязэ не пропунем сэ релевэм унеле элементе де вокабулар, фолосите астээз ын лимба литерарэ ши ын унеле граюри доар ка нуме проприй жеографиче. Материалул топонимик черчетат а фост колектат немжилочит пе терен, ын тимпул экспедициилор, ши комплектат пе базэ де документе ши тексте

¹ Венелин Ю. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты. СПб., 1840.

² Miklosich Fr. Lexicon paleoslovenico-greco-latium. Viena, 1862—1865.

векъ, ачаста май алес ын чея че привеште датаря топонимелор ши а нумелор компусе де ла каре провин. Нумеле топиче анализате денотэ векъ урме де лимбэ суб диферите аспекте: лексикал, семантик, деривационал, морфоложик. Аич, ынсэ, не преокупэ ын мод спечиал реликtele де ордин лексико-семантик.

Вом анализа пентру ынчепут ынчева нуме топиче де маре векиме, атестате ынкэ ын примеле документе славо-молдовенешть. Ачесте топониме провин де ла апелативе инекзистенте астээз ын лимбэ: *Кишинэу, Орхей, Шкяу* ш. а.

Ойконимулай *Кишинэу* и с'а дат релатив ну демулт о ноуэ экспликации: *кишинэ* (сай *кишинэу, кишинэу*) — термин ентопик диспэрт, че ар фи авут сенсул де «извор, извор артезиан»³. Апелативул есте атестат ын документеле славо-молдовенешть дин сек. XV: *Албашев кешенев* «кишинэул луй Албаш» пе Бык (1436, Кост., I, 459, 462)⁴; *от червленого кешенева* «де ла кишинэул рошу» пе Ботна (1455, Кост., II, 531; 1458, Богд., I, 8). Ачест извор есте аминтит май тырзиу, ын сек. XVIII, ку нумеле *Великий кишинев* «кишинэул чел маре»⁵. Уней чишмеле дин апопиеря сатулай Требужень (р. Орхей) локалничий ши астээз ый зик *Кишинэу*. Ка локалитате *Кишинэул* (актуалул ораш) апаре менционат пентру прима датэ ынтр'ун христов дин анул 1466 (Богд., I, 116).

Етимонул *Орхеюлуй*, спре деосебире де чея ал *Кишинэулуй*, ну диспуне де атестэрь документаре. Презенца луй ын лимбэ есте доар пресупусэ. Ын рејиуниле де ла вест де Карпаць, де тимпуриу популате де унгурь, екзистэ нумероасе топониме, каре пар сэ фие ынрудите етимоложик ку *Орхеюл* ностру: *Орхей, Ошорхей, Ошорхел* ш. а Се креде, кэ формеле лор май векъ *Vorhel* (*Várhely*) ши, респектив, *Vásárhely* ау ла базэ апелативул унгуреск *var* «ораш, чатате»⁶, примитивул терминулай унгуреск *város*, каре ын лимба ноастрэ а дат *ораши*. Е фоарте посибил, ка ун апелатив *орхей* ку сенсул де «ашезаре фортификатэ, чатате», че поаате фи лесне дедус дин етимонул сэу унгуреск (*várhely*>*vorhely*>*uorhely*>*orhel*), сэ фи екзистат ын граюриле лимбий ноастре векъ, ку тоаате кэ документеле времий ну-л атестэ. Ун аргумент ын плус ла ачаста есте, дупэ кум мэртурисеск вестижиле археологиче, презенца ын трекут (сек. XV—XVI) а уней

³ Богач Г. Ф. Заметки по молдавской топонимике и идиоматике.—Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, № 12 (45). Кишинев, 1954, с. 94.

⁴ Абревиер библиографиче: Богд., I (II) — Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare, I—II. Buc., 1913; ДИР, A — Documenta privind istoria României, A, Moldova. Buc., 1954—1957; ДР, A — Documenta Romaniae Historica A, Moldova, vol. XXI. Buc., 1971; Дрэг.—Drăganu N. Româniîn veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticiei. Buc., 1933; Кост.—Costăchescu M. Documentele moldovenești de la Ștefan cel Mare. Iași, 1933; Кост. I (II) — Costăchescu M. Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, I—II. Iași, 1931—1932; МЕФ, I (II) — Молдова ын епока феудализмулай, вол. I—II. Кишинэу, 1961—1978.

⁵ Записки Одесского общества истории и древностей, т. II, 1848, с. 563.

⁶ Iordan I. Toponimia românească. Buc., 1963, р. 309—310.

векъ четэць пе локул нумит астэзъ *Орхеюл-Векъ*⁷. Ачестей четэць локалничий й-ар фи зис ын лимба лор орхей. Ну есте ексклусэ, ынсэ, ши о трансплантаре а топонимулуй дин режиуниле апусене де о веке популяции мигратоаре.

Етнонимул *шкяу*, че репродуче нумеле латин ал славилор, ын спечиал ал популяцией булгаре (*sclavus*, пл. *sclavi* <слав. ком. *slovēne*), демулт ну май аре чиркулацие ын лимба ноастэрэ. Извоареле векъ, ынсэ, ыл атестэ ка топоним: *Scley* (1438, Дрэг., 270), *ШКЬИ* (1455, Кост., II, 553), *Skey* (1480, Дрэг., 270), *Scheia* (1632, ДР., А, XXI, 133) ш. а.⁸, факт че доведеште ын мод индирект, кэ ын трекут кувынтул ера фолосит фреквент ка апелатив. Үн сат ку нумеле *Шкея* екзиста ла ынчепутул сек. XVI пе териториул динтре Прут ши Нистру, апроксиматив пе локулunde се афлэ орашул Кахул де астэзъ: «*Шкея, ын гура Фрумоасей*» (1502, Кост., 246—247), «*Шкей, на оусти Фрумоасе, и у кръници Мачеш, что на нижний конецъ Черленого озера*» «*Шкей, ла гура Фрумоасей, ши ла фынтына Мэчешул, че-й ын партия дин жос а лакулуй Рошу*» (1503, МЕФ, II, 214, 217; 1529, МЕФ, II, 262, 265).

Пе база топонимией поате фи пресупусэ екзистенца унор кувинте де ынтребуинца реестрынсэ, пе каре нич граюриле локале ну ле май пэстрязэ астэзъ. *Анинэ* (пл. *анинь*), дупэ кум се штие, есте үн кувынт диалектал, рэспындит астэзъ май ку самэ ын естул ши суд-естул републичий. Үн граюриле сателор дин стынга Ниструлуй терминул есте куноскут песте тот ку ынцелесул де «нисип». Локуторий унор сате дин райоанеле Криулень, Анений-Ной, Кэушань ши Суворов ыл фолосеск ку сенс пущин модификат: «нисип мэрунт», «нисип галбен мэрунт», «нисип алб», «нисип рошу» ш. а. Ария кувынтулуй диалектал *анинэ* купринде ши нумероасе нуме топиче де ачест фел: *Аниноаса, Анинь, Ла-Анинь* ш. а. Пе времурь, ынсэ, апелативул *анинэ* а чиркулат ши ын райоанеле централе. Деспре ачаста не мэртуришеште топонимия. Үн хотарул сателор Буцень (р. Котовский), Кэприяна (р. Стрэшень) ш. а. екзистэ локурь нисипоасе, каре се нумеск *Анинуш*. Ачест нуме репрезинтэ үн дериват ал луй *анинэ* ку суф.-уш, авынд сенсул де «лок нисипос, нисипиш». Моделул формацийор колектив-локале ын -уш есте дестул де продуктив ын топонимия ноастэрэ: *Кетруш, Скинуш, Теюш, Урзикуш* ш. а.

Нумеле локалитэций *Анинь* дин районул Котовский аре ачяш етимоложие. Пентру а ле диференция лингвистик, топонимулуй де датэ май речентэ и с'а адэугат детерминативул *Ной* — *Анений-Ной*, чөлэлалт май векъ рэмынынд интакт дин пункт де ведере

⁷ Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхея.— КСИИМК АН СССР, вып. 56. М., 1954, с. 24—39; Полевой Л. Л., Бырня П. П. Средневековые памятники XIV—XVII вв. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 7. Кишинев, 1974, с. 86.

⁸ Вэзь ши алте нуме де ачест фел ла *И. Иордан* (Оп. чит., п. 284—285): *Скея, Валя-Скеилор, Скеюл, Скяу, Скяул, Шкей, Штею* ш. а.

формал. Ля форма актуалэ *Лнень* (*Лнений-Ной*) с'а ажунс принадаптаря цумелуй инициал (*Лнинь*) ла типул деривателор ын-*енъ*, деосебит де фреквенте ын топонимия молдовеняскэ.

Аша дар, топонимул ын дискуцне денумя ла ынчепут ун лок нисипос пе валя Быкулуй, нисипишул алувионар де ла вэрсаря челор кыцьва мичь афлуенц де стынга ши де дряпта ай рыулуй Бык. Ултериор, нумеле респектив а фост прелуат де локалитатя ынтемеята ын вечинэтатя ачестуй лок. Конклузия, че се импуне аич, есте, кэ челе доуэ арий — диалекталэ ши топонимикэ — коинчид нумай ын план историк, дар ну ши контемпоран.

Дин категория топонимелор, але кэрор кувинте-етимоане ну се май фолосеск астэзъ ын граюриле локале, фак парте:

Бутур (сат, р-нул Григориопол): *бутур* (вар. *бутурэ*, пл. *бутуръ*) «бутуругэ», «трункъ де копак». Апелативул паре сэ фие ынрудит ку ботэ «вас фэкут дин доаже де лемн», *буте* (вар. *бутие* «бутой»; де аич *бутой*: *бут-*+суф. *-ой*), *бутук*, *бутуругэ*. Пентру етимоложие сэ се компаре: лат. *buttis* «вас де лемн ротунд», ит. *bòtte* «бутой, бутояш», сп. *bota* «бутой», в. фр. *bote*, фр. акт. *botte* «бутояш»⁹. Ойконимул *Бутур* поате фи экспликат, ынсэ, ши прин антроп. *Бутур*, пореклэ ла орижине («ом маре, здравээн»).

Замка (парте де терен агрикол, с. Перерыта, р-нул Бриченъ; лок ын пэдуре, с. Волоаве, р-нул Сорока): *замкэ* «ынтэритурэ, четате», «локул уней векъ ынтэритуръ» (<рус., укр. *замок* «кастел, четате»). Ын граюл унор сате дин нордул републичий терминул поате фи ынтылнит ку сенсул де «гард де пятрэ», «ынгрэдитурэ дин петроае».

Кичера (дял, с. Трушень, р-нул Стрэшень): *кýчерэ* «дял ыналт, мунте», терминул фииннд экспликат принтр'ун кувынт де орижине аутохтонэ **kikhēra* (комп. алб. *k'ikel't*, *k'ikel'*)¹⁰. Алте локурь ку ачест нуме ла ной деокамдатэ н'ау фост ынрэжистрате. Топонимул апаре ынсэ фреквент ын зона мунцилор Карпацьши ын режиуниле ынвекинате: *Кичера*, *Кичеря*, *Кичерул*, *Кичерна*, *Кичира*, *Кичора*, *Кичоара*, *Кичура*, *Кичурла*, *Тичера*, *Чичера*¹¹; *Великая Кичера*, *Кичера Круглая*, *Кичера-Росушка*, *Яворова Кичера*, *Цапова Кичера*¹² ш. а.

Лиштева, вар. *Лиштяву* (балтэ, с. Вадул-луй-Исак, р-нул Вулкэнештъ). Хидронимул аре ла базэ аддектиивул *лиштяв*, каре одиниоарэ ынсемна «тулбур, норойос, млэштинос». Семнификация луй топономастикэ ар путя фи, деч, «апэ тулбуре», «лак млэштинос», «мочирлэ». Лакурь ши бэлць ку ачест нуме се ынтылниск фреквент ын делта Дунэрий.

⁹ А се ведя ши алте экспликаций ла *Cioranescu C. Diccionario Etimologico Rumano*, fasc. I. Tenerife, 1958, p. 100, 118—119.

¹⁰ *Drăganu N. Din vechea noastră toponimie.—Dacoromania*, I. Cluj, 1921, p. 117—129.

¹¹ *Нордан И. Оп. чит., п. 34, 364.*

¹² *Постолов Е. М. Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат.—В кн.: Микротопонимия. М., 1967, с. 24—25.*

Матка-Рункулуй (вале, с. Буцень, р-нул Котовский): *рунк* «лок дефришат», «поянэ ын пэдуре» (<лат. *runcus*<*runcare* «а пливи, а курэци»). Есте уникул топоним де ачест фел ынрэжистрат пе териториул РСС Молдовенешть. Ария де рэспындире а терминулай ентопик ши а формацилор топонимиче респективе сынт Карпаций. Аич сынт обишинүнте нумеле де локурь: *Рунк(ул)*, *Рункулец*, *Рункурелул*, *Рункушорул* ш. а.¹³.

Погор (дял, с. Милешть, р-нул Ниспорень): *погор* «пантэ, кобрыш», «дял» (<слав. *гора* «дял», ку преф. *по-*).

Приходиште (дял, с. Милешть, р-нул Ниспорень): *приходиште* «коастэ де дял», «пантэ, версант» (<в. слав. *приходище* «ынтоарчере»).

Рэншиу (лак секат, с. Токиле-Рэдукань, р-нул Леова): *рэнши* есте ун дериват «локал» ку суф. *-ши* де ла апелативул топик *рэние* (вар. *рение*), куноскут ын сателе прутене дин райоанеле Кахул ши Вулкэнешть ку сенсурile де «лок ынтр’о апэ ку фунд нисипос ши неадынк», «цэрмул ынтина ши нисипос ал уней апе». Ка топоним ши апелатив терминул *рэние* а фост ынрэжистрат ын граюл локалитэцилор дин валя Ниструлуй, претутинден, де ла Наславчя (р. Окница) пынэ ла Паланка (р. Суворов). Ла Токиле-Рэдукань ши ын сателе прутене, ситуате ла норд де ачастэ локалитате, атыт *рэние*, кыт ши дериватул сэу *рэнши*, сынт некуноскуте де ворбиторь. Аич пентру ноциуниле аминтите се фолосеск респектив локуциуниле *праг нисипос, мал нисипос*, прекум ши терминул *скрунтар* (ын райоанеле Бричень, Единец, Рышкань), пентру амбеле ноциунь.

Фэгэдэу (сате ын райоанеле Флорешть ши Фэлешть). Пынэ одниоарэ терминул *фэгэдэу* се фолося ын граюрь ку сенсул де «хан, оспэтэрие, кырчумэ» (<унг. *fogadó*). Ау диспэрт уекиле ханурь де ла друмуриле марь, а ешил дин ынтребуинцаре ши кувынтул прин каре ерау десемнате. Доар ын кынтечеле бэтрынешть май поате фи аузит ачест кувынт: «*Ла моарэ ла фэгэдэу/ Мэ’нтылний кү’н кускру-ал меу...*». Сенсул де «хан» ыл авя ши апелативул *ратуш* (<укр. *ратуш* «примэрие (урбанэ сау руралэ)» <жерм. *Rathaus*), пе каре, ынсэ, унеле граюрь ыл май пэстряэ ынкэ ши ын зилеле ноастре. Ачест термин апаре ла ной мулт май фреквент ын микротопонимие.

Дикционареле ноастре ынрэжистряэ унеорь кувинте ку сенсурь ынвеките, ешите дин уз, куноскуте доар де ворбиторий инструиць ши де кэтре специалишти: *браниците, грэдишите, отак, паланкэ, паркан, троян* ш. а.¹⁴. Експликацииле ачестор кувинте, кредем, ар требуи ынсоците де менциуниле респективе: *ынвекит, историк, архаик*. Семнификацииле лор векь ну ле май регэсим декыт ын топонимие.

¹³ Иордан И. Оп. чит., п. 23, 361, 458.

¹⁴ Дикционар экспликатив ал лимбий молдовенешть. Вол. I. Кишинэу, 1977; Дикционар молдовенеск-руссеск. М., 1961 ш. а.

Апелативул *браниците* аре ынцелесул де «лок де пэдуре резерват пентру пэстрапе», «пэдуре бэтрынэ», «мошие домнияскэ» (<<булг. бранице). Унул дин ачесте ынцелесурь а стат ла база ойконимулуй *Браниците* (сат, р-нул Рышкань).

Терминул *грэдиште* не-а венит дин славонэ (*градище*), унде авя сенсул де «фортификациие преисторикэ», «локул уней векь ашээзъ оменешть». Документеле ноастре векь ыл атестэ доар ка топоним. О *Градиште* есте менционатэ ла 1502 ын судул Молдовей,aproape de руул Кахул (Кост., 248). О алтэ *Грэдиште*, дупэ кум реесе динтруун документ дин анул 1527, екзиста ын цин. Тигеч, «пе Ялпух, май сус де гура Рэдуроасей» (ДИР, А, XVI, I, 239). Астээзь *Градиште* се нумеште ун сат дин районул Чимишлия, ситуат ну департе де Валул Троян (Валул луй Траян де Сус), локалитате че паре сэ ну фие май веке де сек. XIX. Топонимул актуал ар путя конституи о довадэ, кэ одиниоарэ кувынтул *грэдиште* май ера ынтребуинцат ын партя локулуй.

Паланкэ авя сенсул де «лок ынтарит пентру апэраре», «табэрэ», «четате». Ку ынцелесул де «четате» есте фолосит ын летописецул луй Мирон Костин: «Ын мижлокул мунцилор ера о *паланкэ* де зид ши трас зидюл ден рыпа а унуй мунте пынэ ын рыпа алтуй мунте. Че ынду ам соситу ной, ам афлат *паланка* ши локул ачела пустиню де оамень»¹⁵. Ион Некулче, констатынд фаптул кэ леший ну пра се прегэтисерэ де инвазия турчилор, ис релатязэ: «Леший... ниче оасте ау гэтит ымпотрива Туркулуй, ниче Каменица ау ынтарит-о ку нештикавай ошты..., ниче цара лор ну се беженисэ пен пэлэнчы...»¹⁶. Пе времурь пэлэнчиле се конструяу дин пятэрэ сай дин леми ши пэмынт, дин трункюрь де копачь ашезаць ориентал сай дин парь грошь, аскуциць ла капэтул де сус, ынфиць ын валул де пэмынт ку шанц ымпрежур. Ын граюрь кувынтул *паланкэ* ера куноскут ши ку алте ынцелесурь: 1. «адэпост пентру вите (ын кымп)»; 2. «гард де скындуурь (ляцурь, прэжинь) ашезате ориентал»; 3. «трункъ де копак, пар, стылп»; 4. «копак доборыт ла пэмынт»; 5. «пэдуре доборытэ де вынты сай прин тэеря копачилор» ш. а. Ачест ултим сенс а стат ла база експресией идиоматиче *а да (а фаче) паланкэ*, чея че ынсямнэ «а кулка ла пэмынт, а доборы». Сенсул де «ынтаритурэ, фортификациие, «четате» а стат ла база мултора динтре нумеле ноастре топиче (*Паланка* — локалитэць ын районеле Кэлэрашь, Сорока, Суворов ш. а.). Урмеле уней четэць де пятэрэ, ку турнурь пе ла колцурь, се май пэстрапа пынэ ну демулт ын апопиеря сатулуй *Паланка* дин районул Суворов.

Троян инициал ынсемна «фортификациие стрэвеке, констынд динтруун вал лунг де пэмынт, ку шанц де апэраре». Етимонул луй, слав. *трастик* репродууче нумеле ымпэратулуй роман *Traianus*, кэруя, потривит традицией, й-ау фост атрибуите aproape тоате

¹⁵ Мирон Костин. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1972, п. 238.

¹⁶ Ион Некулче. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1974, п. 90.

фортификацииле стрэвекъ, ын деосебь валуриле де пэмынт дин суд-естул Еуропей. Ла семнификация актуалэ а терминулуй *тряян* — «ноян де зэпадэ, нэмэте» — са ажунс прин асемэнаря реалиилор. Чя май веке менциуне документарэ а топонимулуй молдовенеск *Тряян*, нумеле Валулуй луй Тряян де Жос (р-нул Вулкэнешть), датяэ дин 2 юлие 1502 (Кост., 93, 246, 249, 250)¹⁷.

Отачь (орэшел, р-нул Окница). Аич требуе адмисэ семнификация примарэ а терминулуй *отак* — «ашезаре де трупе милитаре; кантонамент» (<турк. *otak* «корт маре»). Ойконимул репрэзинтэ форма диалекталэ де плурал а кувынтулуй-етимон (плуралул обишинуит фиинд *otakury*). Урмеле унор ынтэритурь милитаре се май пэстряэ ши астээз ла Отачь. Елоквенте ын ачест план сынт микротопонимеле локале: *Бастоане*, *Батерия*, *Подул-Туркулуй*. Нумеле сатулуй Отак дин р-нул Резина ар путя сэ айбэ сенсул, пе каре терминул дискутат л-а кэпэтат ултериор ын граюриле лимбий ноастре: «локуинцэ ын кымп, сервинд ка адэпост чобанилор сау мунчторилор агриколъ ын тимпул лукрулуй», «тырлэ де ой сау вите», «стынэ».

Урмэтоареле нуме топиче не ынфэцишазэ формаций деривативе раг ынтылните сау, ын женерал, нефолосите астээз:

Дубэсарь (ораш, чентру административ районал): дериват ку суф. *-арь* де ла апелативул *дубас* «лунтре маре, сервинд ла пескуйт ши ла тречеря де пе ун цэрм пе чэлэлалт ал уней апе», «понтон». Дубэсарий, векюл сат де пе малул дрепт ал Ниструлуй, ва фи фост, пробабил, о ашезаре, ай кэрэй локуторь фэчяу дубасурь сау суправегяу вре-ун под, конструйт дин дубасурь.

Корчоварь (махала, с. Котюжень, р-нул Бричень): *корчовар* (-*кочорвар*) «мештер каре конфекционязэ кочорве».

Кэрбунарь (парте де терен агрикол, с. Хлижень, р-нул Резина): кэрбунар «персоанэ каре фабрикэ ши винде кэрбунь де лемн». Нумеле сатулуй Кэрбун (р-нул Кутузов), прекум ши микротопонимеле де маре фреквенцэ дин хотарул сателор де кодру: Кэрбунэрия, Кэрбунэрий, Кэ(р)борница ш. а., пэстряэ аминтия ачестей стрэвекъ окупаций а оаменилор дин партя локулуй.

Станциер (нумеле унуй сат стрэмутат, ситуат май ынаинте ын р-нул Глодень): *станциер* (<*станцие*+суф. *ер*) «персоанэ ынсэргинатэ ку паза ши ынтрэцинеря уней стаций де друм, а поштей».

Фэтэчуня (пэшуне ши пэдуре, с. Кэцелень, р-нул Ниспорень): фэтэчуне «лок превэзут пентру анималеле каре фатэ». Семнификация пасторалэ ну май есте куноскутэ астээз де локалнич.

Динтре векиле феномене фонетиче, каре шь-ау гэсит рефлектаре ын топонимия ноастэр, ле менционэм доар пе урмэтоареле:

а) префачеря луй *в* ын *у* ын нумеле топиче де орижине славэ: *Василково* — *Василкэу* (сат, р-нул Сорока), *Воронково* — *Воронкэу* (сате, районеле Сорока, Рыбница), *Марковци* — *Мэркэуць*

¹⁷ Вэзь ши: *Ghimbănescu G. Surete și izvoade*, IX. Iași, 1914, p. 8—10.

(сате, райоанеле Бричень, Криулень), *Трифовци* — *Трифэуць* (сат, р-нул Сорока) ш. а.

б) дифтонгаря луй о акцентуат ын топонимеле де орижине славэ: *Болого* — *Болоата* (рыулец, афл. ст. р. Кэинар, р-нул Сорока), *Глубока(я)* — *Хулбоака* (сате, райоанеле Орхей, Стрэшень) ш. а.

в) префачеря луй г ын х ын топонимеле славе проприу-зисе: *Глиное* — *Хлиная* (сат, р-нул Единец), *Городище* — *Хородиште* (сате, райоанеле Дондушень, Резина, Рышкань), *Гриновци* — *Хринэуць* (сат, р-нул Единец) ш. а.

Ын топонимие шъ-ау гэсит оглиндире ши унеле феномене ши прочедее векъ морфологиче:

а) формаря женитивулай ку ажаторул препозицией *де*: *Траклия-де-Салчие*, *Тартаул-де-Салчие* (сате, р-нул Кахул), *Хэнэсений-де-Пэдуре* (сат, р-нул Леова) ш. а.

б) формаря женитивулай персоаней III прин енклиза артико-лулай хотэрыт: *Валя-Бэнаруулай* (с. Валя-Русулай, р-нул Фэлешть), *Гырла-Тэбэрэнуулай* (с. Прутень, р-нул Фэлешть), *Одая-Крецуулай* (с. Фештелица, р-нул Суворов) ш. а.

в) субституиря дезиненцей плуралулай *-урь* прин *-е* ла субстантивеле амбижене: *отакурь* — *Отаче*, каре ултериор а дат *Отачъ*, прин адаптаря ла моделул топонимелор ку форме де плурал ын *-в* (*Отачъ*, орэшел, р-нул Окница).

г) сингуларизаря формей де плурал, феномен спечифик локал: *тэурь* — *Тэуря*, девенит ултериор *Тэура* (Тэура-Веке ши Тэура-Ноуэ — сате, р-нул Лазовск) ш. а.

Топонимия молдовеняскэ пэстрязэ нумероасе кувинте ши терминъ дин граюл алтор популяций конлокуитоаре, пе каре ворбиторий лимбий респективе ну ле май фолосеск. Инвентариеря ши студиеря лор ва контрибуи ла куноаштеря май профундэ а феноменелор де билингвизм, а контактелор динтре лимбъ ши граюрь, а партикуларитэцилор лексикулай лимбилор ши граюрилор респективе. Презинтэ интерес, дин ачест пункт де ведере, элементеле де вокабулар фолосите ындува де ворбиторий граюрилор русешть сау украинене, астэзь куноскуте нумай ка топониме: *Волоака* (пэдуре, с. Хородиште, р-нул Кэлэрашь): *волока* «лункэ ымпэдуритэ», «пэдуре»; *Копанка* (сат, р-нул Слобозия): *копанка* «яз мик сэпат», «извор», «фынтыницэ»; *Болотина* (сат. р-нул Глодень): *болотина* «бэлтоакэ», «млаштинэ»; *Печиште* (сат. р-нул Резина): *печище* «сат дин ытева касе, сэтук»; «ватра унуй сат диспэртүт»; *Избиште* (сат, р-нул Криулень): *избище* «локул үней касе диспэртүт, дэрымате», «ватрэ де сат векъ»; *Студень* (лок ын пэдуре, с. Иванчя, р-нул Орхей): *студень* «извор», «фынтыницэ»; *Теребна* (рыулец, афл. ст. р. Прут): формацие поствербалэ ку сүф. *-н- (а)* де ла слав. *теребити* «а курэци, а дес-пэдуря»; *Теребна* — «(вале) деспэдуритэ, дефришатэ» ш. а.

Дин пункт де ведере лексико-семантик, принципиалул ностру аспект де анализэ ын казул де фацэ, нумеле топиче дискутате пот фи группате ын урмэтоареле трей категорий:

1) Топониме провените де ла апелативе инекзистенте астээзь ын лимбэ, дар менционате ын текстеле векъ сау пресупусе ка екзистенте ын лимба ноастрэ веке: *Кишинэу, Орхей, Шкяу* ш. а.

2) Топониме провените де ла апелативе некуноскуте астээзь де ворбиторий локалничъ, дар екзистенте ын граюриле алтор локалитэць сау режиунь: *Анинуш, Бутур, Замка, Кичера, Лиштева, Погор, Приходиште, Рэнниш, Фэгэдэу* ш. а.

3) Топониме провените де ла апелативе куноскуте ын презент де ворбиторъ, дар ку ун алт ынцелес декыт чэл векъ, инициал: *Браниште, Градиште, Отак, Паланка, Пэркань, Троян* ш. а.

Ам екзаминат аич доар кытева дин елементеле векюлой ностуру вокабулар. Ачаста ар путя конституи ынчепутул унор черчэтэрь де амплоаре, атыт прин апликаря унуй материал фактологик май богат, кыт ши прин абордяя унуй комплекс май амплу де проблеме. Есте евидент деокамдатэ, кэ номенклатура ноастрэ топикэ не поате фурниза ын ачест скоп материалае ши информации де прец.

ДРЕВНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МОЛДАВСКОЙ ТОПОНИМИИ*

Резюме

Изучение древней лексики молдавского языка давно находилось в центре внимания многих специалистов филологов. К этому вопросу обращались в свое время Ю. Венелин, Фр. Миклошич, Б. П. Хашдеу, Н. Я. Яцимирский и др.

Изучение истории языка на базе письменных памятников — это наиболее правильный, и в конечном счете, наиболее плодотворный путь исследования. К сожалению, самые древние письменные памятники молдавского языка относятся лишь к XVI в. Более ранние документальные свидетельства лексических элементов единичны. Однако, в отсутствие письменных источников на помощь приходят устное народное творчество, говоры национального языка, ономастика, главным образом топонимия. Географические названия весьма устойчивы, сохраняются надолго, становясь своеобразными историческими памятниками. Они отражают явления и процессы, присущие языку с самых древних времен.

В данной статье рассматриваются некоторые элементы лексики, которые используются в современном молдавском языке и в некоторых его говорах только в качестве топонимов и микротопонимов. Топонимический материал основывается на экспедиционных записях автора и на сведениях, извлеченных из различных архивных источников. Анализ производится в лексико-семантическом плане. С этой точки зрения исследуются, в первую очередь, топонимы, которые возникли на основе апеллятивов. Некоторые из них, встречающиеся в славяно-молдавских грамотах, по всей вероятности, существовали и в древнемолдавском языке: *Кишинэу, Орхей, Шкяу* и др.

Ойконим *Кишинэу* объясняется через древнемолдавский исчезнувший апеллятив *кишинэу* (*кишинэу*) «источник, родник». В древних документах упоминается несколько таких источников: *Албашев кешенев* (1436), *от черваленого кешенева* (1455). О топонимическом бытованиях этого термина говорит и

* Русское резюме Магдалены Лунгу.

то, что родник, находящийся на территории села Требужены Оргеевского района, носит и сейчас название *Кишинэу*.

Предполагается, что в основе топонима *Орхей* лежит венгерский термин *var* «город, крепость». Возможно, что апеллятив *орхей* со значением «крепость» бытовал в древнемолдавском языке. Доказательством могут послужить археологические данные, которые подтверждают существование в древности небольшой крепости на месте современного исторического памятника Старый Орхей. Не исключено также, что Орхей — это переносное название, данное мигрирующим населением. Этноним *шкяу* «болгарские славяне» давно не употребляется в живой речи, однако многочисленные ойконимы *Шкея*, встречающиеся в славяно-молдавских грамотах, свидетельствуют о том, что это слово когда-то употреблялось и в качестве апеллятива.

Отдельную категорию составляют топонимы, возникшие из апеллятивов, значение которых сегодня не знакомо местным жителям. Все же эти слова встречаются в говорах некоторых других районов. Так, например, диалектальное слово *анинэ* «песок» распространено в основном в восточной и юго-восточной части республики. Однако, топонимия доказывает, что термин *анинэ* бытовал и в центральных районах Молдавии, и это подтверждается наличием многочисленных макро- и микротопонимов: *Аниноаса*, *Анинуш*, *Анинь*, *Ла-Анинь* и др. (Ср. микротопонимы *Анинуш*, обозначающие песчаные места, расположенные на территории с. Буцены, Котовского района и с. Кэприяна Страшенского р-на). Топоним *Анинь* (село в Котовском районе) имеет ту же этимологию: *анинэ*, множественное число *анинь*. Ойконим *Анений-Ной* (<Анень <Анинь) вначале обозначал песчаное место в долине реки Бык, отражая особенности рельефа. Позднее название перешло и на основанное вблизи поселение. Подобным образом рассматриваются и другие топонимы: *Бутур*<*бутур* «дупло». Не исключено и его антропонимическое происхождение — *Бутур* (прозвище); *Замка*<*замэ* «замок» (в некоторых говорах употребляется и со значением «каменный забор»); *Кичера*<*кичэрэ* «высокий холм, гора»; *Лиштева* образовано путем топонимизации прилагательного *лиштэя* «болотистый»; *Матка-Рункулуй*<*рунк* «корчевье»; *Погор*<*погор* «склон»; *Приходиште*<*приходиште* «скат, склон»; *Рэнишу*<*рэние* «место в воде с неглубоким дном», «песчаный берег» + суффикс *-иши*. В функции топонима и апеллятива *рэние* был зарегистрирован в говорах населенных пунктов, расположенных вдоль всего Днестра; *Фэгэдэу*<*фэгэдэу*, до недавнего времени означающее «корчма у дороги», «заезжий двор». В этом же значении употребляется и апеллятив *ратуш*, который сохраняется и сейчас в некоторых говорах в качестве топонима.

Современные словари часто дают слова с устаревшими значениями: *браниците, грэдиште, отак, паланкэ, паркан, троян* и др. Толкование значений этих слов должно сопровождаться соответствующими пометами: *устаревшее, историческое, архаическое*, так как некоторые их значения представлены только в топонимии. Апеллятив *браниците*, например, означал «заповедный лес», «старый лес», «господское имение». Одно из этих значений лежит в основе ойконима *Браниците* (село в Рышканском районе). Термин *грэдиште* «городище» (древнее укрепление, место древнего поселения) фиксируется в славяно-молдавских грамотах только в функции топонима. Современный ойконим *Градиште* (село в Чимишлийском районе) служит доводом того, что термин *грэдиште* бытовал и как апеллятив. *Паланка* (<*паланкэ* «крепость») широко представлен в современной топонимии. В говорах термин известен в нескольких других значениях, одно из которых «поваленный лес» лежит в основе фразеологического сочетания *а да (а фаче) паланкэ* — «сбить с ног кого-либо, убить наповал кого-либо». Первоначально слово *тряян*, к которому возводятся топонимы *Валул-луй-Тряян*, означало «древнее укрепление, состоящее из длинного вала с защитной канавой». Современное значение «сугроб» было приобретено по аналогии реалий.

Следующие топонимы доводят до нас дериваты, которые редко употребляются или вообще не употребляются в настоящее время: *Дубэсарь* <*дубас* «большая рыболовецкая лодка, понтон». Возможно, местные жители занимались изготовлением понтонов или сторожили здесь понтонный мост; *Корчоварь* <*корчовар* «человек, изготавливающий кочерги»; *Кэрбунарь* <*кэрбунар* «человек, который занимается изготовлением и продажей древесного угля». Об этом древнем занятии наших предков напоминают многочисленные микротопонимы: *Кэрбунэрия*, *Кэрбунэрий*, *Кэ(р)борница* и др.; *Станциерь* <*станциер* «человек, который уполномочен присматривать за дорожной стоянкой, за почтой».

В топонимии отражаются и многие древние фонетические и морфологические явления, процессы и т. д.

Здесь подвергаются анализу лишь некоторые элементы древней молдавской лексики. Это может послужить началом дальнейших исследований с привлечением более обширного фактического материала и рассмотрением широкого комплекса проблем.

ГЛАВА II

*

МОЛДАВСКО-РУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

*

АКТИВИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

В «Предисловии» к первому изданию «Капитала» Карл Маркс писал, что «всякая нация может и должна учиться у других»¹. Это утверждение основоположника научного коммунизма относится как к нации в целом, так и к языку любой нации. Молдавский народ на протяжении многих столетий контактировал и продолжает контактировать со славянскими народами и в первую очередь с русским и украинским. Этот прямой и непосредственный контакт безусловно отразился на «облике» молдавского языка. Образно говоря, молдавский язык развивался и продолжает развиваться лицом на Восток. Все уровни молдавского языка буквально усеяны славянскими элементами. Сказанное относится главным образом к лексике, хотя и остальные языковые уровни впитали в себя большое количество славянских элементов², чем, собственно говоря, и отличается молдавский язык от западнороманских языков. «В социолингвистическом аспекте,— пишет акад. Г. В. Степанов,— молдавский язык есть самостоятельный — в смысле свободного, независимого функционирования и развития — язык молдавской нации, имеющий типичную структуру любого развитого национального языка, то есть располагающего собственным литературно-письменным стандартом, специфической формой литературно-разговорной речи, связанной с формами обиходно-разговорной речи и говорами молдавского национального ареала»³.

Здесь мы попытаемся показать, как активизируется в синтаксисе современного литературного языка ряд моделей под непосредственным влиянием русского языка. С целью наиболее полного выявления синтаксических новшеств в молдавском языке на сов-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 10.

² По этому вопросу имеется обширная библиография. См. главным образом монографию Ильяшенко Т. П. Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. М.: Наука, 1970 и приводимую автором богатую библиографию на с. 185—204.

³ Степанов Г. В. Объективные и субъективные критерии определения понятия «вариант языка». — В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев: Штиинца, 1976, с. 13.

ременном этапе его развития целесообразно рассматривать данный вопрос на фоне близкородственных языков. Однако, как отмечает проф. Р. А. Будагов, «проблема соотношения между близкородственными языками сложнее проблемы соотношения между родственными языками, не имеющими между собой такой степени близости — лингвистической и историко-культурной»⁴. По степени родственности из всех романских языков молдавский литературный язык стоит ближе к румынскому литературному языку. Вот почему, когда мы говорим о синтаксических инновациях в одном из указанных близкородственных языков, то их следует изучать не столько в плане структурного несходства, сколько, главным образом, «функционального несходства»⁵. В статье акад. Г. В. Степанова подчеркивается, что в процессе изучения близкородственных языков одно из главных требований состоит «не только в выявлении того что функционирует, но и того как функционирует»⁶. Языковые факты, почерпнутые из разных литературных стилей современного молдавского языка вполне подтверждают выше процитированное положение. Обратимся к примерам. И в молдавском, и в румынском языке существует многозначный глагол *а лукра* < <лат. lucubrage, lucrare⁷. Общее, доминантное значение данного глагола сводится к русскому «работать». Глагол *а лукра* бипозиционный, обладает целым набором дистрибутивных формул. В первой, или предикативной позиции, глагол *а лукра* не претерпел никаких дистрибутивных изменений. Однако во второй, полуусвя- зочной, позиции глагола *а лукра* можно наблюдать в последнее время определенные сдвиги синтагматического характера. Так, со значением «занимать какую-то должность» глагол *а лукра* раньше (в довоенные годы) сочетался с предложным именем в функции предикатива, генерируя следующую дистрибутивную формулу: *V+ + Prep. (loc. ргер.) + N(acc.)*, то есть *а лукра + предлог (пред-ложное сочетание) ка, ын калитате де + имя существительное*. Например: Ион лукряэ ка (ын калитате де) инженер⁸. Необходимо отметить, что такая сочетаемость данного глагола в позиции полуусвя- зочного группы *angajandi* выступает в качестве облигаторной дистрибутивной формулы и в современном румынском литературном языке. Не трудно догадаться, что предложная дистрибутивная модель глагола *а лукра* копирует соответствующую французскую

⁴ Будагов Р. А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения.— В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев: Штиинца, 1976, с. 3—4.

⁵ Там же, с. 4.

⁶ Степанов Г. В. Указ. соч., с. 10.

⁷ Очерк исторического развития данной лексической единицы находим у немецкого академика Вернера Банера (см. Банер В.: Ономасеологические особенности развития латинских элементов румынской лексики.— В кн.: Общее и романское языкознание (В честь 60-летия члена-корреспондента АН СССР, проф. МГУ Р. А. Будагова). М., 1972).

⁸ Подробнее об этом см.: Чобану А. И. Синтаксис полуусвя- зочных глаголов в молдавском языке. Часть II. Кишинев: Штиинца, 1978, с. 145.

модель с глаголом *travailler* «работать», например: *Jean travaille comme (en qualité de) ingénieur*.

В современном молдавском (литературном и разговорном) языке в последнее время появилась и стала распространяться беспредложная модель с глаголом *a лукра* во второй позиции. Сейчас все чаще говорящие и пишущие прибегают не к триномной формуле V (а лукра)+Ргр.+N(acc.), а к биномной V (а лукра)++N(пом.). *Ион лукрэзэ инжинер; Мария лукрэзэ ынвэцэтоаре* и т. д. Как могла появиться биномная дистрибутивная формула глагола *a лукра* во второй позиции? По нашему твердому убеждению, ответ на данный вопрос следует искать в соответствующих моделях русского языка. Так, глагол *работать* во второй позиции сочетается, как правило, с именем существительным в творительном падеже, генерируя облигаторную дистрибутивную формулу V+N(instr.), например: *Ваня работает инженером; Мария работает учительницей* и т. д. Именно под влиянием такой русской синтагматики носители молдавского языка стали заменять триномную облигаторную дистрибутивную формулу глаголом *a лукра* во второй позиции биномной формулой. При этом следует учесть и тот факт, что, поскольку в молдавском языке не существует творительного падежа, предикатив имени выступает в именительном падеже. Отметим еще один любопытный факт: быстрому, можно сказать, всеобщему распространению и употреблению биномной структуры модели глагола *a лукра* во второй позиции способствовал и фактор экстралингвистического характера. Дело в том, что в молдавском языке глагол *a лукра* со значением «занимать какую-либо должность» стал чрезвычайно употребительным в связи с развитием культурного уровня молдавского народа. Частотность употребления указанной структурной модели объясняется также быстрым распространением многочисленных профессий как среди мужчин, так и среди женщин.

В связи с появлением в письменном и устном узусе новой синтаксической модели, возникает законный вопрос: каково должно быть отношение лингвистов к этой модели? Следует ли ее признать, или необходимо не признать и отвергнуть. Мнения молдавистов по данному вопросу разошлись. Одни считают, что биномные дистрибутивные формулы с глаголом *a лукра* во второй позиции являются ненормативными, структурно избыточными и, следовательно, литературный язык может обходится и без них. Другие же, наоборот, полагают, что данная синтаксическая инновация вполне соответствует литературной норме, ибо в молдавском языке почти все глаголы во второй (полусвязочной) позиции сочетаются с беспредложным именем (н. п. *с'a фэкут шеф, а девенит инжинер, а рэмас министру, с'a декларат републикэ, се симте стэпын, се нунеште Ион* и др.). Кроме того, беспредложная модель с глаголом *a лукра* более проста, «непретенциозна» и информативно более конкретна. Стало быть и со структурной, и с информативно-коммуникативной точек зрения нет серьезных оснований для того,

чтобы не признавать новую дистрибутивную модель глагола *а лукра*. И это тем более, что беспредложная модель широко употребляется в произведениях современных молдавских писателей. Вот некоторые примеры: *Пе атунч ел лукра ынвэцэтор* *ла Хынчешть* (Ж. Менюк); *Антип Назар лукрасе директор* *ла школэ* (Г. Георгиу); *Ай сэ лукрезъ ученик* *ла майстру Горовей* (В. Рошка).

Примеров можно привести множество, но в этом нет необходимости, ибо каждый носитель современного молдавского языка уже давно смылся с беспредложной конструкцией глагола *а лукра* во второй позиции и постоянно употребляет ее в устной и письменной речи. Думается, что перед нами весьма интересный и своеобразный случай переплетения и взаимодействия диахронии и синхронии на уровне лексики и синтагматики. В чисто диахронном плане глагол *а лукра* монопозиционный и обладает значением латинского *laborare*, однако в синхронном плане этот глагол бипозиционный и кроме значения *laborare* он получает и значение «ангажироваться, работать в должности кого-либо». Таким образом, становится ясным, что при анализе любого лексического элемента (в нашем случае — глагола *а лукра*) необходимо идти не только по вертикали, но и по горизонтали и наоборот. Проф. Р. А. Будагов справедливо отмечает, что «современный исследователь обязан не только разграничивать такие понятия, как синхрония и диахрония, стихийное и сознательное, но и понимать многообразные формы постоянного взаимодействия между ними. Тогда факты словаря предстанут *и в своих лингвистических, и в своих общекультурных аспектах* (подч. нами — А. Ч.)»⁹. И на самом деле, пример с глаголом *а лукра* не только лингвистический, но и своего рода «общекультурный», так как речь идет о расширении значения этого глагола и об увеличении частотности его употребления во второй позиции вследствие определенных изменений в социальной и культурной жизни самих носителей молдавского языка¹⁰. Таким образом, есть основание полагать, что изучаемая здесь синтаксическая модель может быть допущена в качестве литературной нормы на положении **дублетов**. Правда, существует немало лингвистов, которые настойчиво критикуют дублетные формы на всех уровнях языка. Они утверждают, что дублеты не совместимы с понятием литературной нормы и поэтому стремятся освободиться от дублетности. Мы придерживаемся несколько другой точки зрения. Для нас литературная норма — это историческая категория, которая находится в постоянном движении.

⁹ Будагов Р. А. История слов и история общества. М., 1977, с. 251.

¹⁰ Под влиянием социальных, экстралингвистических факторов семантические и синтагматические сдвиги произошли и у ряда других лексических единиц молдавского языка. См.: Корлэтичу Н. Г. Дифференцированное развитие языковых уровней и их отношение к социальной обусловленности. — В кн.: XII Международный социологический конгресс. Варна, 1970; Советская социологическая ассоциация. М., 1970, с. 4—11; Корлэтичу Н. Г. Билингвизм и полисемантизм. — В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972, с. 126—127.

нии и развитии. И хотя это движение протекает весьма медленно и спокойно, без порывистых скачков и сдвигов, все же оно время от времени дает о себе знать. Дублетные формы появляются сначала в разговорном языке, в речи, а потом постепенно некоторые из них, наиболее адекватные, проникают и в литературный язык. В этой связи, хочется думать, что акад. Л. В. Щерба не случайно выбрал в качестве эпиграфа к своей замечательной статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкоизнании» следующие слова: «*Nihil est in grammatica quod non fuērit prīus in dicto*»¹¹. Спора нет, отдельные языковые инновации, возникшие в живой речи, пробиваются себе путь и в литературный язык, вписываясь в разные функциональные стили. Таким путем они могут достигнуть ранга литературной нормы и функционировать на положении литературного дублета. Лишь *узус* и время решает судьбу таких дублетов. В этой связи нам представляется весьма важным и верным следующее утверждение проф. Р. А. Будагова: «Стремясь к разграничениям, язык, однако, известное время (нередко длительное) «терпит» дублетные формы, чтобы позднее провести между ними дифференциацию. Дублетность — материал для дифференциации. Но дублетные формы обычно не сразу разграничиваются. Им надо некоторое время «побыть» в языке, чтобы дать ему возможность разобраться в самом этом материале»¹². Таким образом, **дублетные формы** — это неотъемлемый элемент развития самого языка. Они, конечно, «грызут» старую норму, но вместе с тем способствуют развитию языка и становлению новой, более приемлемой нормы на определенном этапе развития того или иного литературного языка. Прав был акад. Л. В. Щерба, который полагал, что язык находится «все время в состоянии лишь более или менее устойчивого, а сплошь и рядом и вовсе неустойчивого равновесия»¹³. И эта относительная неустойчивость во многом объясняется также постоянным появлением разного рода дублетов, которые оказывают определенное давление на старую норму.

Остановимся сейчас на другой синтаксической модели, которая также существенно активизировалась в последнее время под влиянием русского языка. Речь пойдет о сочетаниях, образованных с глаголом *а* **фаче** «делать» в третьем лице настоящего или прошедшего времени изъзвитательного наклонения и другого глагола в конъюнктиве или инфинитиве, по формуле V_1 (**фаче**) + V_2 (сопр., инф.). Например: **фаче сэ привешть** (а chest филм), **фаче сэ читешть** (а chestэ карте) и т. д. Необходимо отметить, что в молдавском языке глагол *а* (*ce*) **фаче** унаследован из латыни. Он трипозиционный, выступая в первой (предикативной) позиции (*ел фаче лекции*), во второй (полусвязочной) позиции (*ел с'а фэкут инжи-*

¹¹ См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 24.

¹² Будагов Р. А. Человек и его язык. Второе расширенное издание. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 163.

¹³ Щерба Л. В. Указ. соч., с. 50.

нер) и наконец в третьей (полувспомогательной) позиции (ел се фаче а ну шти). Все эти три позиции глагола *a* (*се*) фаче употребляются в языке с самых древних времен и не вызывают никаких возражений в нормативном плане. Вместе с тем следует отметить, что, если первые две позиции изучаемого глагола остались без изменений на протяжении многовекового развития молдавского языка, то третья позиция претерпела определенные структурно-семантические модификации. Как мы уже отметили выше, глагол *a* (*се*) фаче в биномном сочетании V_1+V_2 может выступать с модально-безличным значением (форма: фаче, копируя соответствующую русскую модель *стоит+инфинитив* — стоит прочесть, стоит посмотреть, стоит побывать и др.). Любопытно то, что указанная структурная модель почти не встречается в произведениях классиков молдавской литературы XIX столетия. Нами зарегистрирован лишь один пример в prose Б. П. Хашдеу. Вот он: «*Ун сингур евенимент де женул ачестя, прин каре се илustrасе оарекынд Иерострат, фаче сэ трэяскэ ын историе нумеле ачестуй соморос Нерон*» (Опера алесе, 1956, с. 233). Совершенно другая картина наблюдается в молдавском языке в послевоенные годы. Под непосредственным влиянием русской модели *стоит+инфинитив* биномная глагольная конструкция типа V_1 (фаче) + V_2 (сопр., инф.) стала активно проникать вначале в периодическую печать, а затем и в произведения художественной литературы. Приведем лишь некоторые примеры самых последних лет: «*Авынд ын ведере тоате ачестя, кредем, кэ фаче сэ се депунэ унеле ефортурь организаториче ши материале пентру а конструи касе де одихнэ...*» (Молд. Соч., 21-VII-76, с. 4); «*Май фаче оаре сэ ворбешть де траумеле сүфлетеши, каузате фиекэруй мембрю ал колективулуй?*» (Култура, 6-I-76, с. 4); «*Фаче сэ нотэм фаптул кэ...*» (Молд. Соч., 7-IV-77, с. 4); «*Вай де мине, паркэ фаче сэ ле акордацъ атенции? — ынтрэ ын ворбэ Казимир*» (Молд. Соч., 26-VIII-78, с. 4); «*Фаче сэ фие нотат ши ун алт фапт...*» (рев. «Мoldova», № 8, 1979, с. 27); «*Кред, кэ фаче сэ пунем ын дискутие проблема формэрий артистулуй*» (рев. Молдова, № 11, 1980, п. 68); «*Фаче! Зэу кэ фаче сэ кэлэторешть песте хотаре*» (Лит. Арт., 28-VIII-80, п. 8); «*Фаче сэ ворбим ши деспре ынсушь фаптул акордэрий титлулуй де специалитате*» (Молд. Соч., 17-VII-80, с. 3); «*Дэ-о'нколо де фаци де масэ, ну фаче сэ-ць дистрүжъ нервий пентру орьче фляк*» (Лит. Арт., 1-I-81, с. 8); «*Ну штиу дакэ фаче сэ май ворбеск деспре аста*» (Молд. Соч., 21-I-81, с. 3).

Конечно, носителю молдавского языка не составило бы большой трудности заменить биномную конструкцию V_1 (фаче) + $+V_2$ (сопр., инф.) семантическими эквивалентами: (ну) *меритэ сэ...*, (ну) *поцъ сэ...* и др., однако они не передают в полной мере значения и нюансов значения модальных сочетаний с неизменяющейся глагольной формой фаче «*стоит*». Кроме того, эвентуальные синонимы биномной модели V_1 (фаче) + V_2 (сопр., инф.) представляются говорящему слишком книжными, изысканными, и поэтому

он старается обойтись без них. Таким образом, разбираемая здесь синтаксическая модель получила развитие в разговорном языке не случайно, а потому что носители языка почувствовали в ней определенную потребность. В этой связи проф. Р. А. Будагов отмечает, что «Потребность (в широком смысле) говорящих на данном языке — вот основной фактор развития всякого языка»¹⁴. Именно потребностью можно объяснить и тот факт, что синтаксическая модель V_1 (фаче) + V_2 (сопр., инф.) пробила себе дорогу и в литературный язык художественных произведений. Такие современные молдавские писатели Советской Молдавии, как Эм. Буков, Андрей Лупан, И. К. Чобану, Ж. Менюк, Анна Лупан, П. Крученюк, И. Друцэ, С. Шляху, Л. Барский и др., без оговорок ввели указанную модель в свои произведения. Приведем лишь несколько примеров из произведений современных молдавских писателей: «**Фаче сэ те аплечь де пе ачастэ кулме епокалэ спре хэцишируile миленаре, пе унде а стрэбэтут омениря пынэ азъ**» (Андрей Лупан); «**Фаче сэ май траг нэдежде?**» (И. К. Чобану); «**Чела с'а уйтат лунг ла дынсул паркэ кибзунд де фаче сэ-й рэспундз, орь ну фаче**» (И. Друцэ); «**Ну фаче сэ рызъ де аша чева**» (И. Друцэ); «**А кумпэрят ун харбуз, дар мъ-а аминтит, кэ сынт ши пе ла дынший ын колхоз ши ну фаче сэ-л дукэ**» (Ана Лупан); «**Оаре фаче сэ-й ворбяскэ омулуй ачаста аша динт'о датэ?**» (С. Шляху); «**Ну фаче сэ те деранжезы!**» (Л. Барский); «— Гата кынтекул? — а зымбит секретарул. Сэракул, сэрэкуц... фэчя оаре сэ перзъ пентру ел время?» (М. Г. Чиботару).

Можно отметить, что изучаемая синтаксическая модель встречается не только в современной молдавской прозе, но и в поэзии. Вот примеры:

Пентру идее,
Пентру ун крез,
пентру фримтурэ,
пентру орез,—
фаче сэ фачь прин Асия
о разие. (Ем. Буков)

Ну штиу, зэу, дакэ фаче
сэ те лас ши еу ын паче,
примэварэ! (Ем. Буков)

— Да. Ачаста, фрате, ый зидире!
Уйтэ-те ла ушь ши ла балкоане.
Челуй че-а'нэлцат аша клэдире
Фаче сэ-й тэ'нкинь ка ла икоанэ.
(П. Крученюк)

Неограниченное употребление современными молдавскими писателями синтаксической модели V_1 (фаче) + V_2 (сопр., инф.) говорит о том, что данная модель уже стала литературной нормой. Пи-

¹⁴ Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М.; Л., 1965, с. 36.

сатели всегда были и остаются авторитетами в вопросах литературной нормы. Акад. Л. В. Щерба писал, что «литературная речевая деятельность, т. е. произведения писателей, в принципе свободна от неправильных высказываний, так как писатели сознательно избегают ляпсов, свойственных устной речи, и так как, обращаясь к широкому кругу читателей, они избегают и тех элементов групповых языков, которые не вошли в том или другом виде в структуру литературного языка»¹⁵. И далее, тот же автор подчеркивает: «Поэтому лингвисты глубоко правы в том, что, разыскивая норму данного языка, обращаются к произведениям хороших писателей, обладающих очевидно и в максимальной степени тем оценочным чувством («чутьем языка»), о котором говорилось выше»¹⁶. Конечно, не следует забывать, что и писатели бывают разными, что и в художественных произведениях порой можно встретить то, что акад. Л. В. Щерба называл «ляпсусами». Однако в нашем случае данная оговорка не может поставить под сомнение нормативный характер синтаксической модели V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.), ибо эта структура встречается в произведениях отличных мастеров молдавского слова. Факты показывают, что такой блестящий знаток молдавского литературного языка, каким является писатель Жеорже Менюк, проявляет даже определенную «слабость» к модели V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.). Ее можно без труда обнаружить в разных работах этого писателя: *Фаче сэ-л читешть пе Доброжяну-Геря* («Ярба фярелор»); *Оаре фаче сэ вэ ажитаць?* («Колоана де тандреце»); *Ау трекут мулцъ ань ши пердеря ачаста (а каетелор ку поезий) мэ дуря ка о ранэ. Дар ымъ спуням дрепт алинаре, кэ ын рэзбой ау фост пердерь ши май марь ши мулт май ынсемнате, кэ ну фаче сэ претинд о соартэ май бунэ» (Ын кэутаре де валорь — Молд., Соч., 8-VII-79, п. 4).*

Как мы уже пытались доказать, синтаксическая модель V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.) перспективна и нормативна потому, что она развилась на основе живой разговорной речи, исходит из ее потребностей и «пробилась» в литературный язык, активизировалась под влиянием соответствующей модели русского языка. В этом плане нам представляется, что исследователи, те, кто узаконивают, молдавскую литературную норму, не должны проявлять излишнюю твердость и сдержанность при решении вопроса о признании данной модели в качестве нормы современного молдавского литературного языка. В одной из своих работ проф. Р. А. Будагов писал следующее: «Норма должна опираться на живое тело языка и считаться не только с особенностями письменной, но и со своеобразием разговорной речи. Норма не может не замечать движения языка. В противном случае она превратится в мертвую норму. Подлинная норма должна быть подвижной, динамичной и вмес-

¹⁵ Щерба Л. В. Указ. соч., с. 37.

¹⁶ Там же.

те с тем не утрачивать некоторой императивности»¹⁷. Ученый отмечает также, что «филолог осмысляющий норму, обязан считаться с двумя противоборствующими тенденциями: стремлением говорящих сохранить старую норму и не менее очевидным стремлением ее обновить, под воздействием непрерывно развивающегося общенародного языка»¹⁸. Нет сомнения в том, что синтаксическая модель V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.) вполне отражает выше изложенные размышления о норме литературного языка. Также как и беспредложная биномная конструкция с глаголом *а* лукра $N(\text{пом})$, которая выступает в качестве дублета более старых предложных конструкций с тем же глаголом, синтаксическая модель V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.) дублирует, как мы уже писали, модальные конструкции типа *меритэ сэ..., е бине сэ..., поць сэ...*, и др. Создалось такое положение, что сейчас уже трудно провести строгую линию нормативного разграничения между перечисленными сочетаниями и моделью с глаголом *а* (*се*) *фаче*. Как в данном, так и во многих других аналогичных случаях при решении вопроса о нормативности — ненормативности той или иной языковой модели следует помнить следующее общеметодологическое положение относительно того, что абсолютно резкие разграничительные линии несовместимы с теорией развития: «Диалектика... признает в надлежащих случаях наряду с «или-или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности»¹⁹. Чувство меры и «оценочное чувство» к явлениям языка должны всегда присутствовать у хорошего лингвиста при «декретировании» нормы литературного языка. Особенно сложно, как уже было сказано выше, обстоят дела в том случае, когда перед нами инновации, появившиеся в результате влияния одного языка на другой. Чтобы убедиться насколько сложна эта проблема, приведем еще один пример.

Известно, что в молдавском, как и в других романских языках, сложноподчиненное предложение с придаточным атрибутивным содержит ряд союзов и союзных слов, среди которых и относительное местоимение *каре* «который». Это склоняемое местоимение в функции союзного слова всегда «открывает» придаточное атрибутивное предложение: «*омул, каре а фост ла ной*»: «человек, который побывал у нас». Однако в тех случаях, когда местоимение *каре* выступает в генитиве, его позиция в предложении может меняться: оно «пропускает» впереди себя детерминативное слово придаточного предложения. Ср.: (1) *копилул, ай кэрүй пэринць* и (2) *копилул, пэринций кэрүя* (Русский перевод: ребенок, родители которого...). Таким образом, появляются две структурные модели придаточного атрибутивного предложения: Модель I: $N_1 + \text{каре} + N_2$ и модель II: $N_1 + N_2 + \text{каре}$. Следует отметить, что синтаксическая модель с относительным местоимением на втором месте,

¹⁷ Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, с. 28.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1975, с. 181.

то есть после детерминатива получила развитие в молдавском языке в результате непосредственного влияния соответствующей русской модели (ср. рус. *девушка, тетрадки которой...* — молд. *фата, кэрциле кэрея; рабочие, завод которых...* — *мунчиторий, узи-на кэрора...* и др.). Русская структурная модель придаточного атрибутивного, вводимого союзным словом *который*, показалась носителям молдавского языка весьма удобной, потому что она избавляет говорящего и пишущего от ошибок грамматического согласования посесивного артикля *ал, а, ай, але* и падежных форм местоимения: *кэруй, кэрея, кэрора*. По жестким правилам молдавского языка посесивный артикль в данном случае должен согласоваться с детерминантом, находящимся в главном предложении, а местоимение должно согласовываться с детерминативом, находящимся в придаточном предложении. В процессе такой сложной процедуры носители языка часто путаются, вследствие чего в прессе и в других публикациях появляется много грамматических ошибок, о чем неоднократно пишут молдавские лингвисты²⁰. Вместо того, чтобы сказать и написать, например, *пескарул але кэруй ундице* носитель языка (порой даже довольно грамотный) может сказать и написать ошибочно: а) *пескарул ал кэруй ундице*, б) *пескарул а кэруй ундице*, в) *пескарул ал кэрор ундице*, г) *пескарул а кэрор ундице* и т. д. Чтобы избавиться от этих грамматических ошибок, носитель языка прибегает к русской модели построения придаточного атрибутивного предложения: *пескарул, ундице кэрую* — рус. *рыболов, удочки которого*. В таких моделях полностью снимается проблема согласования посесивного артикля и тем самым облегчается «участь» говорящего и пишущего — он просто избавляется от возможных ошибок. Именно это удобство привело к тому, что вторая модель $N_1 + N_2 + \text{каре}$ стала интенсивно появляться на страницах молдавской периодической печати. Мы располагаем огромным фактическим материалом, почерпнутым из разных стилей молдавского литературного языка, который доказывает, что модель $N_1 + N_2 + \text{каре}$ прижилась уже в молдавском языке, стала «своим человеком», причем к ней прибегают и писатели, и публицисты, и ученые лингвисты. Из всего материала приведем для иллюстрации лишь несколько примеров:

а) из газет последних лет: «*Петрарка е ун модел, че кямэ спре либертатя, армония ши уманизмул ынтрэжий културъ, ун трубадур ал кэрея а фост*» (Ынв. публ., 28-VII-1979, с. 4); «*Е регретабил, ынсэ, кэ ачаста ну о путем спуне деспре алць интерпрецъ, персонажеле кэрора ворбеск ку тоций о перфектэ лимбэ литерарэ*» (Лит. арт., 23-VIII-1979, с. 6); «*Ын кулеҗеря «Лирика*

²⁰ См. *Мындыкану В. Ынсемнэрь привинд фолосиря пронумелор релативе каре ши че*. — Култиваря лимбий, № 3, 1963; Чобану А. И. Сэ скринем ши сэ ворбим корект. Кишинэу: Лумина, 1970, п. 107—113; Чобану А. И. Практикум ла синтаксэ. Кишинэу: Лумина, 1976, п. 92—95; Пуриче М. П. Ортография пэрицilor де ворбire. Кишинэу: Лумина, 1974, п. 52—53.

франчезэ» ам инклус зече поець франчежье, активитатя поетикэ а кэрора с'а десфэшурат ын периодаа Резистенцей» (Лит. арт., 10.VI.1980, с. 6); «Азъ Молдова Советикэ се мындрешите ку узинеле ши фабричиле сале, продукция кэрора есте куноскутэ ын царэ ши песте хотареле ей» (Ынв. пуб., 28-VI-1980, с. 1); «Анри а нэскочит үн жок де кувинте ынкручишате, десемнүл кэрүя конциие 52 де мий де пэтрэцеле» (Лит. арт., 1-1-1981, с. 7); «Ла экспозицие есте презентатэ ши карти «Букате диетиче», авторул кэрэя есте медикул-диетолог М. Каник» (Молд. Соч., 2-IX-1981, с. 4);

б) из сочинений некоторых современных молдавских писателей: «Ау фост ануңацъ товарэший, локунциеле кэрора ле куноштия Станчиу...» (Ем. Буков); «Фериче де ачей кондееръ, скриериле кэрора ышъ ау печетя индивидуалэ...» (Ем. Буков); «О сутэ де пичоаре сэ айбэ, ку тоате ар алерга ла шкоалэ, ла пэринций кутаре, бэятул кэрора а липсит о зи де ла лекций» (Гр. Виеру); «Ну се поате штерже дин меморие ынтылниря ку скрииторул Красинский, соарта кэрүя а фост пусэ ла база повестирий «Сирена» (Л. Дамиан); «Ын оградэ, лынгэ поартэ, үн агуд бэтрын, кренжиле кэрүя се аплякэ песте зид» (В. Малев); «Мэ вой рекуноаште пе мине чел де атунч, повестя кэрүя рэмасэ-й ын фынтынэ» (Г. Водэ); «Тоате друмуриле ау ынчепут де ла прагул касей пэrintешти, де ла окий мамей, де ла мыниле ей, кэлдура кэрора о симъ ын тоате челе прегэтите де ea пен-тру плекаря та...» (Ан. Чокану); «Ам ынсушит фолклорул де ла Тарас Шевченко, лимба кэрүя ам ынвэцат-о одатэ ку чя матер-нэ...» (П. Крученюк); «Ам луат куноштинцэ де доуз постулате, рэдэчиниле кэрора се афлэ ын челе май адынчъ стратуръ але историей оменирий» (Ф. Видрашку).

Модель N +N₂+каре засвидетельствована также и в современной молдавской поэзии:

Екзистэ үн глонте, вырфул кэрүя
Л-ау аскуцит поате вякуръ ынтрэжъ
Ка сэ поатэ трынти ла пэмынт. (В. Телеукэ)

Сынт арборе, коама
кэрүя, кынд се ротешите'н спаций,
кулаже крымпее де кодуръ —
тайниче палпитаций. (Ан. Гужел)

в) из работ молдавских учёных-филологов: Ж. Менюк аре үн континуатор ын прозэ, пе Д. Чобану, ероинеле кэрүя се ынрудеск сүфлетеште ку ероинеле примулуй прозатор (В. Корбан); «Павел Боцу поартэ ын сине үн «плугар», калитэциле супреме але кэрүя ый сервеск дрепт еталон» (М. Долган); «Ерау өлевий пенсионулуй, нумэрул кэрора ну депэния цифра де 40...» (В. Чокану); «Ачеста е үн поет, креация кэрүя а май фост объект де студиу» (Г. Мазилу); «Сынт ниште пропозиций ку предикате

номинале, субъектул кэрора есте... ун час, ачеле кэроя сэвыршеск о мишкаре униформэ...» (А. Евдошенко); «Поезииле луй Еминеску сынт ачел букет дулче де трандафирь, арома кэрора не дуче ынтр'ун феерик кодру де басм» (С. Болдурату, К. Тэнасе, В. Попеску).

Нет необходимости продолжать список примеров. В настоящее время модель $N_1 + N_2 + \text{каре}$ настолько распространена, что она уже не ощущается как синтаксическое заимствование. Одновременно следует подчеркнуть, что дублетность (или вариативность) синтаксических моделей обоснована как лингвистическими факторами (в данном случае тенденция к упрощению грамматического согласования), так и экстралингвистическими факторами (влияние соответствующей модели придаточного атрибутивного в русском языке). В этой связи можно напомнить следующее высказывание: «Вариативность в языке явление не случайное. Оно есть непременное условие функционирования структуры»²¹.

В процессе функционирования структура языка не остается совершенно застывшей, окаменелой. Она видоизменяется в зависимости от потребностей языка с целью более полной и адекватной передачи мысли говорящего индивидуума. Фигурально, эту идею выразил поэт Вознесенский следующим образом: «Язык — мыслящая музыка. Думаю, язык — это то, что предки называют душой, то, что остается мыслить после нас, сохраняя нашу жизнь в виде мысли»²².

В заключение необходимо отметить следующее: а) в современном молдавском литературном языке утвердился ряд синтаксических моделей под непосредственным влиянием соответствующих моделей русского языка; б) активизация данных структур в молдавском языке вызвана необходимостью точнее и конкретнее передать ту или иную информацию; в) выявленные синтаксические модели функционируют в молдавском языке на положении литературных дублетов (или вариантов); г) рассмотренные синтаксические модели (в плане сопоставительного изучения близкородственных языков) подтверждают тезис проф. Р. А. Будагова о том, что «при всех чисто внешних совпадениях те или иные грамматические категории обычно функционируют в близкородственных языках «чуть-чуть» неодинаково. Подобные «чуть-чуть» приобретают важное значение в процессе характеристики близкородственных языков»²³. Дальнейшее изучение выдвинутых в данной статье вопросов поможет отобразить полную картину активизации в молдавском языке различных синтаксических моделей под непосредственным влиянием русского языка в период интенсивного молдавско-русского билингвизма.

²¹ Mahmoudian M. Structure et variation en linguistique.— Cahiers F. de Saussure, 1977, № 31, p. 130.

²² См.: Литературная газета от 29 апр. 1981 г., с. 14.

²³ Будагов Р. А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения.— В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев: Штиинца, 1976, с. 4.

СЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В АНТРОПОНИМИИ И ФОРМИРОВАНИЕ МОЛДАВСКОЙ ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Славянское влияние в антропонимии относится к многогранной проблеме взаимодействия славянских и молдавского языков. Исследования по данной проблеме способствуют правильной этиологической и структурно-функциональной трактовке антропонимов, бытующих в молдавском языке на различных этапах его развития, выявляют способы формирования деривационной системы молдавского языка в целом и антропонимической деривационной системы в частности.

На базе антропонимического материала славяно-молдавских грамот и молдавских документов, с учетом в критическом плане мнений, высказанных в литературе по данному вопросу, можно выделить три основных периода славянского влияния в молдавской антропонимии.

Первый период, VI—XII вв., характеризуется заимствованиями из общеславянского и южнославянских языков, особенно из болгарского. По характеру заимствованных элементов данный отрезок делится на два этапа: 1) VI—IX вв., когда славянизмы проникали устным путем через разговорную речь, и 2) IX—XII вв., когда одновременно с христианством проникали книжные элементы, особенно из Болгарии, где славянская письменность находилась в расцвете.

Второй период, XII—XVIII вв., характеризуется восточнославянским влиянием древнерусского и украинского языков. В нем выделяются также два этапа: 1) XII—XVI вв., когда происходила адаптация и ассимиляция славянских форм и формантов, и 2) XVI—XVIII вв., для которых характерно новое восточнославянское влияние.

Третий период охватывает XVIII—XX вв., и ему свойственно русское и украинское влияние.

Цель настоящего исследования — указать славянские элементы, ассимилированные молдавским языком на соответствующих этапах славянского влияния в антропонимии, их взаимоотношения с молдавскими элементами, их эволюцию в молдавском языке с периода их проникновения до настоящего времени, роль этих элементов в формировании молдавской антропонимической системы и деривационной системы в антропонимии. В основу анализа антропонимического материала положены следующие принципы:

1. Аттестация славянских имен в славяно-молдавских грамотах и молдавских документах, их функции (личное имя в различных формах, отчество, прозвище, фамильное имя) и формы, учитывая фонетические особенности южнославянских и восточнославянских элементов.

2. Аттестация соответствующих форм в славянских языках¹.

3. Структура соразмерных имен в славянских и молдавском языках (основы, форманты, элементы сложения). Семантические и функциональные особенности, которые придают дериватам соответствующие форманты.

4. Адаптация славянских антропонимов к нормам молдавского языка. Присоединение славянских формантов к основам молдавских имен и молдавских формантов к основам славянских имен.

Как известно, первый период славянского влияния на антропонимию Восточной Румынии основан на этническом контакте и на культурном влиянии славянской письменности. В этот период, особенно устным путем, проникает огромное количество разговорных и гипокористических форм общеславянских и южнославянских имен, которые образовали новый пласт в восточнорумынской антропонимии. О структурных особенностях данного пласта славянских имен можно судить только по антропонимическому материалу славяно-молдавских грамот XIV—XVI вв., в котором нашли свое отражение и предыдущие этапы славянского влияния².

По своей структуре славянские имена, зафиксированные в молдавских грамотах, делятся на простые и сложные. Простые имена имеют полные, сокращенные или производные формы. Сложные имена: *Дабижя* <*Дабижив*, *Дажбог*, *Даждэбог*, *Люборад* и особенно имена с компонентами *-дан*, *-мир*, *-слав*: *Алдомир* (1469, К., II, 170), *Баломир* (1493, К., II, 266), *Богдан* (1499, К., I, 143), *Воислава* (1499, Б., II, 160), *Драгомир* (1393, К., I, 13), *Драгослав* (1455, К., II, 540), *Радомир* (1393, К., I, 13), *Радослав* (1490, Б., I, 395), *Станимир* (1457, Б., I, 4), *Станислав* (1392, К., I, 8), *Татомир* (1415, К., I, 116) и др. в молдавском языке не подвергаются структурному анализу, так как соответствующие элементы

¹ Критерием выделения общеславянских заимствований послужила их аттестация (в различных формах) в южнославянских, западнославянских и восточнославянских языках. Для аттестации антропонимов в славянских языках использованы следующие источники: *Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб, 1903; Вайганд Г. Болгарските собствени имена. Происходъ и значения. София, 1926; Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ.— Учен. зап. Моск. ун-та. Вып. 128. М., 1948; Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959; Левченко С. П. и др. Словарь власних імен людей. Київ, 1961; Ред'ко Ю. К. Сучасні українські прозвища. Київ, 1966; Ред'ко Ю. К. Довідник українських прізвищ. Київ, 1969; Ілчев Ст. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969; Железняк И. М. Очерк сербохорватского антропонимического словаобразования (XII—XV вв.). Киев, 1969; Чучка П. П. Антропонімія Закарпаття. Ужгород, 1970; Прокопович Е. Н. и др. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. М., 1974; Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.*

² Антропонимический материал был почерпнут из следующих источников: *Costăchescu M. Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. I—II. Iași, 1931—1932. (Сокр.— К.); Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare. I—II, Buc., 1913. (Сокр.— Б.); Documente privind Istoria României. A: Moldova (XIV—XVI). Ed. Acad. RPR. 1952—1954. (Сокр.— ДИР).*

сложения не адаптировались молдавским языком и никогда не присоединялись к основам молдавских имен. При исследовании полных и сокращенных форм имен учитываются только фонетические изменения, если они отмечаются при переходе от одного языка к другому. При анализе производных форм, дериватов, исследователь сталкивается с определенными трудностями. Обычно принято считать, что происхождение деривата определяется происхождением суффикса. Но в XIV—XVI вв. большинство славянских суффиксов, бытующих в антропонимии, стали уже молдавскими суффиксами славянского происхождения (*-ан*, *-ил(э)*; *-от(э)*, *-иц(а)*, *-уш*, *-чя*, *-еш*, *-аш*, *-ша*). Поэтому трудно отделить славянские производные формы, претерпевшие фонетические изменения при переходе от славянского языка к молдавскому (*Балота* > *Балотэ, Билаш* > *Билашу, Боде* > *Бодя, Добрило* > *Добрилэ*), от молдавских образований с соответствующими суффиксами. Доказательством того, что в XIV в. эти суффиксы были уже ассимилированы молдавским языком, служат и производные формы от греко-славянских имен: *Андрееш* (1458, К., II, 169), *Ионаш* (1419, Б., I, 238), *Марица* (1495, Б., II, 53), *Оанчя* (1427, К., I, 196), *Оница* (1487, Б., I, 312), *Петрилэ* (1435, К., II, 183) и др. Как известно, словообразовательные форманты не заимствуются отдельно. Они проникают в другой язык только в составе заимствованных лексических единиц. Появление большого количества имен с определенными формантами способствовало усвоению говорящими «механизма» их образования. Например, из серии гипокористических форм: *Балша* (1491, Б., I, 468), *Балин* (1430, К., I, 303), *Балица* (1431, К., I, 385), *Балош* (1432, К., 331), *Балач* (1491, Б., I, 447), *Балота* (1418, К., I, 127) и др. выделяется основа *Бал-* и соответствующие форманты, если даже говорящий на первых порах не понимает их значения. Со временем, понимая их значение, носители языка, по аналогии со славянскими именами, стали присоединять данные форманты и к молдавским именам. Таким образом, проникновение большого количества славянских имен способствовало появлению в молдавском языке новых аффиксов, которые стали продуктивными и укрепили позицию существующих в молдавском языке морфем, когда их формы и функции совпадали. Например, совпали по форме и по функциям славянские и латинские суффиксы *-ар*, *-аш*, *-ач*, *-ин*, *-ой*: *Аурару* (1424, ДИР, XIV—XV, I, 49), *Злэтару* (1424, ДИР, XIV—XV, I, 50) < сл. *Златарь*, *Михайл Стынгачу* (1436, К., I, 181) и *Станою Кремач* < болг. *Кэрмач* и др. Так как в молдавском языке бытовали славянские имена и славянские суффиксы, то многие дериваты могли возникнуть параллельно в славянских и в молдавском языках. Поэтому анализ производных форм надо осуществлять на базе следующих принципов: 1. Структурный анализ деривата, то есть соотношение между производной формой с определенным суффиксом и производящей основой или словом, независимо от их происхождения, но главное, чтобы это соотношение было понято говорящими

на молдавском языке. 2. Считать молдавскими дериватами те формы, которые образованы: а) молдавскими суффиксами от славянских имен: *Албул Войнескул* (1439, Б., II, 13), *Жюржю Дрэгушанул* (1443, К., I, 340), *Драгой* (1415, К., I, 117), *Драгуца* (1502, Б., II, 217) и др.; б) суффиксами славянского происхождения от молдавских имен: *Алботэ* (1507, К., II, 64), *Лупше* (1423, К., II, 169), *Драгомир Мындрич* (1437, К., I, 542), *Фратовски* (1412, К., I, 97) и др.

По структуре славянских производных имен можно судить о большой продуктивности суффиксов: *-ан/-ян*, *-ин*, *-иц*, *-ко*, *-чя*, *-ка*, *-ош*, *-от*, *-ил*, *-еш/-иш*, *-иц* и др. Анализ функций данных суффиксов в славянских и в молдавском языках выявляет их эволюцию, т. е. какие функции и комбинаторные способности они сохранили из славянских языков и какие функции приобрели они в молдавском языке. В результате такого анализа выявлено, что для молдавской антропонимии XIV—XVI вв. были характерны примерно 30 суффиксов славянского происхождения, из которых 7 суффиксов общеславянские (*-ин*, *-н(a)*, *-ан*, *-ко*, *-ш*, *-ша*, *-ец*), 5 южно-и западнославянские (*-ина*, *-ота*, *-ила*, *-ав*, *-ат*) и 18 восточнославянские, из которых 4 древнерусские (*-ила*, *-ша*, *-ский/-цкий*, *-ович/-евич*), 4 русско-украинские (*-ик*, *-ак*, *-ач*, *-ей*) и 10 украинские (*-ич*, *-ко*, *-ка*, *-чя*, *-ош*, *-ота*, *-ок*, *-ат*, *-иг*, *-аг/-яг*).

Индоевропейский суффикс *-ин* встречается во всех славянских языках XV в., указывая на происхождение, принадлежность. В антропонимии он имел патронимическую и этнонимическую функции [Железняк, 20; Прокопович, 52—53]. В славянских антропонимах, засвидетельствованных в славяно-молдавских грамотах, преобладает патронимическая функция; *Ивашко Баласин* (1436, К., I, 483) <*Бал+аш+ин* (с чередованием *ш-с*, характерным для болгарского языка. См. Вайганд, 10), *Ион Батин* (1423, К., I, 154), *Будин* (1500, К., II, 200), *Доброин* (1495, Б., II, 53), *Добрэчин* (1427 К., I, 196), *Драгосин* и *Драгошин* (1400, К., I, 35), *Штефан Милчин* (1499, Б., II, 147) и др. С греко-славянскими именами суффикс *-ин* становится непродуктивным. Встречаются только две формы; *Костин* (1434, К., I, 399) и *Лазин* (1494, ДИР, XV, II, 203). С этнонимической функцией суффикс *-ин* встречается редко и в славянских именах: *Власин* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 115), *Влахин* (1436, К., I, 485), *Влашин* (1435, К., I, 424) — разные формы имени *Влах*, возникшие в болгарском языке, благодаря чередованиям согласных *х—с—ш*.

В молдавских грамотах встречаются формы и с суффиксом мужского рода *-ина*, который отличается от *-ин+а* (окончание женского рода). Индоевропейский суффикс *-ина* в сербохорватской антропонимии является гипокористическим [Железняк, 24]. В молдавской антропонимии XV—XVI вв. также бытуют имена с данным суффиксом; *Драгина* (1516, ДИР, XVI, I, 103), *Якуш Гудина* (1481, ДИР, XIV—XV, I, 27). По мнению исследователей суффикс *-ина* генетически связан с числительным *иедин* (См. Же-

лезняк, 24). Таким образом можно объяснить и происхождение имени *Вриндина* (1493, ДИР, XV, II, 199) с вариантом *Врэндина* (там же), а именно: появление буквы *đ* между основой *Врин-*, *Врэн-* (<сл. *вранъ*) и суффиксом *-ина*. С греко-славянскими именами суффиксы *-ин-а* и *-ина* не встречаются. Женские формы греко-славянских имен (*Акилина*, *Ангелина*, *Василина*) проникли в славянские языки, а потом и в молдавский с латинским суффиксом *-ina*.

В молдавских грамотах встречаются две славянские формы с суффиксом *-н-а*; *Драгна* (1508, К., II, 538) и *Славна* (1503, К., I, 329), но и этот суффикс не получил распространения в молдавском языке.

Общеславянский суффикс *-анъ* образовал производные с аугментативным значением. От апеллятивов суф. *-ан* образовал производные со значением свойства, а от антропонимов — патронимические имена. Суф. *-ан* употребляется в славянских языках и как вариант суф. *-еанинъ/-яанинъ* >*-ану/-яну* для образования имен жителей от названия местностей. Все указанные функции суф. *-ан*, в славянских языках (аугментативная, патронимическая, образования имен жителей) отражены и в антропонимических формах на *-ан*, засвидетельствованных в славяно-молдавских грамотах: *Иван Балчан* (1436, К., I, 476), *Вылксан* (1500, ДИР, XV, II, 307) <*Вылк* *-ош*, *-ан*, *Глэван* (1528, К., I, 217), и *Главан* (1517, ДИР, XVI, I, III), *Гоян* (1448, К., II, 317), *Добричан* (1489, Б., I, 371), *Драган* (1431, К., I, 317), *Кожан* (1428, К., I, 213) и др. Формы *Драгушанул* (1443, К., I, 340) и *Иоан Морозанул* (1518, ДИР, XVI, I, 123) образовались уже в молдавском языке с суффиксом славянского происхождения *-ану/-яну* (< сл. *еанинъ*) и с добавлением молдавского определенного артикля *-л*. Суф. *-ан* стал продуктивным и с греко-славянскими именами: *Васкан* (1447, К., II, 273), *Лохан* (1415, ДИР, XIV-XV, I, 36) <*Евлогий*, *Лукан* (1520, ДИР, XVI, I, 163), *Раду Пэтрэшкан* (1487, ДИР, XV, II, 58), *Тудоран* (1487, Б., I, 306), *Ходко Пэшкан* (1495, К., II, 255) и др. В дальнейшем суф. *-ан* получил широкое распространение в молдавском языке. С апеллятивами он сохранил аугментативную функцию и в современном языке. Патронимическая функция стала нейтральной, но личные имена с суф. *-ан* сохранились и в современном языке, выполняя в основном функции фамильных имен, которые по форме часто совпадают с фамильными именами, образованными с суф. *-ану/-яну*: *Васкану*, *Кицану*, *Пэтрэшкану* и др. По аналогии с ними появились и фамильные имена от апеллятивных прозвищ: *Лунгану* <*лунг* «длинный», *Жосану* <*жос* «маленького роста», *Крецану* <*крец* «кудрявый», *Негряну* <*негру* «черный» и др.

Общеславянский гипокористический суф. *-ица*, проникший в молдавский язык в составе славянских имен *Балицэ* (1393, К., I, 14), *Драгица* (1484, Б., I, 284), получил распространение в греко-славянских именах: *Ан드리цэ* (1473, Б., 186), *Аница* (1507, ДИР,

XVI, I, 65) и др. В последующие века и в настоящее время суф.
-ица/-ицэ стал одним из распространенных гипокористических суффиксов и в апеллятивной лексике, и в антропонимии (*Георгийцэ, Ионицэ, Тоницэ, Штефэницэ, Аница, Докица, Смэрэндица*).

Индоевропейский суф. -ко с диминутивно-гипокористическим значением отличается большой продуктивностью во всех славянских языках XII—XV вв. [Железняк, 46—49]. В украинском языке и в настоящее время суф. -ко является самым продуктивным антропонимическим суффиксом: [Редько, 140; Чучка, 60]. Значительное количество имен с суф. -ко засвидетельствованы в славяно-молдавских грамотах. Они проникли и из южнославянских языков, но большинство из них заимствовано из украинского языка. Например: *Бойко* (1436, К., I, 427), *Балко* (1503, К., I, 510), *Ивашко Владичко* (1503, Б., II, 230), *Войко* (1428, К., I, 214), *Данко* (1436, К., I, 366), *Иван Дедко* (1420, К., I, 136), *Коско* (1437, К., I, 541), *Татко* (1428, К., I, 213) и др. Одновременно с этими формами употреблялись и формы с -ку (фонетическая адаптация суф. -ко): *Ивашку Владичку* (1432, К., 328), *Влайку Галеш* (1499, К., II, 534), *Войку* (1435, К., I, 416). Затем к формам с суф. -ку добавился молдавский определенный artikel -л: *Влайкул* (1576, К., I, 465), *Данчул* (1455, К., II, 770), *Станчул* (1428, К., I, 118) и др. Антропонимы с суф. -ку сохранились до настоящего времени, и в современном молдавском языке они бытуют как фамильные имена, без artikelя -л: *Бойку, Влайку, Войку, Станку* и др.

Суффикс -ка является вариантом суффикса -ко, с которым он совпадает семантически. Он является продуктивным в украинском и в русском языках. Со временем суф. -ка теряет свое гипокористическое значение и приобретает функцию различителя официальных антропонимических форм от разговорно-бытовых, для которых данный суффикс стал характерным [Редько, 40—41; Чучка, 61]. В наших грамотах встречаются формы: *Билка* (1495, Б., II, 249), *Войка* (1499, К., I, 172), *Койка* (1488, Б., I, 342), *Милка* (1492, Б., I, 509), *Немирка* (1431, К., I, 317), *Станка* (1493, Б., II, 18) и др. Суффиксы -ко -ку и -ка сохраняют свою продуктивность и с греко-славянскими именами: *Андрейко* (1435, К., I, 419), *Васко* (1479, К., I, 260), *Дениско* (1435, К., I, 494), *Ионашко* (1501, Б., II, 18), *Ивашко* (1428, К., I, 214), *Исайко* (1490, Б., I, 425), *Михалко* (1480—84, Б., II, 369), *Олешко* (1437, К., I, 541), *Остапко* (1522, К., I, 243), *Панко* (1529, К., I, 59), *Стецко Дэмэнкуш* (1457, К., I, 80); *Васку* (1446, ДИР, XIV—XV, I, 214), *Ивашку* (1432, ДИР, XIV—XV, I, 95). *Илку* (1488, ДИР, XV, II, 87), *Лацку* (1403, К., I, 47), *Янку* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 120); *Андріка* (1443, К., II, 185), *Васка* (1492, К., I, 114), *Гришка* (1507, Б., II, 152), *Иванка* (1443, К., II, 129); *Агришка* (1520, К., II, 152), *Анка* (1535, К., II, 51), *Анушка* (1507, К., II, 152), *Маринка* (1444, К., I, 511) и др. Сохраняя свою продуктивность и на других этапах славянского влияния, которое укрепило позиции данных суффиксов в молдав-

ком языке, многие формы с суф. -ка бытуют и в современном молдавском языке как разговорные формы: *Василка, Илинка, Катинка* и др.

К серии суффиксов с согласным -к относится и суф. -ик, продуктивный в русском и украинском языках. Кроме диминутивно-гипокористического значения, отчего он иногда является синонимом с суф. -ка [Чучка, 61], в украинском языке суф. -ик имеет и другие значения, из которых выделяется значение признака предмета. Например, *Билик* (1456, К., II, 795). Славянский суф. -ик укрепил позицию молдавского суффикса латинского происхождения -икэ. Поэтому в имени *Владика* (1469, Б., I, 136) <Влад<сл. *Владислав* эти два различных по происхождению суффикса, но одинаковых по форме, по содержанию и по функции, совпали. В следующие века и в настоящее время суф. -икэ -ика стал одним из самых распространенных гипокористических суффиксов в молдавском языке, как в антропонимии, так и в апеллятивной лексике.

Суффикс -ец был в праславянском, в общеславянском и распространен во всех славянских языках. При его помощи образуются слова от именных и глагольных основ, которые обозначают отадъективные существительные (*юнец, старец*), носителя свойства или качества (*жилец*), названия лиц по роду их деятельности (*писец, творец, борец*). Антропонимы с суф. -ец образовались от тех же именных и глагольных основ и от первого компонента сложного имени: *Добрец*<*Добромир*, *Милец*<*Милослав*, *Станец*<*Станимир*, *Станислав* [Железняк, 50; Прокопович, 32—36, 96—97]. В молдавских грамотах имена с суф. -ец проникли из древнерусского языка: *Борис Головец* (1421, ДИР, XIV—XV, I, 42. Форма *Головец* характеризуется полногласием -оло- и чередованием е-э, присущее молдавскому произношению), *Стан Лукавец* (1428, К., I, 203) и др. С греко-славянскими именами суф. -ец не встречается.

Суффиксы -аш, -еш, -иш, -ош, -уш, -ша составляют группу суффиксов с компонентом -ш-, который отличается большой продуктивностью в общеславянском языке. Во всех славянских языках суффиксы с компонентом -ш- образовали гипокористические формы от первого компонента сложного имени (*Милаш, Радеш, Галиш, Богуш, Малуша* и др.) Большая продуктивность данных суффиксов отмечена исследователями особенно в западнославянских языках XII—XIII вв. [Железняк, 33—40]. Из польского языка суффиксы -ош, -уш проникли в украинский язык в составе имен: *Балош, Бартош, Богуш, Януш*. В закарпатских документах XIII в. засвидетельствованы имена с суф. -ош, -уш: *Милош, Минош, Бухуш, Дануш, Якуш*, а в XIV в. появились: *Драгуш, Бенеш, Домаш* [Чучка, 70]. В славяно-молдавских грамотах XIV—XV вв. засвидетельствованы следующие имена с данными суффиксами: *Белош* (1437, К., I, 515), *Богуш* (1436, К., II, 702), *Ботэш* (1594, К., II, 471), *Бэлош* (1432, К., I, 332), *Галеш* (1490, К. I, 486), *Галиш* (1412, К., I, 97), *Драгош* (1403, К., I, 48), *Драгуш* (1443, К., II,

177), *Могош* (1400, К., I, 43), *Нанеш* (1491, К., I, 487) и др. Часть этих имен могла проникнуть прямо из польского языка. Суффиксы *-аш*, *-еш*, *-иш* сохранили свою продуктивность и с греко-славянскими именами: *Андриаш* (1392, К., I, 8), *Андриеш Служескул* (1443, К., II, 169), *Илияш* (1411, К., I, 96), *Иоаниш Изварец* (1466, К., II, 170), *Козмиш* (1453, К., II, 462). Данные суффиксы продуктивны и в современном молдавском языке, в антропонимии и в апеллятивной лексике.

Если суффиксы с компонентом *-иш*-, которому предшествуют гласные *a*, *e*, *и*, *o*, *у*, отличались большой продуктивностью в западнославянских языках и частично в южнославянских, то суф. *-ша* встречался и в восточнославянских языках XII—XV вв., особенно в древнерусском языке, где имел диминутивно-гипокористическое значение [Железняк, 31—32]. В славяно-молдавских грамотах засвидетельствовано несколько славянских имен с суф. *-ша*: *Баша* (1447, К., II, 274), *Думша* (1468, К., II, 207) и несколько греко-славянских имен: *Домша* (1492, ДИР, XV, II, 174), *Томша* (1519, ДИР, XVI, I, 152), *Фокша* (1495, ДИР, XV, II, 210), *Юрша* (1492, К., I, 113) и др. В XIV—XV вв. суф. *-ша* присоединялся и к молдавским именам: *Каша*, *Лупша* (1560, К., II, 173).

Антропонимические формы с суф. *-ота* были распространены в южнославянских и западнославянских языках в XI—XV вв. В восточнославянских языках этого периода они отсутствуют. Вначале суф. *-ота* образовывал абстрактные существительные от прилагательных (*доброта*), а производные с суф. *-ота* от антропонимов имели гипокористическое значение, но со временем они десемантизировались, стали нейтральными [Железняк, 57—60]. Позже из польского языка производные с суф. *-ота* проникли в украинский язык, где функция этого суффикса зависит от семантики основы [Редько, 148]. В славяно-молдавских грамотах засвидетельствованы славянские имена с суф. *-ота*: *Балотэ* (1481, К., 127), *Маноил Башотэ* (1428, К., I, 223), *Драготэ* (1481, К., I, 133), *Драгомир Кашотэ* (1491, Б., I, 445), *Оанчя Намнота* (1435, К., I, 404), *Работэ* (1493, Б., II, 14) и др. Эти имена проникли из южнославянских языков устным путем при первом контакте со славянами. Тогда, видимо, производные с суф. *-ота* еще имели гипокористическое значение, которое было осознано говорящими, и суф. *-ота* был присоединен и к молдавским именам: *Алботэ*, *Бумботэ*, *Капотэ*, *Лайотэ*, *Микотэ*, *Шерботэ* и др. Эти имена сохранились до настоящего времени и функционируют как официальные имена. С греко-славянскими именами суф. *-ота* уже не встречается. Видимо, причина состоит в его десемантизации. Так как формы с суф. *-ота* ничем не отличались от обычных полных имен, то не было никакой надобности в таких суффиксальных производных.

Из южнославянских языков, особенно из сербохорватского, проникли и первые имена с суф. *-ило*, который от апеллятивов образовал имена с аугментативным значением, а с антропонимами

имел гипокористическое значение [Железняк, 73—74]: *Бунила* (1507, ДИР, XVI, I, 65) и *Бунилэ* (1507, ДИР, XVI, I, 66), *Гостило* (1455, ДИР, XIV—XV, I, 262) и *Гостилэ* (1459, Б., I, 35), *Косилэ* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 117). Греко-славянские имена с суф. -ило проникли позже из древнерусского языка, где суф. -ило совпал по форме с окончанием древнееврейских имен на -ил (<ел): *Данило*, *Манойло*, *Михайло*, *Самойло*. Эти формы проникли и в славяно-молдавские грамоты: *Данило* (1455, К., II, 476), *Мануило Башотэ* (1428, К., I, 228), *Михэилэ Моймескул* (1446, К., II, 246), а по аналогии с ними появились формы *Петрилэ* (1490, К., II, 183), *Негрилэ* (1507, ДИР, XVI, I, 53) и др. Имена с суф. -илэ (<-ило) сохранились до настоящего времени, и в современном языке они бытуют как разговорные формы личных имен и как фамильные имена. С апеллятивами суф. -илэ сохранил аугментативное значение. Антропонимический суф. -илэ, присоединяясь к именным основам (существительных, прилагательных), придает им статус собственного имени; *Енурилэ* < *енуре* «заяц», *Лунжилэ* < *лунг* «длинный»; *Сарсаилэ*, *Корнилэ* — два из многочисленных имен черта в молдавском языке.

Суффикс -ав, который встречается в субстантивизированных прилагательных в сербокорватском и польском языках, хотя не был продуктивным [Железняк, 106], засвидетельствован и в нескольких именах славяно-молдавских грамот: *Грозав* фиул луй Могошел (1438, К., II, 16), *Белава* и *Билава* (1488, Б., I, 365). Форма *Грозав* сохранилась в молдавском языке как апеллятив (прилагательное и наречие) — грозав со значениями «ужасно, страшно, чрезвычайно» и как фамильное имя — *Грозавул*, с присоединением определенного артикля -л, но данные формы не были осознаны как производные с суф. -ав. Форма *Билау* (1436, К., I, 485) свидетельствует об адаптации суф. -ав под влиянием слов латинского происхождения с *ау-* (аугуст-август, аурорэ-аврора, Астралия-Австралия). С греко-славянскими именами суф. -ав не встречается.

Не сохранился в молдавском языке и суф. -ат/-ят, засвидетельствованный в славянском имени *Синат* (1448, К., II, 342) и в греко-славянском имени *Унклят* (1421, К., I, 143) < Ион.

Самые многочисленные имена, зафиксированные в славяно-молдавских грамотах, проникли из восточнославянских языков. На это указывают и аффиксы, характерные для данных языков.

Суффикс -ич является одним из продуктивных суффиксов в древнеукраинском языке. Он образовал оттопонимические имена со значением «место происхождения или проживания; баличи, волковичи» [Прокопович, 100], а затем приобрел патронимическое значение [Редько, 135]. Суф. -ич с патронимическим значением был продуктивным и в древнерусском языке [Прокопович, 48]. Имена с суф. -ич, аттестованные в славяно-молдавских грамотах, также имеют патронимическое значение: *Михаил сын Белич* (1433, К., 358), *Балицэ Бырлич* (1411, К., I, 84), *Драгомир Вранич* (1421,

К., 143), *Гудич* (1421, К., I, 143), *Дрэгич* (1429, К., I, 271), *Думич* (1436, К., I, 430), *Комарич* (1431, К., I, 318), *Купчич* (1425, К., I, 175), *Малич* (1437, К., I, 342), *Рэдич* (1448, К., II, 325) и др. С греко-славянскими именами суф. -ич менее продуктивен: *Михаил Колич* (1436, К., I, 499), *Ходко Костич* (1433, К., I, 369), *Ивашко Ункетич* (1437, К., I, 284), но эти имена сохранились как фамилии и в современном молдавском языке.

Другим продуктивным суффиксом в украинском языке XIII—XV вв. был -чя. Он образовал диминутивно-гипокористические формы от усеченных форм имен (*Бончя*<*Бонифаций*). Такие же формы засвидетельствованы и в славяно-молдавских грамотах: *Баличя* (1400, ДИР, XIV—XV, I, 10), *Борчя* (1497, К., II, 551), *Бухайчя* (1491, ДИР, XV, II, 172), *Мирчя* (1428, К., I, 214), встречающиеся в украинском языке в XII—XIII вв. [Железняк, 128], *Нейчя* (1487, Б., I, 287) и др. Имя *Дрэгойчя* (1493, Б., II, 26) могло быть образовано в молдавском языке по аналогии с вышеуказанными украинскими именами. С греко-славянскими именами суф. -чя не был продуктивным. Формы *Ванчя* (1436, К., I, 460), *Дончя* (1434, ДИР, XIV—XV, I, 114), *Калинчя* (1487, Б., I, 311) и др., видимо также проникли из украинского языка.

В славяно-молдавских грамотах аттестованы по одному-два украинских имени с суффиксами: -ок: *Власин Могосокул* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 115)<*Мог-ош-ок-ул*; -ач: *Балач* (1491, Б., I, 447) и греко-славянские имена: *Лукач* (1493, Т, II, 24) и *Копач* (1491, Б., I, 458)>Прокопий; -ак: *Бончак* (1494, Б., II, 34), *Фома Верещак* (1443, Б., I, 236).

Из древнерусского и древнеукраинского языков проникли имена с суф. -ей: *Братей* (1407, К., I, 57), *Ивашко Братей (ул)* (1427, ДИР, XIV—XV, I, 61), *Слэвей* (1519, ДИР, XVI, I, 146). С греко-славянскими именами суф. -ей стал продуктивным в украинском языке (*Василей*, *Костей*) [См. Редько, 119—120; Чучка, 69], а в молдавском языке такие формы не образовались. Из украинского языка проникли формы: *Стэнигэ* (1424, К., I, 163) с суф. -ига и *Войняг* (1430, К., I, 297) с суф. -аг/-яг.

В славяно-молдавских грамотах встречаются имена с суф. -ски/-чики -ский/-ckiй. В древнерусском языке с суф. -ский/ckiй образовались фамильные имена от названия местностей. С антропонимами данные суффиксы указывали на происхождение, родство, потомство. Такое же значение имели суф. -ски/-чики в польском языке. Ю. К. Редько указывает, что фамильные имена с суф. -овский/евский писались обычно в русском языке, а с суф. -овски/евски — в польском языке [Редько, 83]. В наши грамоты проникли такие имена из польского и из русского языков: *Данчул*, *Штефул* *Бучаки* (1503, К., II, 489), *Мику Синовски* (1403, К., I, 48), но *Михаил Дорохунский* (1428, ДИР, XIV—XV, I, 67).

Суффикс -ович/-евич<-ов, -ев+ич с патронимическим значением был продуктивным в русском языке XIV—XV вв., затем стал суффиксом фамильных имен [Чичагов, 110]. В славяно-молдавских

грамотах находим формы с суф. *-ович/-евич*, но их функцию (отчества или фамилии) трудно определить: *Ивашко Баласинович* (1436, К., I, 392), *Борис Браевич* (1421, К., I, 143), *Штефан Борылович* (1419, К., I, 132), *Ивашко Братевич* (1429, К., I, 260), *Костя Братилович* (1411, К., I, 86), *Костя Драгошевич* (1433, К., I, 359) и др. Данные суффиксы встречаются и в греко-славянских именах этого периода: *Косте Андроникович* (1445, К., I, 220), *Тадор Ваксович* (1443, К., II, 146), *Жюржю Иоилович* (1456, К., II, 585) *Думша Козмович* (1517, ДИР, XVI, I, 110), *Иаким Калиянович* (1421, К., I, 143), *Козма Шандрович* (1453, К., II, 443) и др. О том, что говорящие на молдавском языке осознали значение суффиксов *-ович/-евич* и *-овский/-евский*, свидетельствует их присоединение к молдавским именам: *Думитру Бадевич* (1421, К., I, 143), *Мирчя Дулчевич* (1448, К., II, 739), *Жумэтатевич* (1412, К., I, 98), *Крецович* (1453, К., II, 443), *Жюржю Фратовски* (1412, К., I, 245), *Маноил Шербич* (1443, К., II, 189), а также к молдавским формам греко-славянских имен: *Илияш Думитровски* (1407, К., I, 418), *Думша Козмович* (1517, ДИР, XVI, I, 110), *Данко Жюргевич* (1436, К., II, 704), *Жюржю Иоилович* (1456, К., II, 585).

Как известно, лексическая единица считается полностью ассилированной заимствующим языком только тогда, когда она начинает образовывать производные. Следовательно, появление славянских имен с молдавскими суффиксами латинского происхождения, существующими в молдавском языке XV—XVI вв., свидетельствует о том, что славянские имена полностью вошли в обиход, и говорящие могли различать структуру данных имен. Например, южнославянские имена *Драгое, Нягое* имеют в своем составе суф. *-ойе*, который по форме и по функции совпал с молдавским суффиксом латинского происхождения *-ой*, а затем слился с ним, и данные имена стали употребляться с суф. *-ой/ою*: *Дрэгой* (1392, К., I, 8), *Дрэгою* (1498, К., II, 126). К славянским именам присоединились и молдавские суффиксы *-уц* (<лат. *icetus* и *-ел* (<лат. *ellus*)): *Дрэгутца* (1502, Б., II, 201), *Драгоцэл* (1495, ДИР, XV, II, 241) < *Драг+уц+ел*, *Могошел* (1438, К., II, 16) < *Могош+ел*.

Самым распространенным явлением адаптации славянских имен было присоединение к ним молдавского определенного артикля *-л* (чаще с соединительным гласным *-у*) *>ул*: *Бобул* (1494, ДИР, XV, II, 204) < болг. *Бобо* < *Богдан, Братул* (1392, ДИР, XIV—XV, I, 3), *Братул Плешкул* (1427, К., I, 196), *Будул* (1421, К., I, 143) < болг., с-х. *Будимир, Вылкул* (1507, ДИР, XVI, I, 61) < болг. *Вълк Добрул* (1495, К., II, 171), *Драгул* (1414, К., I, 103), *Клинчул* (1519, ДИР, XVI, I, 140) < болг. *Клинчо, Радул* (1429, К., I, 258) и др. Артикль присоединялся и к некоторым усеченным формам греко-славянских имен: *Ваниул* (1517, ДИР, XVI, I, 106), *Ивул Солка* (1482, К., II, 321), *Михул* (1436, К., II, 363) и др. Затем к этим артикулированным формам примкнули славянские суффиксы или окончания. Так появились формы *Дан Выкэле* (1442, ДИР, XIV—XV, I, 180) < *Вук+ул+е* — флексия вокатива, *Драго-*

ле (1491, К., II, 74) и *Драголя* (1497, К., II, 551) и другие формы с -я, которые дали суф. -ля с вариантами -еля, -оля, -уля: *Детеля* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 116), *Кираколя* (1482, К., II, 369), *Микля* (1495, К., II, 39) и др. Из формы славянского генитива *Драгула* <Драг+ул+а возникла форма *Дрэгулэ* (1513, ДИР, XVI, I, 85).

В XV в. самым продуктивным молдавским суффиксом, который присоединялся к основам славянских имен, был -еску: *Иоанэш Борилеску* (1481, Б., I, 248), *Петрү Братескул* (1432, К., I, 343), *Албул Войнескул* (1493, Б., II, 13), *Мику Гэлескул* (1497, Б., II, 119), *Тоадер Нэнескул* (1495, К., I, 486), *Лазор Продэнескул* (1488, Б., I, 346), *Иоан Журжа, Исаиа Синескул* (1501, Б., II, 183), *Драгош Стэнищескул* (1490, Б., I, 403) и др.

Таким образом, исследование структуры славянских имен, за- свидетельствованных в славяно-молдавских грамотах XIV—XVI вв., особенно форм и функций их формантов, и взаимоотношения славянских и молдавских формантов, выявляет закономерности образования молдавской деривационной системы не только в антропонимии, но и в апеллятивной лексике. Знание структуры славянских имен, а также изменений, которые они претерпели на молдавской почве, помогают выяснить этимологию многих имен, которая до сих пор оставалась неясной или истолковывалась неправильно, по каким-либо поверхностным ассоциациям.

* * *

Молдавская антропонимия XVII—XVIII века характеризуется двумя направлениями.

С одной стороны, благодаря увеличению числа памятников, переведенных на молдавский язык, появились новые формы адаптации заимствованных антропонимических элементов к внутренним законам молдавского языка (*Василе, Думитру, Илие, Захария, Штефан, Тоадер, Ион, Матей, Тома, Санду, Иляна* и др.); исчезла из употребления основная масса древних славянских имен, из которых сохранилось небольшое количество личных имен в официальной и в популярной формах; они стали в основном фамильными именами (*Некулай Войновану, Василе Стэнишор, Ионицэ Нашку, Думитру Бран, Сандул Борчул, Григоре Батку* и др.).

С другой стороны, благодаря интенсификации социальных и политических контактов между молдавским, русским и украинским народами, появляется новое восточнославянское влияние и в антропонимии. Во-первых, сохраняются русские и украинские официальные и разговорные формы греко-славянских имен, ставшие и молдавскими разговорными именами (*Дорофей, Дэнилэ, Мафтеи, Михэилэ, Иван, Парфени, Тимофти* и др.). Во-вторых, появляются новые фамильные имена русского и украинского

происхождения (*Ионицэ Чорнею, Афтени Поросеч, Фьодор Велищку, Петре Берехою, Нистор Друхуцэ* и др.). В-третьих, ряд суффиксов славянского происхождения становится активным, а также проникают новые украинские суффиксы, при помощи которых образуются фамильные имена от молдавских основ (*Ион Тикэлич, Костандин Корнеш, Ион Митителюк, Василе Скуртуленкул, Григораш Фиуучку, Ион Опэряк* и др.)³.

Сложный украинский суф. -ашко (<аш+ко) проник в молдавскую антропонимию в составе украинских имен в XV в. В XVII—XVIII вв. этот формант становится продуктивным, присоединяясь к молдавским основам: *Думитрашко Хилимон* (МФ, I, 400), *Ион Лупашко* (МФ, I, 400), *Некула Лупашку зет Тоадер Циган от Борзешть* (1765, ДВ, XX, 73). *Иримие сын Петрашко* (МФ, II, 414), *Тодирашко брат Крыстий* (МФ, II, 441), *Тодирашку* (1800, ДВ, XX, 202), *Некулай Ионашко* (МФ, II, 457), *Ионашку* (1651, ДВ, XX, 19), *Теринте Видрашко* (МФ, II, 462) и др. Форма *Думитрашко* отличается большой частотностью и в произведениях И. Некулче.

В XVIII в. проникает в молдавскую антропонимию украинский суф. -енко. Это один из самых продуктивных и специфических украинских суффиксов для образования фамильных имен от личных имен (отца и матери), от прозвищ, названий местностей и национальностей, названий профессий [Редько, 121]. Суф. -енко стал присоединяться и к молдавским основам, часто принимая форму -енку, к которой порой присоединялся определенный артикль -л: *Андронаки Гурищенко* (МФ, II, 461), *Васыле Скуртуленкул* (МФ, II, 427), *Ион Мырзенко* (МФ, II, 463), *Мирон Гафенку* (1762, ДВ, XX, 57), *Георгишенкул* (1817, ДВ, XX, 291) и др.

В данный период восточнославянский суф. -ич становится продуктивным в украинском языке и приобретает функцию образования фамильных имен от личных имен и особенно от прозвищ. По аналогии с украинскими именами суф. -ич стал присоединяться и к молдавским основам: *Гаврил зет луй Сурич* (МФ, II, 449), *Григораш Гырнич* (МФ, II, 449) *Никита Рысыпич* (МФ, II, 442), *Лупул Кликич* (МФ, II, 458), *Дэнилэ Пырлич* (МФ, II, 438), *Сэмюон Мындрич* (МФ, II, 425), *Григораш Данолич* (МФ, I, 447), *Сэкэрич* (1791, ДВ, XX, 145) и др. Под влиянием украинского языка появляются формы с суф. -ак/-як от

³ Приведенные и последующие примеры почерпнуты из следующих источников.: *Boga L. T. Documente basarabene*, XX. *Mărturii hotărnicice* (1602—1814). Chișinău, 1938. (Сокр.—ДВ, XX); *Boga L. T. Documente basarabene*, II. *Scrisori și răvășe* (1660—1860). Chișinău, 1928. (Сокр.—ДВ, II); *Boga L. T. Documente basarabene*, I. *Foi de zestre* (1734—1844). Chișinău, 1928. (Сокр.—ДВ, I); *Boga L. T. Documente basarabene*, III. *Testamente și danii* (1672—1858). Chișinău, 1929. (Сокр.—ДВ, III); *Documente din Basarabia adunate de P. S. Vișarion Puiu, Conșt. Tomescu, Ștefan Berechet, Ștefan Ciobanu* (1790—1820). Chișinău, 1928. (Сокр.—ДВ); Молдова ын епока феудализмулай. Вол. III, п. I—II/Алк. П. Г. Дмитриев. Кишинэу, 1975. (Сокр. МФ, I, II).

молдавских основ: *Иван Дудучаку* (МФ, I, 437) *Ион Опэряк* (МФ, I, 449), *Ионицэ Сэндуляку* (МФ, I, 445) и др. Наряду с южнославянскими именами с суф. -ко, проникшими в молдавский язык в первом периоде славянского влияния и ставшими к XVII веку фамильными именами (*Батко, Быцко, Войко, Дацко* и др.), в XVII—XVIII вв. проникает ряд имен с суф. -ко из украинского языка, а другие образуются с суф. -ку/-чу в молдавском языке: *Илко* (МФ, I, 376), *Андрей Мэлайко* (МФ, I, 445), *Лукиан Хилико* (МФ, II, 457), *Штефанко* (МФ, I, 439), *Санду Борчул* (МФ, II, 459), *Волошинку Михалаке* (1828, ДБ, I, 46), *Герчу* (1778, ДБ, XX, 91), *Дохатку* (1812, ДБ, II, 23), *Кликишчу Глигори* (1764, ДБ, XX, 63), *Васэли сэн Лешку* (1792, ДБ, XX, 210), *Панку* (1814, ДБ, XX, 287) и др. Наряду со старыми, появляются новые формы с суф. -ка: *Милка* (1796, ДБ, XX, 184), *Парфени Рошка* (МФ, II, 409), *Саука* (1662, ДБ, XX, 24), *Ионицэ Штефка* (МФ, I, 461). Более продуктивным стал суф. -ка с женскими именами: *Илянка* (МФ, II, 409), *Ифтинка* (МФ, II, 336), *Катинка Каражя* (1803, ДБ, 219), *Мэланка Настасэ* (1781, ДБ, XX, 129), *Тудоска, че-ау цинут-о Паскал Хоштина* (1756, ДБ, 107) и др.

С украинским суф. -чя образовались новые производные, в основном от греко-славянских имен: *Григорчя* (1787, ДБ, XX, 126), *Загорчя* и *Загорче* (1778, ДБ, XX, 91), *Мэлчя* (1794, ДБ, XX, 151) и др.

В XVII—XVIII вв. становятся продуктивными в молдавском языке суф. -уш, -ош. Наряду с формами: *Бантош* (1816, ДБ, 112), *Бухуш Александру* (1670, ДБ, XX, 28), *Константин Тимуш* (1756, ДБ, 106), *Янкуш* (1647, ДБ, 165) и др. появляются производные с данными суффиксами и в молдавском языке: *Артение Ангелуша* (1791, ДБ, XX, 150. Ср. и персонаж В. Александри — мама Ангелуша), *Костаки Кируш* (1817, ДБ, III, 33), *Негруша Васэли* (1764, ДБ, XX, 70), *Петруш* (1667, ДБ, 199) и др.

Формы со сложным украинско-русским суффиксом -ушка (<-уш+ка) бытовали и в молдавском языке этого периода: *Анушка* (1646, ДБ, 59), *Штефан Болдушка* (1764, ДБ, XX, 63), *Марушка* (1812, ДБ, XX, 280).

По аналогии с греко-славянскими именами с суф. -еш, бытующими в молдавском языке с XIV века (*Андрееш, Георгиеш, Илиеш* и др.), в XVII—XVIII вв. суф. -еш присоединяется к молдавским отапеллятивным именам: *Сымион Вердеш* (МФ, II, 419), *Костандин Корнеш* (МФ, II, 440), *Дэнуцэ Цапеш* (МФ, II, 445), *Гуреш, Лаеш, Пенеш, Рареш* и др. Сохраняются старые патронимические образования с суф. -ин: *Онофрею Костин* (МФ, II, 430), *Ионицэ Савин* (МФ, II, 451), *Ионицэ Галин* (1818, ДБ, II, 46), а наряду с ними появляются и производные от молдавских форм личных имен: *Штефан Тимотин* (МФ, II, 457). Пополняется группа молдавских фамильных имен в форме русского генитива: *Ба-*

лаура Антоний (ДБ, I, 28), Буга Иван (1787, ДБ, XX, 125), Исаи (1798, ДБ, XX, 216), Онака (1646, ДБ, 185) и др.

Русские и украинские элементы, проникшие в молдавскую антропонимию в XVII—XVIII вв., и те славянские элементы, которые проникли раньше и вновь стали активными в этот период, сохранились до настоящего времени в народно-разговорных вариантах личных имен и особенно в фамильных именах. Эти элементы ассимилировались молдавским языком различными способами:

1) Тенденция к артикулированию, характерная для молдавских имен, распространилась и на славянские и греко-славянские имена: *Сандул Борчул* (МФ, II, 459), *Хрихор Луцику* (МФ, I, 436), *Феодосиу Сандул* (1815, ДБ, II, 31), *Василий Мафейчуку* (МФ, I, 436), *Тоадер Некуцю* (МФ, II, 450) и др. В списках переписи населения Молдавии 1772—1773 и 1774 гг. имена, оканчивающиеся на *-ей*, *-ай* *-я* и на согласный, получили определенный артикль: *Андрею*, *Маковею*, *Мафтею*, *Настасэю*, *Некулаю*, *Онофрею*, *Пинтелею*, *Федиул*, *Христофору*, *Якобу* и др. Артикль появляется в фамильных именах, образованных от неартикулированных личных имен, от имен с суф.; *-ашко*, *-енко*, *-чук* и др., от апеллятивов женского рода: *Михаил Юрийчуку* (МФ, I, 437), *Иван Илчуку* (МФ, I, 435), *Василий Волошчуку* (МФ, I, 435), *Ионицэ Сэндуляку* (МФ, I, 445), *Ионицэ Чорнею* (МФ, II, 416), *Ионицэ Басоку* (1770, ДБ, XX, 78) и др.

2) Присоединение молдавских суффиксов к суффиксальным формам славянских имен: *Мирон сын Григорэшкуэ* (МФ, II, 446), *Александра Доничнои* (МФ, II, 402), *Нистор Друхуцэ* (1787, ДБ, XX, 23), *Штефан сын Дрэгутэ* (МФ, II, 459), *Дурнескул Ион* (1797, ДБ, XX, 191), *Дурэсчаса Аксиния — соция луй Михалчя* *Дурак* (1661, ДБ, XX, 23), *Иким Негришою* (МФ, I, 342), *Онофрей Спиваескул* (МФ, I, 446), *Василе Стэншор* (МФ, II, 428), *Георгий сын Чуденесий* (МФ, II, 420) и др.

Процесс ассимиляции славянских форм имен при помощи молдавских суффиксов (латинского происхождения) усиливается в XIX в. Данный процесс распространяется в основном на гипокористические формы имен (*Анкуца*, *Дрэгута*, *Илинкуца*, *Катинкуца*, *Катринел*, *Марушкуца*, *Милика*, *Рэдуку*, *Стэнкуца*, *Стэншор*, *Стэнукэ*), а по аналогии с ними и на фамильные имена: *Богуцэ*, *Брэтеску*, *Брэтучел*, *Бэлуцэ*, *Войкулеску*, *Ивэнеску*, *Ивэнуцэ*, *Синел*, *Синикэ* и др.

XIX век в антропонимии характеризуется двумя сильными, но противоположными тенденциями:

1) Приспособление имен к нормам молдавского литературного языка. Этому способствовали несколько факторов: развитие молдавского литературного языка; вклад писателей; латинистическое течение, под влиянием которого появился ряд латинских имен, а часть греко-славянских имен была записана латинским фонетизмом; влияние западнороманских языков. Под воздействием этих

факторов в молдавских документах XIX в. появляются официальные, литературные формы имен: *Елисавета Харе* (1846, ДБ, 46), *Еманоил Дрэгич* (1844, ДБ, 148), *Инокентие* (1804, ДБ, 36) и др. Встречаются имена с латинским фонетизмом: *Теофан* (1846, ДБ, 30), *Теоктист* (1846, ДБ, 46), *Теодот* (1846, ДБ, 56), *Теодор Бали* (1804, ДБ, 179), *Тома* (1804, ДБ, 179), *Тудосе Будеч* (1804, ДБ, 36) и др. Вновь были введены в обиход балкано-романские имена: *Смаранда Донич* (1841, ДБ, 145), и *Змаранда Донич* — логофэт (1828, ДБ, 143), *Мэриоара* (1804, ДБ, 176), *Мэргэринг Некулау* (1841, ДБ, 145), *Сорика* (1794, ДБ, 112) и др.

2) Новое славянское влияние, которое усиливается после 1812 года, благодаря присоединению Бессарабии к России. Через русский язык в этот период проникает в молдавскую антропонимию ряд новых имен греческого и романского происхождения, которые не были засвидетельствованы в наших документах в предыдущие периоды: *Анатоле* (1837, ДБ, III, 74), *Вениамин* (1805, ДБ, 25), *Виктор* (1865, ДБ, 151), *Висарион* (1846, ДБ, 46), *Зинаида* (1910, ДБ, 156), *Олимпиада Харе* (1846, ДБ, 46), *Пулхерия* (1865, ДБ, 152) и др.

Одни из главных факторов русского влияния в XIX веке состоят в появлении патронимов (отчеств) в русской форме и, следовательно, в появлении официальной трехчленной формулы наименования по русскому образцу. Как показано выше, в славяно-молдавских документах XIV—XV вв. к молдавским именам присоединялись славянские патронимические суффиксы *-ин*, *-ич*, *-ович*, *-евич*: *Костин*, *Колич*, *Шербич*, *Жумэтатевич*, *Лимбэдулчевич*, *Крецович*, *Нэстурелович*, *Поркович*, *Тадерович* и др. С появлением письменных переводов памятников на молдавский язык эти формы исчезли из употребления. Суффикс *-ин* уже в XVII—XVIII вв. становится непродуктивным. Сохранились только древние формы *Костин*, *Савин*, к которым добавилось еще несколько: *Петрулин*, *Тимотин*. Суф. *-ич* становится очень продуктивным в XVIII в., но семантически это уже не тот патронимический суффикс XV в., а новый, украинский суффикс, при помощи которого образовались фамильные имена, особенно от прозвищ. Суффиксы *-ов*, *-ев* также не встречаются в XVII—XVIII вв. Только к концу XVIII в. и в начале XIX в. появляются формы с суффиксами *-ов*, *-ев* и *-ович*, *евич*. Эти две формы патронимов соответствовали русским формам отчества и различались между собой по функциям. В русском языке, как указывает В. К. Чичагов, с *-ович* и *-евич* именовались только представители высших социальных слоев эпохи феодализма. Все остальные лица, в том числе и дети лиц, именовавшихся с *-овичем*, именовались с отчествами на *-ов*, *-ев* и *-ин*. Суф. *-ович*, *-евич* присоединялись только к личному имени отца, тогда как суф. *-ов*, *-ев*, *-ин* образовали производные со значением отчества и от других слов, которые служили характеристи-

тикой того или иного человека⁴. Данное положение, характерное для русского языка, продолжалось до XIX в.; оно нашло свое отражение и в молдавской антропонимии XIX века, в которой появляется трехчленная официальная формула именования с именем отчества на *-ович*, *-евич* и с указанием в тексте, что соответствующие лица являются дворянами — «нобил, нобилэ»: «Ачастэ прокурэ апарчине Нобилулуй Константин Николаевич Донич — Доверенность эта принадлежит Дворянину Константину Николаевичу Доничу» (1886, ДБ, 153), «Домнишоара Евгения Феодоровна Руссо — Дворянка девица Евгения Федоровна Руссо» (1886, ДБ, 153), «Тutor Нобил Павел Степанович Россет — Попечитель Павел Степанович Россет» (1886, ДБ, 153—154), Нобила Олга Ивановна Руссо (1892, ДБ, 154—155), Косте Кирилович пыркэ-лабул ди Хотин (1800, ДБ, XX, 81). Если социальный титул не указывается рядом с именем, то социальное положение именуемого подразумевалось из контекста: Андрей Арсэнович (1824, ДБ, III, 59), Иордаки Александрович (1817, ДБ, III, 35), Алексэй Штефанович (1828, ДБ, II, 120), Сэмион Петрович (1832, ДБ, II, 126), Михали Радович (1800, ДБ, III, 23) и др. Другие лица записаны с *-ов*, *-ев*: Думитраки Костандинову (1828, ДБ, 138), Иордаки Лазарев (1834, ДБ, III, 73), Козма Павлов (1834, ДБ, III, 73) и др.

Под влиянием русской трехчленной формулы именования лиц в XIX в. появляется и молдавская трехчленная формула, в которой патроним (отчество) ставится в именительном падеже, так как предшествующие ему элементы (генетивный артикль *а* луй, славянские апеллятивы *сын*, *брат*, *зет*) пропускаются⁵: Симион Пинтилие Андрейка, рэзеш, Константин Мария Хрицку и др.

Под влиянием русской антропонимии в XIX в. становятся более распространеными и фамильные имена с суф. *-ский/-цкий*: Иван Волчинский (1823, ДБ, III, 57), Крэжановски Димитрие (1822, ДБ, II, 81), Марковский (1824, ДБ, II, 105), Мироновский Иоан (1805, ДБ, III, 11), и др.

На современном этапе русское влияние на молдавскую антропонимию проявляется в основном в гипокористических формах имен и в официальной формуле наименования.

В настоящее время получают распространение русские гипокористические формы имен: Антоша, Аня, Аркаша, Ваня, Вася, Димка, Илюша, Маринка, Нюся, Олечка, Павлик, Петя, Саша, Танюша, Федя, Шура и др. Они проникают и в художественную литературу. Употреблению русских гипокористических форм имен в молдавском языке способствуют не только современные, пов-

⁴ См.: Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, с. 47—57.

⁵ Славянская формула именования с апеллятивами *сын*, *брат*, *зет*, которая появилась в молдавской антропонимии во второй половине XVII в. и была распространенной в XVIII в. и во второй половине XIX в. уже выходит из употребления.

седневные социальные и культурные контакты, но и тот факт, что соответствующие модели адаптировались молдавским языком еще в первом периоде славянского влияния. Например, имена с суф. *-ка*, *-ша*, *-я*, *-ик* бытовали еще в XIV—XV вв., затем данные суффиксы присоединялись к греко-славянским именам и имели широкое распространение во всех последующих периодах. Для современного молдавского языка характерна тенденция к морфологической адаптации данных русских гипокористических форм путем присоединения к ним молдавских суффиксов: *Вэнишор*, *Вовушор*, *Володел*, *Лъонишор*, *Мишулэз*, *Мэшуца*, *Нэстица*, *Лизуца*, *Олгуца*, *Пэшуца* и др.

Если в XIX в. русская трехчленная формула наименования лиц употреблялась только для высших слоев общества, то в современной молдавской антронимии под влиянием русской современной антронимии трехчленная официальная формула наименования лиц с отчеством на *-ович*, *-евич* стала нормой для всех граждан.

Таким образом, восточнославянское влияние в молдавской антронимии в XVII—XVIII вв. проявилось в основном в процессе образования фамильных имен. Из большого количества славянских суффиксов, проникших в предыдущем периоде, стали продуктивными суффиксы фамильных имен, характерные для украинского языка: *-ка*, *-ко*, *-ашко*, *-ич*, *-чя*; проникли также новые украинские суффиксы: *-ак/-як*, *-енко*, *-ук/-юк/-чук*. Производные с данными суффиксами были ассимилированы молдавским языком путем артикулирования и присоединения молдавских суффиксов.

Русское влияние в XIX в. характеризуется появлением в молдавском языке трехчленной официальной формулы наименования лиц.

На современном этапе русское влияние проявляется в гипокористических формах личных имен и в утверждении трехчленной официальной формулы наименования лиц с отчеством на *-ович*, *-евич* для всех граждан.

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОЛДАВСКИХ ТОПОНИМОВ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Современная молдавская топонимия неоднородна в этимологическом отношении. Помимо названий романского происхождения, составляющих основной фонд данного топонимического региона, она содержит наименования славянские, тюркские и др. Особенно хорошо представлены славянские топонимы. Эти наз-

вания возникли в условиях романо-славянского билингвизма на всем протяжении предыстории и истории молдавского языка.

В истории указанных языковых отношений следует различать четыре периода¹. Каждый из них отличается собственной спецификой языковых контактов и славянских заимствований в языке восточнороманского населения. Первый период соответствует балкано-романскому этапу развития восточнороманских языков (VI—X вв.), когда романским населением заимствуются южнославянские языковые элементы разговорной речи. Второй период, т. е. период дако-романской общности (XI—XIV вв.), характеризуется романо-славянскими языковыми контактами в сферах разговорной речи и книжного влияния старославянского языка². Третий период охватывает промежуток времени с XIV в. (т. е. с образования Молдавского феодального государства в 1359 г.) до Октябрьской революции. Он связан с формированием и развитием молдавского языка и интенсификацией языковых контактов с восточнославянскими народами, русским и украинским. Особенностью четвертого (советского) периода является развитие молдавского национального языка в непосредственном контакте с русским языком³.

На протяжении многих столетий славяне жили рядом и вперемежку с романским населением. Это привело в отдельных областях к романо-славянскому билингвизму, в результате которого восточные романцы усвоили большое количество славянских языковых элементов. Славянские языки оказали влияние на фонетику, морфологию, синтаксис и особенно на лексику восточнороманских языков; они оставили глубокие следы и в местной топонимии. Славянское происхождение тех или иных топонимов можно установить на основе некоторых фонетических, лексических, словообразовательных и других особенностей. Прежде всего речь идет о наличии в упомянутых названиях сочетаний *шт*, *жд* и гласного *а* (*я*) вместо сочетаний **tj*, **kti*, **dj*, гласного *ё*, типичных для фонетики общеславянского языка. К числу фонетических явлений, способствующих дифференциации славянских топонимов, относятся также рефлексы общеславянского носового гласного *ö* в виде сочетаний *ын* (*ым*) и *у*, изменение *г>h* (молд. *х*), явление полногласия и др.

Как установлено, переход общеславянских сочетаний *t+j*, *kt+i*, *d+j* и гласного *ё*, в *шт*, *жд* и *а* (*я*) имел место в южнославянских говорах восточноболгарского типа. Этим же говорам свойственна трансформация общеславянского гласного *ö* в *з* (носот-

¹ См.: Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть / Ред. С. Бережан. А. Дырул, Т. Ильяшенко. Кишинэу, 1964, п. 52—53.

² Ильяшенко Т. П. Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. М., 1970, с. 77—93.

³ О специфике развития молдавского национального языка см.: Сергиевский М. В. Молдаво-славянские этюды. М., 1959, с. 5—84, 145—166 и др.; Шишмарев В. Ф. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР.— В кн.: Вопросы молдавского языкоznания. М., 1953, с. 73—120.

вое), которое в восточнороманских языках сохранилось в преображенном виде в сочетании *ын* (или *ым*). Поэтому топонимы, содержащие фонетизмы *шт*, *жд* и *ын* (*ым*), можно отнести к славяно-болгарским. Подобные названия встречаются в северных придунайских землях⁴. Указанные названия возникли во времена балкано-романской языковой общности.

Фонетические изменения *ö>y*, *ε>h* и явление полногласия составляют характерные особенности восточнославянских языков. Топонимы с указанными фонетизмами получили большое распространение к востоку от Карпат, в бывшем Молдавском княжестве и в Буковине. На территории Молдавской ССР встречаются, например, названия: *Дубровка*, *Дубэу*, *Залуча*; *Хулбока*, *Захорна*, *Похребень*, *Хлиная*, *Хырбовец*; *Березовка*, *Болотина*, *Воронец*, *Солонец*, *Хородиште* и др. С хронологической точки зрения их можно отнести к периоду дако-романской языковой общности (XI—XIV вв.) и к эпохе формирования и развития молдавского национального языка (XIV—XX вв.).

Влияние восточнославянских топообразований представлено и другими фонетическими чертами: рефлекс *и* вместо *е* (*Била Кирница*, *Билосэуць* и др.), передача славянских суффиксов **-ovr/*-evr*, **-ovici/*-evici* через *-эу/-еу*, *-эуць/еуць*: *Вэрэнкэу*, *Деренеу*, *Дубэу*, *Василеуць*, *Матеуць*, *Трифэуць* и др. Известно, что в восточнославянских языках явление полногласия и изменение *ε>h* датируются XI веком, а исчезновение носовых гласных происходит в X—XI веках⁵. Указанные фонетические явления, по мнению Ф. П. Филина, начали развиваться еще в общеславянскую эпоху⁶.

В пределах молдавского топонимического региона встречаются и названия, фонетические черты которых на первый взгляд говорят об их принадлежности к южнославянскому пласту. Эти названия содержат упомянутые фонетизмы *шт*, *жд*, *а(я)* вместо общеславянских **tj*, **kti*, **dj*, **ě* (*Пештера*, *Градиште*, *Граждурь*, *Дялу* и др.), сочетания *ра*, *ла*, *ре*, *ле* вместо полногласных сочетаний *оро*, *оло*, *ере*, *еле* (*ело*) (*Дрэгэнешть*, *Драгомирешть*, *Врэнешть*, *Стража*, *Брезоая*, *Слатина* и др.) Однако, при более детальном анализе можно установить, что в основе этих названий лежат либо заимствованные молдавским языком древнеславянские апеллятивы (*пештерэ*, *грэдыште*, *гражд*, *дял*, *стражэ*, *бряз*, *слатинэ*), либо молдавские антропонимы южнославянского происхождения (*Дрэ-*

⁴ Шишмарев В. Ф. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР, с. 100; Petrovici E. Studii de dialectologie și toponimie. Вис., 1970, р. 158—168, 173—202, 255—263.

⁵ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888, с. 23; Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, с. 134; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 66, 68, 72; Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962, с. 21, 24, 80.

⁶ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972, с. 29, 210, 254—255 и др.

ган, Драгомир, Вранэ и др.). Следовательно, топонимы не отражают характерные особенности тех языков или говоров, на которых говорили славяне, обитавшие некогда на территории Молдавии. То же самое можно сказать о топонимах с восточнославянским фонетизмом (х вместо г: *Бахна*, *Корханул*, *Хулубешть* и др.), встречающиеся в пределах южнославянского топонимического ареала⁷.

В древних славяно-молдавских грамотах зафиксировано множество топонимов славянского происхождения: *Билосэуць* (1447 г.), *Висока* (1460 г.), *Гвоздзуць* (1432 г.), *Деренев* (1445 г.), *Кобыльня* (1482 г.), *Лэпушина* (1431 г.), *Лозова* (1420 г.), *Пересечина* (1420 г.), *Садовая* (1420 г.), *Теребна* (1429 г.), *Тырнова* (1420 г.), *Хирова* (1495 г.) и др.⁸ Нет сомнений, что эти названия древнее своих первых документальных засвидетельствований. Возможно, что некоторые из них, особенно названия больших и средних рек, относятся к древнеславянскому пласту. Правда, нет пока языковых данных, подтверждающих существование на территории Молдавии двух славянских топонимических пластов (южнославянского и восточнославянского), но отсутствуют также и данные, которые доказали бы противоположное.

О проживании древних славян к востоку и северо-востоку от Карпат свидетельствуют письменные источники и археологические памятники. Историк середины VI в. Иордан указывает, что склавины жили вдоль Дуная от города Новиотунензис и озера Мурцианус до Днестра, а на севере — до Вислы⁹. Византийские авторы Прокопий Кесарийский, Маврикий Стратег и др. сообщают, что вдоль Дуная и в приднестровских землях проживали наряду со склавинами, также и анти¹⁰.

На территории Молдавской ССР обнаружено более 130 древних славянских поселений, отнесенных к VI—IX вв.: *Хуча*, *Одая*, *Алчедар*, *Реча*, *Селиште*, *Костешть*, *Калфа*, *Ханска* и др. Из них 48 принадлежали южным славянам¹¹. Проникновение южных (балкано-дунайских) славян в эти места связано с расширением власти Болгарского царства к северу от Дуная в конце IX — начале XI вв. Большое количество поселений южных славян появляется на юге Днестровско-Прутского междуречья¹². В период влияния Древнерусского государства на Карпато-Днестровские земли (X—XI вв.) на севере края образовалось много восточно-

⁷ Об этом см.: Петрович Э. Географическое распространение славянских топонимов на территории Румынии. — „Romanoslavica“, IX, 1963, с. 5—12.

⁸ Подробнее об этом см.: Еремия А. И. Восточнославянская топонимия Молдавской ССР. — В кн.: Питания ономастники. Київ, 1965, с. 109—115; Еремия А. И. Нуме де локалитэць. Студиу де топонимие молдовеняскэ. Кишинэу, 1970, с. 29—30.

⁹ Иордан. О готах, III, 34—35. — Вестник древней истории, 1941, № 1, с. 232.

¹⁰ Прокопий. Готская война, II, I, 27; III, 14, IV, 4; Маврикий. Стратегикон, XI, 5. — Вестник древней истории, 1941, № 1, с. 234, 237, 242, 253—257.

¹¹ Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф. Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 6. Кишинев, 1974, с. 5—52.

¹² История Молдавской ССР. Кишинев, 1982, с. 32—33.

славянских (древнерусских) поселений. Здесь обитали славянские племена тиверцев и уличей. Об их местонахождении свидетельствуют письменные источники. Так, в «Повести временных лет» сообщается: «... уличи и тиверьцы седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их, седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне...»¹³.

Баварский географ IX в., имя которого осталось неизвестным, отмечает, что у тиверцев было около 148 городов. а у уличей — 318¹⁴. Может быть, среди них числились и те, чьи наименования упоминаются позже в русских летописях: *Тырнова, Дичин, Белгород, Черн, Пересечен, Коломыя* и др.¹⁵

В свете приведенных выше данных явно неубедительно выглядит мнение некоторых исследователей, будто славянская топонимия Молдавии — довольно позднего времени (не ранее XIX в.) и будто она в основном носит официальный характер. Подтверждением того, что славянская топонимия этого края значительно древнее и что она возникла в результате длительного периода совместной жизни восточнороманского населения со славянами (т. е. была создана местным славянским населением, а не русской администрацией), служат, как уже было показано, многочисленные исторические и языковые данные. Географические названия, так же как и апеллятивная лексика, заимствованы молдавским языком в ходе непосредственного этнического и языкового контакта между романским и славянским населением.

Задача топонимического исследования состоит в определении языковой принадлежности самих топонимов, а не тех слов, которыми они мотивированы. К тому или иному языку относятся топообразования, обладающие фонетическими, лексическими, словообразовательными и грамматическими признаками соответствующего языка. Собственно славянскими считаются топонимы, созданные славянским населением на основе как исконно славянских, так и неславянских лексем, которые будучи заимствованными из других языков, употребляются в славянских языках (диалектах, говорах) в апеллятивной функции. От славянских заимствованных слов в молдавском языке образованы топонимы *Бранице, Думбрава, Присака, Стынка* и др. Эти названия коренным образом отличаются от топонимов типа *Зруб, Копанка, Устия, Чорна* и др., которые также встречаются на территории Молдавии. Первые стали топонимами лишь после того, как они закрепились в молдавском языке в качестве нарицательных существительных (*бранице* «заповедный лес», *думбравэ* «дубрава», *присакэ* «пасека», *стынкэ* «скала»). Вторые же в молдавском языке никогда не существовали на положении апеллятивов.

¹³ Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л., 1950, с. 14.

¹⁴ Шафарик П. Славянские древности. Т. 2, кн. I. М., 1948, с. 216.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856, с. 240.

В качестве топонимов собственно славянского типа чаще всего выступают заимствованные молдавским языком славянские географические термины: *балтэ* «болото», *бахнэ* «болото, топь», *баниште* «заповедный лес», *дял* «пригород, холм», *думбравэ* «дубрава», *гырлэ* «речка, гирло», *грэдинэ* «сад», *грэдиште* «городище», *гринд* «возвышенное место», *езер* «озеро», *извор* «источник», *лункэ* «луг», *млакэ* «болото, топь», *мочирэ* «топкое место», *мовилэ* «холм, бугор», *остров* «остров», *пештерэ* «пещера», *поянэ* «поляна», *присакэ* «пасека», *прислоп* «перевал», *ровинэ* «болото», *селиште* «селище; место расположения села», *слатинэ* «соленый источник», *стынкэ* «скала», *топлицэ* «источник теплой воды», *хыртоп* «овраг» и др. Большое распространение они получили в микротопонимии. В названиях населенных пунктов хорошо представлены антропонимы славянского происхождения: *Богдэнешть*, *Брэнешть*, *Бэлзенешть*, *Врэнешть*, *Драгомирешть*, *Дрэгэнешть*, *Мындрешть*, *Новачь*, *Рэдулень* и др. Эти названия содержат обычно молдавские суффиксы *-ень/-ань*, *-ешть* и др.

В качестве достоверных показателей языковой принадлежности топонимов выступают также форманты. Славянскими являются названия с формантами *-на*, *-ова/-ева*, *-овка/-евка*, *-овцы/-евцы* (>молд. *-эуцъ/еуцъ*), *-инцы* (>молд. *-инцъ*) и др.: *Лопатна*, *Теребна*; *Гвоздова*, *Леонтева*, *Садова*; *Богдановка*, *Калиновка*, *Сергеевка*; *Васкэуцъ*, *Гринэуцъ*, *Матеуцъ*; *Белавинцъ*, *Прокопинцъ*. Топонимы на *-на*, *-ова/-ева* являются древними. К тому же они хорошо представлены в топонимии всех славянских стран, включая южнославянские (Болгарию, Югославию)¹⁶. Предполагается, что они закрепились как самостоятельные топообразования еще в общеславянском языке¹⁷. Достаточно древними являются топонимы на *-овцы/-евцы*, *-инцы*. Зона их распространения не ограничивается Молдавией, а охватывает и другие территории: Западную Украину, южную часть Польши, юго-восточную часть Чехословакии. Подобные названия встречаются также в Болгарии и Югославии, где они образуют отдельный ареал (так называемый «южный» или «дунайский», в отличие от «северного» или «карпатского»)¹⁸.

Молдавские топонимы обычно содержат форманты *-ань/-ень*, *-ешть*, *-иш*, *-эрье/-ерие* и др.: *Гэурень*, *Езэрень*, *Пашкань*; *Вэрзэрешть*, *Грозешть*, *Онешть*; *Корниш*, *Кэрпиниш*; *Броскэрия*, *Курекерия*, *Кэрпэрия*. Многие из них засвидетельствованы в молдавских грамотах XV—XVI вв.

¹⁶ Ростонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов.— В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 9—89; Борек Г. Восточнославянские топонимы с формантом *-эн-*.— Там же, с. 90—143; Borek H. Zochodniosłowiańskie nazwy toponimiczne formantem -on Wroclaw, 1968.

¹⁷ Никонов В. А. География русских суффиксов.— *Onomastica*, IX, Krakow, 1959, с. 26—48; Славянский топонимический тип (Географические названия).— Вопросы географии, № 58. М., 1962, с. 25, 29.

¹⁸ Никонов В. А. Славянский топонимический тип, с. 28.

Ойконимы *Бадеуць*, *Броскэуць*, *Фрэтэуць* и др. имеют в основе молдавские фамильные имена (*Бадя*, *Броаскэ*, *Фрате*). Однако было бы неверно считать их элементами молдавского происхождения. Эти названия образованы с помощью славянского суффикса *-овци/-евци*. Молдавскому языку не свойствен такой суффикс. Собственно славянского происхождения гидронимы *Вишневец* и *Черешневец*, несмотря на то, что их корневые морфемы этимологически тождественны молдавским апеллятивам *вишин* и *чиреш*. Указанные названия образованы от основ славянских прилагательных *вишневый* и *черешневый* с помощью суффикса *-ец*, выполняющего в данном случае субстантивирующую функцию.

Следовательно, при этимологизации топонимов (впрочем, как и апеллятивов) нужно исходить из наличия в языке-источнике всех выделяемых компонентов: и основы (корня), и формантов. Отсутствие какого-либо из них — верный признак ошибочности толкования. Именно с этой точки зрения обращают на себя внимание некоторые этимологии топонимов. Гидроним *Ботна*, например, возводится к молд. *ботэ* «деревянная бадья» и славянскому форманту — *на*¹⁹. Такая этимология неприемлема, так как молдавскому языку неизвестен суффикс *-н-* (*а*), а в славянских языках отсутствует нарицательное *ботэ* с указанным значением.

Словообразовательные морфемы заимствуются довольно редко. Они проникают в другой язык вместе с соответствующими производными словами. В новой языковой среде они становятся самостоятельными формантами, отделяясь от своих основ лишь после того, как лексические заимствования организуются в отдельные структурные типы и когда по этим типам образуются новые слова.

Современная молдавская топонимия характеризуется возникновением и развитием новых семантических и структурных моделей географических названий. Новые названия создаются на лексическом материале как молдавского, так и русского языков. Процесс обновления топонимии связан с изменениями в производственной, культурной и общественно-политической жизни республики.

МОДИФИКЭРЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕ ЫН ВОКАБУЛАРУЛ ЛИМБИЙ МОЛДОВЕНЕШТЬ АКТУАЛЕ

Ын лимба молдовеняскэ контемпоранэ, де алтфел, ка ши ын челелалте лимбъ дин Униуня Советикэ, прочесул де модернизаре а лексикулай аре лок пе о скарэ фоарте ларгэ, май алес ын пе-

¹⁹ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 149—150.

риоада постбеликэ. Апариция масивэ а кувинтелор ши експреси-илор ной ын тоате доменииле де активитате а омулуй есте о примэ карактеристикэ а лексикулуй актуал.

Дар, май ынтый, сэ аминтим кытева консiderенте привинд каузеле апарицией кувинтелор. Еле пот фи диферите:

а) **лингвистиче**. Де екземплу, дин *астэ+зи* са формат *астээз* (лат. *ista die*); *кукор+стырк* а дат *кукостырк*; *муст+де+ай* л-а формат пе *муждей; де+ынтрэ>динтрэ*.

б) **социале**. Кувинте ши експресииле яу наштере ын диферите группуры социале: *пескарь, вынэторь, маринарь* ш. а., апой се рэспындеек ын узул *жэнерал*. Де пилдэ: *а луа ла окъ* вине дин лимбажул вынэторилор; *а акоста* — де ла маринарь.

в) **историче**. Кувынтул апаре дин нечеситатя де а денуми диферите ноциунь, фапте историче. Де екземплу, денумириле *векилор* демнитэць: *логофэт, пахарник, пивничер, постелник, кроникар, демнитор, спэтар, аprod* ш. а., каре ау рэмас доар ын литература ку карактер историк. Ын периода советикэ: *боловчик, совет, стахановист, чинчинал, НЕП...*

Деспре кэиле де ымбогэцире а вокабуларулуй лимбий са ворбит мулт ын литература де специалитате. Се штие, кэ апариция унор ной унитэць лексикале аре лок пе доуэ кэй принципале: каля интернэ ши чя екстернэ.

Пе каля интернэ се формязэ кувинте ной ку ажуторул мижлоачелор проприй сау дежа екзистенте ын лимбэ. Ачастэ кале куноаште кытева прочеде: *дериваря, компунеря, конверсия, редупликаря, контаминаря, абревиеря*.

Дериваря, адикэ формаря кувинтелор ной ку ажуторул афикс-елор (префикс ши суфикс), есте чөл май продуктив прочедеу. Лимба ноастрэ куноаште фоарте мулте префикс ши суфикс формативе. Ятэ доар кытева дин ачестя:

а) префикс — *ын-, ым-, дез-, дес-, рэс-, рэз-, стрэ-, ре-, рэ-, ин-, кон-, ком-, а-, не-, пре...*

б) Лимба латинэ куноштия песте 70 де суфикс, ку ажуторул кэрора се формару субстантиве, динтре каре ау фост мөштенините кам о треиме: *-ар, -ат, -ит, -ут, -ел, -ет, -име, -инцэ, -тор, -урэ, -этате, -яцэ...*

О алтэ серие маре де суфикс есте де орижине славэ: *-ан, -ян, -ание, -ение, -аш, -уш, -ец, -илэ(-алэ), -ии, -иште, -кэ, -ицэ, -ушкэ...*

Авем суфикс ши дин алте лимбь: дин грэкэ — *(-оке, -а)*; унгарэ — *(-шаг, -шуг, -эу)*; туркэ — *(-жиу, -лык)...*

Мажоритатя суфикс-елор ши префикс-елор енумерате аич сыйнши астээз фоарте активе, сервинд ла дериваря нумероаселор формаций лексикале. Сэ не лимитэм, тотуш, ла ун сингур екземплу: *пэмынт — пэмынтек, пэмынтян, пэмынтиу, ымпэмынтыни, ымпэмынтенит, ымпэмынтенире, пэмынтоос, пэмынтеште* ш. а.

Ун префикс неоложик фоарте продуктив (сау чөл май продуктив) есте *ре-, индикинд, де регулэ, репетаря* сау реынноиря акциуний: *реедита, реангажа, реедука, рекема, реанима, реалеже,*

рекалкула, речити, регрупа, рефаче, рестабили ш. а. м. д. Мажоритатия ачестор вербе сынт калкяите дупэ модел латин сау романник ши активизате де структуръ русешть де типул: *переиздать, перегруппировать, переделывать, пересчитать* ш. а. (дин лимба русэ се фак астэзь челе май нумероасе традучерь). Ачест *ре-* поате форма деривате ын мод апроапе нелимитат.

Челе май фреквенте ын ноиле денумирь сынт урмэтоареле суфикссе:

-тор: *акумулатор, вибратор, индуктор, кристализатор* ш. а. (ачестия ши алтеле се деосебеск де челе русешть прин локул акцентулуй сау ши прин *жеминателе КК* ши *ЛЛ — аккумулятор, кристаллизатор*); тот аич се ынкадрязэ ши субстантивеле анимате: *ажитатор, декоратор, экспедитор, оператор, механизатор, монитор, инсталатор*.

-итэ: *апендичитэ, хепатитэ, радикулитэ, нефритэ;*

-инэ: *албуминэ, глинеринэ;*

-ор: *компресор, инвертор, телевизор, асамблор;*

-озэ: *амилозэ, глюкозэ, фруктозэ, целулозэ;*

-ант: *коагулант, консервант, дебутант, демонстрант;*

-урэ: *апаратурэ, арматурэ, квадратурэ, аспирантурэ, коректурэ;*

-ист: паре ун суфикс екстрем де виабил (ла фел ка префиксул *ре-, марксист, ленинист, интернационалист, комунист, комсомолист, журналист, жеодезист, автомобилист, кубист, радиист, самбист, баскетбалист*¹;

-изм: *марксизм, ленинизм, молдовенизм, абстракционизм, туризм, коллективизм, структурализм, волунтаризм, консерватизм, антагонизм, сектаризм, отзовизм, додекафонизм;*

-ент: *асистент, опонент, референт, депонент, студент;*

-ан: *академициан, физициан, математициан;*

-икэ: *космонавтикэ, электроникэ, женетикэ, бионикэ;*

-цие: *продукцие, аберацие.*

Крештеря нумэрүлүй адJECTивелор ын *-бил* о экспликация ши принтру о каузэ де ордин екстерн: прин инфлюенца адJECTивелор пасиве дин лимба русэ де типул *удобоваримый* (суфиксул *-и/ый*). Ла традучеря унор астфел де адJECTиве ын локул конструкцией аналитиче *каре поате фи+партичишул вербулуй де конжугат* (ын казул ностру, *каре поате фи дижерат*) есте утилизат адJECTивул респектив терминат ын *-бил* (адикэ *дижерабил*). Астфел се креазэ о ануmitэ экономие ын лимбэ. Асеменя кувинте сынт формате кяр ши атунч, ынд пар неверосимиле (*мынкабил, бэү-бил*), деши сынт креате ын мод фиреск. Ши, тотуш, мажоритатя

¹ Деспре ролул суфиксулай *-ист* ын дэзволтая терминологияй молдовенешть, ын специал а чөлөй социал-политиче, вэзы: *Маткаш Н. Г. Кореспонденте молдовенешть але Формацийлор русешть ын -ец, -го, -вец, -евец*. — Ын: *Лексикул ши фразеология лимбий молдовенешть контемпоране*. Кишинэу, 1981, п. 136—142.

аджективелор ын **-бил** рэмын ла дискреция ворбиторилор; еле ну ау о аутономие кларэ. Сынт де факт ниште форме але вербелор.

Лексикализаря луй **-бил** апаре жустификатэ ын казул қынд семантик ачеста есте аутоном фац де верб сау ну аре вербул кореспунзэттор: *инадмисибил* (недопустимый), *индискутибил* (несторимый), *индеструктибил* (нерушимый).

Компунеря есте униря а доуэ сау май мулте кувинте (радикаль), каре, перзынду-шь аутономия морфологикэ ши семантике, дау наштере унуй кувынт ноу, ку сенс унитар.

Ла фел ка ынтрег вокабуларул лимбий молдовенешть, кувинтеле компусе формязэ, дин пунктут де ведере ал орижиний лор, трей группур дистинкте:

а) моштените (де екз., *трифой*, *адевэр*, *мижлок*, *дунэ* ш. а.);

б) ымпрумутате, май алес дин лимбите славе, ши формате пе терен проприу. Компуселе ымпрумутате, ла рындул лор, се ымпарт ын: 1) компусе формате прин калкурь сау семикалкурь (де екз., *бинефачере*, *унтделемн*, *фэрэдележе*, *бунэстаре*, *бунэвоницэ*, *амор-проприу*, *друм де фер*, *унгераш рошу*, *унспрезече*, *трудози*) ши 2) креаций орижинале (де екз. *а ындеңма*, *алткында*, *алалтэсарэ*, *тотодатэ*, *Жора-де-Сус*, *демынкатул*, *дефокул*).

Уний черчетэтторь консiderэ, кэ дин латинэ не-ау венит нумай трей кувинте компусе тематик. Ачестя сынт: *трифой*, *лучафэр* ши *примэварэ*. Астэзь прочедеул компунерий, сусцинут де ачелааш феномен дин лимба русэ, есте фоарте актив ын лимба ноастрэ. Ши, куриос лукру, кувинтеле компусе пот луа наштере ну нумай прин симпла алэтураре а доуэ сау май мулте кувинте, индепенденте сау депенденте, уните ку сау фэрэ кратимэ, кум ар фи: *кларвэзэттор*, *демынкаре*, *бот-грос*, *трайста-чобанулуу*, *аржинт-виу*, *мэринимие* (-*маре*+*инимэ*+*ие*), *русо-молдовенеск*, *флоаря-соарелуй*, *коате-гоале*, *Вадул-луй-Водэ*, *Редиул-маре*, *вагон-рестаурант*, *рошиу-дескис*, *муждей*, *дестул*, *тустрей* етч., чи ши дин пропозиций сау кяр фразе ынтрэй. Пилделе де кувинте компусе провените дин пропозиций ну-с кяр атыт де пущине. Ятэ кытева екземпле: *ну-мэ-үйта*, *ынкуркэ-луме*, *гурэ-каскэ*, *принде-муште*, *лэ-мэ-мамэ*, *вынтурэ-луме*, *флуэрэ-вынт*, *тырые-брыу*, *згырие-брынзэ*, *дукэ-сепе-пустий*, *учигэ-л-круча*, *соаре-апуне*, *соаре-рэсаре*, *вино'нкоаче*, *линже-б-лиде*, *папэ-лапте*, *папэ-тот*, *ун ну-шитиу-че*, *перде-варэ*, *веде-тот*, *Стрымбэ-Лемне*, *Сфармэ-Пятрэ*, *Катэнсус*.

Тот динтэр'о пропозиции ышь тра же орижиня ши фрумосул кувынт *кумсекаде* (ом *кумсекаде*), ши де аич — *кумсекэдение*.

Астфел де пропозиций-субстантиве ынтылним, фиреште, ын литература артистикэ. Ятэ о пилдэ дин Крянгэ, унде згырие-брынзэ апаре ынтр'о синтагмэ май маре:

...кэч, *дрент ворбинд*, ши мош *Василе ера* ун *кэрпэнос* ши ун *пуй де згырие-брынзэ*, ка ши *мэтуша Мэриоара*.

Повеститорул, врынд паркэ сэ «дублезе» згырчения луй мош *Василе*, ыл пуне пе згырие-брынзэ пе лынгэ ун алт кувынт — *пуй*,

каре, ла модул фигурат, ый конферэ валоаре де суперлатив (прин аналохие ку *пуй де сомн, пуй де бэтае*).

Дар, дупэ кум ам спус, унеорь о сингурэ ноциуне поате фи редатэ ши принт'о фразэ ынтрягэ: *Н'ауде-на-веде-на-греул-пэ-мынтулуй, уйте-попа-ну-е-попа, (ун) ду-те-вино, (ун) таче ши фаче, скырца-скырца (не хыртие), ласэ-мэ-сэ-те-лас.*

Пропозиций ши¹май алес фразе ку валоаре де парте де вор-бире се ынтылнек релатив рап. Челе екзистенте ау о векиме ма-ре ын лимбэ ши се презинтэ ка ун тип апарте де фразеоложиз-ме. Ши ын ачест домениу пот фи фэкуте аналохий ку алте лимбъ, *Ну-мэ-уята, де* екземплу, есте еквалиентул луй *незабудка* ши *ne-m'oubliez pas* дин лимбile русэ ши франчэзэ. Унеле дин ачес-те унитэць де лимбэ, кум ар фи *ласэ-мэ-сэ-те-лас, ун ду-те-вино* ш. а., пот фи рапортате ла вокабулар доар ку ануимите резерве. Ын практика лексикографикэ еле сынт презенте (ка унитэць фра-зеоложиче) ла кувынтул консайдерат доминантэ. Прин урмаре, аич инновацииле де лимбэ пот фи обсервате ын куйбул лексикографик, ши ну ын региструл де кувинте ал дикционарулуй респектив.

Авто-, мото-, фото- етч. Фиече зи не адуче ной ипотезе штиинцифиче, инвенций ши реализэрь. Штиинца пэтрунде тот май адынк ын тайнеле натурий. Еа н'а май куноскут ун фронт атыт де васт ал черчетэрилор. Навеле космиче асалтязэ универ-сул, се дэзволтэ фантастик чибернетика, биология, физика, ки-мия, штиинце, каре апропие посибитатя де а дирижа прочеселе де вяцэ.

Дупэ кум арэта Ф. Енгельс, ын штиинцэ фиекаре пункт ноу де ведере импликэ о ынтрягэ революции ын терминий ей техничь². Ын презент лэржиря домениилор де активитате дуче ла термино-ложизаря лексикулуй.

Үн рол деосебит ла формаря кувинтелор ной прин компунере, май алес ын домениул штиинцелор, ыл ау аша-зиселе префиксиде (*авто-, мото-, фото-* ш. а. м. д.), кыт ши суфиксиде (-граф, -скопие, -буз ш. а. м. д.), каре сынт ын нумэр де апроксиматив 400. Еле се май нумеск ши элементе де компунере, авынд аутономие семантике.

Литера «А» дин «Дикционарул молдовенеск-рус» (ДРМ (1961) концине 2747 де кувинте, ачяеш литерэ дин «Дикционарул експликатив ал лимбий молдовенешть» (ДЕЛМ, 1977) нумэрэ 3557 унитэць, 121 динтре каре (ши респектив 60 дин ДРМ) сынт формате ку елементул де компунере *авто-*: *автобаскулантэ, автоескспрес, аутоклуб, автомакара, аутотранспорт, аутовинкэр-кэтурэ, аутовинкэркэтор, аутомифибу, аутобазэ, аутогараж, аутодиспичер, аутодром, аутокаптор, аутокарааванэ, аутокаросиер, аутокомбинат, аутомотоклуб, аутомотолотерие, аутопавилион, аутопилот, ауторапид, аутосалон, аутотракциуне, аутотрасеу, аутотуризм, аутофригограф* ш. а.

² Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Предисловие к английскому изданию. — Соч. 2-е изд., т. 23, с. 31.

Дакэ вом екзамина май детайлалт диверселе аспекте але воказуларуулай техник, вом констатат, кэ апариция «техничизм-лор» ши формаря лор пе скарэ ларгэ ын индустрите, телевизиуне, чи-бернетикэ, электроникэ ш. а. контрибуе ла рэспындирия лор интенсэ. Серия де кувинте формате, де екземплу, ку елементете де компунере *теле-* есте ла фел де семнifikативэ. Ын «Енциклопедия Советикэ Молдовеняскэ» сынт ынрэжистрате: *телевизиуне, телевизор, телеграфие, телекомандэ, телекоммуникации, телемеканизаре, телемеканикэ, телерегларе, ши, фиреште, телескоп, телефон, телеграф, телефоние, телечентру.*

Ын волумул II ал ДЕЛМ-улуй вор фи, де асеменя, ынрэжистрате: *а телевиза, телеспектатор, телемеканик, телечинематограф, телетип, телемимприматор, телефонографие, телеиндикатор, телеметр, телеобъектив, тележурнал, телеконкурс, телерепортаж* ш. а.

Ын ултимий ань ау девенит фоарте активе елементеле де компунере *аэро-, анти-* (ын ДЕЛМ ау фост инклусе апроксиматив 150 де унитэць), *контра-* (чирка 50), *авто-, агро-, био-, жео-, екс-, электро-, зоо-, интер-, макро-, микро-, кроно-, кромо-, моно-, нео-, поли-, мульти-, псевдо-, психо-, радио-, семи-, стерео-, термо-, тел-, тип/o-, ультра-, супер-, хипо-, фото-, фоно-, хидро-* ш. а. Де асеменя, псевдосуфикселе де типул: *-граф, -грамэ, -ложик, -лог, -метрү, -скопие, -форм, -буз, -култор, -культурэ* ш. а.

Инфлюенца социалэ а мижлоачелор де информациие (радиоул, телевизиуня, преса, чинематографул, театрул ш. а.) аре о деосебитэ импортанцэ ын екстиндеря ачестор афикссе.

Формаря пе терен проприу дин доуэ сай май мулте елементе семнifikативе (май алес гречешть сай латинешть) а кувинтелор компусе, афлюенца де терминь дин лимба русэ сай прин филиера лимбий русе, калкиериле масиве дин лимба русэ — тоате ачестя фак дин ынсушь кувынтул дат ну нумай ун симплу термин, дарши ун комплекс лексикал, ун микросистем лексико-семантик (де пилдэ, комплекселе ын *теле-, авто-* ш. а.); жукстапунеря а доуэ сай май мулте елементе тинде сэ девинэ пентру мулте кувинте дин диферите домений ун мод де формаре обишинуите ши организкэ. Пе лынгэ традиционалеле *талла-гыштей, гура-леулуй, панэлапте, лэ-мэ-мамэ, ну-мэ-уйта, гурэ-каскэ, згырие-бринзэ, Фэт-Фрумос* ш. а. м. д., астээз ын преса ноастрэ ши ын алте публикаций апаре ун нумэр екстрем де маре де компусе ной: *фемее-космонаут, ораш-ероу, републикэ-сорэ, инжинер-электричian, редактор-шef, лэкэтуш-монтор, секретарэ-дактилографэ, социал-демократ, касэ-музеу, макара-турн, штицифико-педагожик, социал-политик*. А се обсерва, кэ мулте дин ачесте компусе ну сынт алтчева декыт традучерь дин лимба русэ: *город-герой, дом-музей* ш. а.

Модул де формаре а кувинтелор прин жукстапунеря девине инерент пентру ынсэшь структура воказуларуулай, репрезентынд унул дин аспектеле сале май виабиле.

Менционэм, кэ ну екзистэ деокамдатэ критерий сигуре де иш-сераре а аччестор кувинте ын дикционаре. Мажоритатя дин еле сынт дате ка екземпле ла прима сау ла а доуа парте а кувынтулуй респектив, унеле дин еле фигуяzzэ ла сфыршитул артиколулуй лексикографик сау дупэ ромб.

Ун тип апарте ал компунерий требуе консiderат абревиеря. Принтре пуцинеле абревиер сау кувинте прескурате пе каре ле авя лимба латинэ ера ши A.U.S.=Actum ut supra «прочедязэ каши май сус (кум с'а индикат май ынаинте)». Ку алте кувинте, прочедеул формэрий де ной унитэць лексикале нумай прин инициале есте фоарте векь. Астэзь мулте лимбъ, принтре каре руса, енглеза, жермана, франчеза, фолосеск пе скарэ ларгэ ачест прочедеу. Каузеле ау фост мултипле, дар, май ынтый де тоате, ритмул ноу, акчелерат, де вяцэ а черут ши чере экономие де тимпши де спациу. Астфел ам ажунс сэ «компримэм» афлуксул мереу крескынд де информаціе. Ын легэтурэ ку дикционарул абревириор дин лимба франчезэ, кореспондентул спечиал ал газетей «Известия» (10-X-1971) Г. Остроумов скрия, кэ ын релацииле де афачерь але Францей с'ау акумулат атыя кувинте ку семнификаций неынцелесе, ынкыт а фост невое сэ се едитезе ун дикционар спечиал, ка сэ зичем аша, дин лимба франчезэ... ын чя франчезэ. Ел купринде доуэзечь де мий де ноциунь — денумирье редате прин кувинте прескурате сау прин литереле инициале. Ауторул афирмэ, кэ а те ориента ын релацииле де афачерь але цэрий фэрэ ун асеменя дикционар е ачелаш лукру ка ши кум ай кэлэтори пе мэрь стрэине фэрэ хартэ.

Инфлюенцаць де моделеле лимбий русе, дин каре се фаче традучеря, зиариштий ноштри рекург десеорь ла абревиер, ла «экономия графикэ»; ачестя конституе ун ноу афлукс де кувинте ын вокабуларул лимбий ноастре.

Ка сэ не конвинжем ынкэ о датэ де ачест лукру, ам луат ун сингур нумэр ал газетей «Молдова Социалистэ», дин 2 дечембrie 1971. Аич ам фиксат урмэтоареле абревиер: Униуня РСС, ПКУС, АТЕМ, СУА, ОНУ, РФЖ, РПДК, ФАР, КЕЕ, РАЕ, ПКФ, «ВЦСПС», «ТТТ», «СИМ», «ВЭФ», ЦСК, де асеменя кувинте де типул «Инждорстрой», «Молдсельхозтехника», «Гражданстрой», «Оргтехстрой». Унеорь прескуртаяя респективэ, май пуцин куноскутэ, есте датэ имедиат (ын парантезе) дупэ скриеря комплектэ а ымбинэрий де кувинте: *Форцеле армате революционаре* (ФАР). Дупэ ачаста есте репетатэ нумай абревиеря. Астфел, текстул де-вине абсолют клар пентру орьче чититор. Дар, унеорь се ынтрече мэсуря. Ши ачест лукру а фост, пе бунэ дрептате, семналат ын преса ноастре. Тов. А. Стынгу, ын артиколул ынтитулат «СРЫП... КМА... ФСС», ынтрябэ, дакэ СРЫП — абревиере фолоситэ ын газета районалэ «Драпелул Комунизмулуй» — «се мэнынкэ сау се бя», пропунынд, ла рындул сэу, о алтэ гичитоаре: «ФСС...?»,

чая че требуе сэ ынсемне: «Ферици-вэ, стимабиль, де слова стынгаче³.

Абревиерile де ларгэ чиркулацие се карактериззэ принт'ро ануитетэ инстабилитате. Унеле дин еле ау трекут дежа ла лексикул пасив, рэмынынд ын историе. Де пилдэ, НЕП, СМТ...

Ла Ем. Буков, ын «Цара мя», еле редау атмосфера тимпуулай:

Санду Плэмадэ а луй Ион

Мержье ку тренул ла Фе Зе О.

Фоарте рап апаре астээзь ТВК (тинерецэ — вис кутээтор), формат дупэ моделул рус КВН (Клуб веселых и находчивых), трекут ши ачеста ла лексикул пасив.

Е де менционат, кэ В. И. Ленин а фолосит ын опереле сале апроксиматив 1000 де абревиер, мулте фиинд специфиче времий де атунч⁴.

А венит, пробабил, тимпуул сэ едитэм ши ной ун дикционар де абревиер каре експримэ ноциунь ларжь, мажоре, дикционар пе каре ыл ау, де екземплу, руший: «Словарь сокращений русского языка» (М., 1963) ши каре концине 12 500 де абревиер.

Абревиерile се ымпарт, ын женере, ын симпле ши компусе. Челе симпле сынт формате прин апокопэ, адикэ прин супримаря сунетелор финале. Ачестя ну конституе кувинте ной, ну ау деривате, еле репрезинтэ варианте графиче але ачелорашь кувинте: *ы.е.н., е.н., ш.а., ш.а.м.д., кап., паж., км, чм, г, комп., конфр., транз., интранз., рефл., лат., сл., рус., фр.,engl., де екз., в., сек.* Асеменя абревиер сынт утилизате, май алес, ын дикционаре, енциклопедий. Е де менционат, кэ ле фолосяу ши кэртурарий ноштри дин трекут. Бунэоарэ Мирон Костин, ынаинтя фиекэрүй алинеат дин «Летописецул Цэрий Молдовей», ашазэ фрумос пре- скуртая зак., о абревиере де ла кувынтул слав зачин — ынчепут:

Зак. 50. Авя Василе-Водэ позваление де ла турчь, че ера ачяя вое дин барь, ну дин инима турчилор...

Зак. 51. Н'ау липситу немикэ ден тоате подоабе, кыте требуя ла веселие ка ачяя...⁵

Спре деосебире де абревиерile симпле, челе компусе сынт унитэць лексикале ной, унеле дин еле фиинд инклусе де лексикографь ын регистреле диферителор дикционаре. Ачесте абревиер сынт алкэтүүтэе дин:

а) литере инициале: *УРСС, РССМ, ПКУС, ПМСДР, ОНУ...*

Речент, лексикографий ноштри, пентру а евита ростирия деплини де фиекаре датэ а «Дикционарулуй экспликатив ал лимбий молдовенешть», й-ау адэугат абревиеря ДЕЛМ — ун супрануме, каре паре сэ ынтрэе ын уз.

³ Весь газета «Молдова Социалистэ», 15—VI—1968.

⁴ Весь: Русский язык и советское общество / Под ред. М. В. Панова. М., 1968, с. 85.

⁵ Мирон Костин. Летописецул Цэрий Молдовей де ла Арон-водэ ынкоаче / Студи ынтродуктив де. Е. Руссев. Кишинэу, 1972, п. 163.

- б) фрагменте де кувинте: *комсомол, хозрасчет, колхоз...*
в) фрагменте де кувинте ши кувинте ынтрэжь: *госплан, политбюроу.*

Вом обсерва, кэ мажоритатя кувинтелор дин групеле б) ши в) не вин директ, гата абревияте, дин лимба русэ.

Конверсия, адикэ формаря кувинтелор прин тречеря лор дин-тр'о категории граматикалэ ын алта фэрэ скимбаря формей сау тречеря радикалуй дат ын алтэ парадигмэ де флексиуне, адикэ дериваря асуфиксалэ, сау омонимия лексико-граматикалэ конституе ши ea ун мижлок де формаре а кувинтелор ной. Ф. С. Котелник анализяэ пе ларг казуриле де конверсие дин лимба молдовеняскэ контемпоранэ⁶. Ын легэтурэ ку ноциуня де **конверсие** апар кувинtele: субстантивизаре, аджективизаре, вербализаре, препозиционализаре, конжункционализаре, апелативизаре, антропонимизаре ш. а.

Кынд с'а ынчепут лукрул асупра «Дикционарулай экспликатив ал лимбий молдовенешть», алкэтуйторий ши редакторий ау конвенит асупра унуй ануимт мод де презентаре а кувинтелор де типул *адынк, дрепт, греу, амар* ш. а., каре пот фи атый аджективе, кыт ши субстантиве сау адвербе. Пентру экономие де спациу ши пентру а евита репетэриле инутиле, аджективул *адынк* (*лок адынк*), субстантивул *адынк* (*адынкул мэрий*) ши адвербул *адынк* (*а ара адынк*) ау фост аранжате дупэ метода де «куйб», индикынду-се пентру фиекаре дин еле категория морфологикэ респективэ: 1. *адж.*; 2. *субст.*; 3. *адв.* Ку алте кувинте, еле н'ау фост дате дин алинеат. Уний дин речензенций дикционарулай н'ау акцептат ачастэ методэ, афирмымнд кэ астфел се сэрэчеште лимба. Метода аранжэрий кувинтелор ын куйб креазэ ынтр'адевэр о илузие де сэрэчире а вокабуларууй. Дар нумай о илузие. Ун аргумент ын фавоаря ачстей методе есте «Словарь русского языка» де С. И. Ожегов⁷.

Аша дар, пот трече ын категория субстантивелор:

а) унеле аджективе — *митителул, верделе* («Ун верде не веде»—Г. Виеру); *Жерилэ*:—*Мэй, ну кумва сэ вэ ымпингэ Митителул сэ ынтраць ынаинтя мя.*

Сай ун екземплу ын алт контекст: — *Вэ рог, доуэ порций де митител!*

Субстантивизаря аджективелор де типул *албул, негрул, албаструл, рошул, харникул, леносул, вертикала, фабулосул, зилникул, тынэрул, юбитул, слутул, авутул, мутул...* есте ун прочедеу фреквент ынтылнит ын лимба ноастэрэ.

б) унеле particипий: *аштернутул, сэпатул, ынвыртитэ, сфыршитул, одихнитул, ынцелесул, офтатул, чититул, нумэратул;*

в) унеле нумерале: *чинчюл, доюл, треюл;*

г) унеле пронуме: *еул, алтул;*

д) унеле адвербе: *бинеле, ун ерь, мынеле;*

⁶ Котелник Ф. С. Конверсия унитэцилор лексикале. Кишинэу, 1980.

⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1961.

(Ку мыне зилеле-цъ адаужъ)/Ку ерь виаца та о сказъ (М. Еминеску).

Акум, ымбрэкат ын испрэвь ши'н күжет,

Пэшешите мелягул ностру спре мыне (Ем. Буков, Республика мя). — Литература ши арта, 31 ауг., 1980).

е) унеле експресий: *гура-леулүй, гурэ-касэ, мынэ-спартэ.*

Се аддективизяэ, де регулэ, унеле партичипий: (ом) *лиништит, дескис, резерват, екилибрат, аскунс, ордонат, сатисфэкт, неодихнит, немынкат, некумпэнит* ш.а.м.д. Сынт инкомпарабил май пуцине жерундиile аддективизате. Ачестя апар де челе май десе орь ла форма фемининэ: *фумегындэ, арзындэ, тремурындэ, сүфериндэ, кэзындэ, муриндэ, сынжерындэ, рызындэ...* Ултимеле формязэ спецификал лимбий ноастре.

Субстантивеле се аддективизяэ екстрем де раХ: *мерс бэрбат, атитудине бэрбатэ.* Ын тулбурэтоаря поэзие «Де ла тине» дс Г. Виеру читим ши урмэтоареле версурь: *Еу тоате / Ле дэпринд де ла тине / Молдовэ. /... Де ла дойнеле тале /—Плынсул бэрбат, / Де ла извоареле тале /—Рысул де прунк.*

Де ла субстантиве се формязэ аддективе аналитиче ку пропозиция де: *де пятрэ* (=каменный), *де татэ* (=отцовский), *де телевизиуне* (=телевизионный), *де оцел* (=стальной).

Валоаре де аддектив пот авя ши унеле адвербе: *бэят бине, хайне гата, ворбе аюря.* Ын лимба ноастре веке, ла кроникарь, се ынтылнеште *под мереу.*

Ка адвербе пот функциона унеле субстантиве: *а еши глонте, а се адунна чоткэ, а шедя роатэ, а куржэ гырлэ, а трече пушкэ, а шедя стылл, а се цине ланц, а се сучи колак* ш.а.м.д.

Дериваря, компунеря ши конверсия сынт трей прочедее принципале дс ымбогэцире а вокабуларулуй. Дар каля интернэ де споририе а лексикулуй май қуноаште ши алте прочедее, май пуцин фреквенте, дар ши еле импортанте. Ачестя сынт контаминаря ши редупликаря.

Контаминаря (сай контаминация) есте о контопире а доуз қувинте сай конструкций граматикале даторитэ асемэнэрий лор дин пункт де ведере семантик, сонор ш. а. Ын лимба молдовеняскэ феноменул контаминарий се манифестэ де челе май мулте орь ын граюриле популаре (*шопыркэ* ← *шопырлэ*+*нэпыркэ*; *трункинэ* ← *трункъ*+*тулпинэ*; *колибуткэ* ← *колибэ*+*будка*; *смынтылянкэ* ← *смынтынэ*+*маслянка*). Сынт консiderате контаминате: *кукостырк* ← *кукор*+*стырк*; *муждей* ← *муст*+*де*+*ай*; *питаркэ* ← ← *питэ*+*мынэтаркэ*; *хэбэук* ← *хабока*+*нэук* ш. а. Кувинтеле контаминате сынт, де регулэ, формаций спонтане. Ун рол дефиниториу ыл аре аич асочиация.

Редупликаря есте репетаря унуй сунет сай а унуй групп де сунете дин рэдэчина унуй кувынт (сай репетаре а ынтрэйий рэдэчинь) ку скопул де а да кувынтулуй о алтэ валоаре морфологикий сай стилистикэ сай пентру а форма ун кувынт ноу. Редупликаре (сай редупликация, дубларя, репетаря) есте ун прочедеу

май фреквент дескыт контаминаря. Екземпле: *май-май, абя-абя, таре-таре, ятэ-ятэ, албастр-албастр, ку-ку, бим-бом, ходоронк-тромк, теляп-теляп, фофленкь, пинг-понг, мор-мор, типа-липа, чок-бок, триск-пльоск, хара-пара, харчя-парчя, ей-ей, хе-хе-хе, хай-хай, ынчет-ынчет, хэц-бэц, цурлуй-бурлуй, а-ха, тура-вура, кукуригу, коткодак, кыр-мыр, нани-нани* ш. а.

Се пресупуне, кэ ла орижине кувынтул *дойнэ* аре о редупликаре. «Ын «Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть»⁸ читим: — Пробабил, формат дин креация рэйионалэ *дайнá*. Комп.: *Чине-а зис динтый дайнá, арсэ й-а фост инима*. Де ачеяш провениенцэ ар фи вербул рэж. а *дайнá* «*а легэнá*», «*а баланса*», «*а мишкынкоаче ши ынколо*».

С'ар фи формат прин аналогиже ку *хэй-хэй*→*а хэи*→*хэитурэ, тананикэ*→*танана*. Сау ла славь: *ба*→*бай-бай*→*баюши-ки-баю; баяти*→*баснь*.

Актуалменте с'а активизат мулт прочесул деривэрий семантиче, ал детерминоложизэрий ши терминоложизэрий. Детерминоложизаря аре лок ын результатул *женерализэрий* сенсулуй специал ын прочесул де фолосире а кувынтулуй. Посибилитатя трансферулуй семантик ал кувынтулуй ынкэ ну ворбеште деспре кэпэтаря унуй сенс иоу, фигурат, де кэтре кувынтул респектив. Дар ынтр'ун шир де казурь сенсурile секундаре «се принд» де кувынт, ши ынд е ворба де терминоложие, адикэ де лексикул специал, ачесте сенсурь метафориче пот сэ апарэ ын узул *женерал* литерар кяр пе прим план. Ши, де бунэ самэ, о бунэ парте дин терминь ау кэпэтат ной сенсурь ын лимба литерарэ, адикэ а авут лок детерминоложизаря ачестор формаций ши, респектив, — «деспикаря» семантичий *женерале* а кувынтулуй ын сенсурь индепенденте: терминоложик ши *женерал* литерар сау нонтерминоложик. Екзистэ мулте унитець лексикале, каре, пэстринду-шь сенсул терминоложик, манифестэ алте карактеристичь диференциале: *микроклимэ, параметру, ажиотаж, апожеу, сферэ, атмосферэ, симптомэ, кризэ, а чимента, лимитэ, аренэ, траумэ, импульс, валенцэ; а демара, а мобилиза, нивел, аксиомэ, а акумула, гамэ, контакт, ас, блок, потенциал, синкроние, арсенал, а анкора, иероглифэ, амалгам, антипод, базэ, екилибуру, констелацье, багаж, старт* («Стартул ын ера космикэ» — титлул унуй артикол де Андрей Лупан⁹) *диапазон, фундамент*. Тоате ачесте кувинте ши мулте алtele ау дериват сенсурь ной де ла челе инициале. Ачестя сынт аша-зиселе неоложизме семантиче. Ын лимбажул спортив, де пилдэ, аур, аржинт, бронз, ынсямнэ «*медалие* де аур (аржинт, бронз)».

Аурул а фост кучерит де Х.

Ын *женере* ын периода советикэ, дакэ е сэ ворбим ынтр'ун сенс май ларг, фоарте мулте кувинте шь-ау модификат структура

⁸ Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть / Редактор: Н. Раевский, М. Габинский. Кишинэу, 1978, п. 118.

⁹ Лупан Андрей. Скриер. Вол. 3. Кишинэу, 1973, п. 76.

семантике. Сенсурь ной ау кэпэтат о серие де кувинте дин челе май куноскуте: *палат, депутат, патриотизм, моралэ, четэцан, пионер, династие, фермэ, дружинэ, гардэ, указ, оператор*.

Суб ачест аспект есте конклudent урмэторул екземплу: «Дикционареле експликэ кувынтул латин «студент» ка персоанэ «каре мунчештэ ку зел, сетоасэ де куноштинце». Да, принципала менире а студентулыг есте де а ынвэца. Ачест лукру е клар пентру орьчине. Дар концинтул комплект ал ачестей ноциунь ну рэмыне нескимбат, ши ын зилеле ноастре ел се скимбэ май репеде ка орькынд. Кум сэ ынвець, че сэ ынвець, кум сэ алэжь ши сэ-ць ынсушештэ принципалул дин ноянул де дате че се реферэ ла професия та? Тоате ачестя ну сынт делок кестиунь реториче»¹⁰.

Терминоложизаря есте ун прочес инверс детерминоложизэрий: о парте дин кувинте че ынтрэ ын узул женерал пот авя ши валааре де термин. Де пилдэ: *дэжет, пичор, уреке, брац, мынэ, кап, жок, окь, гярэ* ш. а.

Финнд уна дин челе май марь богэций але попорулуй, лимба есте тогодатэ история детайлэтэ а гындирий луй, история тутурор ноциунилор ши идеилор че конституе патримониул сэү спиритуал. Вяца экономикэ, политикэ ши културалэ, фелул де трай, медиул ынконжурэтор, натура, обичеюриле, контакtele ку алте попоаре ш. а. — тоате ачестя импримэ лимбий карактеристичь де ордин кантитатив, ын примул рынд, фэкынд-о ын ачелаш тимп сэ фие мереу чея че есте, адиkэ сэ-шь пэстрезе физиономия са.

Инфлюенца алтор лимбь, ын специал ын епочиле де марь трансформэрь сочиале ши де интенсификаре а легэтурилор динтре диферите нороаде, ну есте делок ун факт акцидентал, ши, ку атыт май мулт, унул неглижабил. Димпотривэ, ымпрумутуриле лексикале, де екземплу, практикate астээз ын перманенцэ, фак ка вокабуларул сэ се дэзволте неуниформ: ба май репеде, ба май лент. История куноаште периоаде каре ау екзерчитат о инфлюенцэ колосалэ асупра вокабуларулуй. Астфел, епока че а урмат дупэ Маря Революции Социалистэ дин Октомбрье есте о епокэ де рефачере радикалэ а сочиетэций ши, ын маре мэсурэ, а лимбий ноастре. Ну екзистэ попор ын лексикул кэруя сэ ну афлэм кувинте ши експресий ымпрумутате — соартэ пе каре н'о поате евнта нич о лимбэ, фие кыт де ынаннтатэ. К. Маркс спуня, кэ «орьче нацые поате ши требуе сэ ынвеце де ла алте наций»¹¹. Ачесте кувинте пот фи реферите ши ла штиинца лимбий.

Попоареле лумий с'ау афлат ын стрынсе релаций ши ау фэкут скимб де кувинте дин челе май ынделэртате времурь. Дрэпт мэртурье а ачестор релаций экономиче, политиче ши културале стэ лимба. «Ашиждеря ши лимба ноастрэ дин мулте лимбь есте адунатэ ши не есте аместикат граюл ностру ку ал вецинилор де прин-

¹⁰ Брежнев Л. И. Ку привире ла едукация комунистэ а оаменилор мунчий. Кувынтарь ши артиколе. Кишинэу, 1975, п. 482.

¹¹ Маркс К. Капиталу. Префацэ ла едиция ынтый. Кишинэу, 1967, п. 10.

прежур, мэкарэ кэ де ла Рым не тражем, ши ку але лор кувинте ии-с амстекате¹².

Инфлюенца културилор ши а лимбилор славе де рэсэрит асупра мултор скрииторь ши оамень де вазэ ай културий ноастре есте бине куноскутэ. Ын ачест сенс сынт елоквенте пэриле экспу-се де уний скрииторь.

Константин Стамати: «...тоате ачесте кувинте стрэине, ши май алес славоне, аша с'ау ынцеленит ши с'ау хултуит ын лимбажул молдовенеск, кэ де с'ар змулже дин рэдэчина лор, с'ар секэтуи лимба, лукру че нич челелалте наций але Еуропий ну л-ау фэкут» (Опере алесе, 1958, п. 386). Михаил Еминеску: «...пердеря чя маре ера кэ ынтрияга комоарэ а лимбий, че стэ дин зикэторь, провербе, инверсиунь, адекэ дин фразе гата фэкуте, моштените дин ням ын ням, де ла стрэмашь, ле арункэ ын апэ пентру кэ ын еле ерау ши кувинте де орижине нелатинэ. Паре чине штие че ненорочире ар фи фост ачаста, паре кэ н'ам трэйт ку вечиний суте де ань ши н'о сэ май трэим, паре кэ фэкусе гаурэ ын чериу, дакэ ам примит ной кытчева дела ей ши ей дела ной»¹³. Алеку Руссо: «Дупэ сокотяла мя кувынтул фие слав, фие турк, фие латин аре дрепт ла ымпэмынтире. Ши нумай общяска фрэмынтаре ши невое пот сэ-й дее четэцение, яр ну авторитатя фабриканцилор де системе».

Дикционарул де кувинте стрэине дин лимба русэ¹⁴ концине песте 23 000 де кувинте, чея че аратэ, кэ ши о лимбэ дин чесе май богате де пе глоб, кум е лимба русэ, тот аре невое де ымпрумутурь лексикале. Қяр астфел де кувинте карактеристиче кум ар фи: *князь, карп, бук, король, купить, хлев, осел, хмель, холост, кнут, крюк, ларь, пуд, сельдь, пихта, салака* ш. а. ау фост ла орижине ымпрумутурь дин алте лимбь. Еле ау фост ымпрумутате ынкэ де слава комунэ, яр дин ачаста ау фост моштените де лимба веке русэ.

Унеле ымпрумутурь ау кэпэтат о ларгэ чиркулацию атыт ын лимба скрисэ, кыт ши ын чя оралэ. О серие де кувинте сынт де орижине гречяскэ: *аргат, монетэ, омидэ, липсэ, кондей, сэпун, пи-пер, а агониси, а соси, филозоф, граматикэ, историе, чедру, сфек-лэ, крокодил, идол, каторгэ, криват, магнет, палатэ, стих, фели-нар, кор; мулць терминь дин домениул релижией сынт астээз ын-векиць: яд, амвон, анатемэ, ынжер, евангелие, икоанэ, мэнэстире, монах* ш. а.

О алтэ серие де орижине турко-тэтарэ: *копак, такым, чулама, аман, хараба, харем, басма, луля, буклук* ш. а., унеле венинд прин интермедиул лимбилор славе: *диван, сундук, базар, харбуз,*

¹² Григоре Уреке. Летописецул Цэрий Молдовей / Студиу ынтродуктив де Е. Руссев, Кишинэу, 1971, п. 61.

¹³ Капитоле дин история лимбий литераре молдовенешть. Кишинэу, 1971, п. 45.

¹⁴ Словарь иностранных слов. 6-е изд. / Под ред. В. И. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова и Л. С. Шаумяна. М., 1964.

аршин, отоман, балык, барабанъ, казак, капканъ, караул, кирпичъ. а. Де oriжине унгуряскэ сынт: илэу, имаш, ням, а биришъ. а.

Фоарте мулте унитэць лексикале дин лимбile европене де ас-
финнцит ау венит ын лимба ноастрэ ын епока луй Петру I прис-
интермедиул лимбий русе: *арматэ, администраце, атак, атеист, афект, багаж, базэ, баланцэ, балкон, бал, байкэ, барьерэ, билет, билиард, бригадэ, бронзэ, газетэ, галант, ероу, груп, губерние, хусар, десант, дефект, диверсие*.

Прип филиера русэ ын лимба молдовеняскэ ау венит кувинте де диферитэ орижине.

Дин енглэзэ: аутокар, акваланг, антибиотик, ацидофилин, блок, блуминг, бойкот, бульдозер, ербичиде, лайнер, митинг, найлон, тайм, стуардесэ, фильм, допинг, кемпинг, старлетэ, стриптиз, дриблинг...

Дин франчезэ: *абразив, алтернативэ, вираж, депоу, интенсификэр, капот, модернизм, турбинэ, филтру...*

Дин жерманэ: *волфрам, дедерон, матрицэ, мүфэ, цех, шифер*.

Дин италияң: алегро, барок, бруто, интермецо, капелә, мафие, колорит, тариф, теракотә, фирмә, финал, фрескә, соклу.

Дин оланdezэ: борд, яхт, абрикос, баласт, боцман, матрос.

Дин спаниолэ: *армадэ, ембаргоу, силос, хунтэ.*

Дин алте лимбъ: *дзю-до, кимону, цунами, чесуча, шашлык, акын, ашыг* ш. а.

Се штие кэ нумэрул интернационализмелор спореште tot май мулт. Пе база советизмелор ши a интернационализмелор фондул лексикал комун се ымбогэцеште. Ачаста конституе ун маре прогрес ал·лимбий ын женере, фииндкэ чэл май импортант лукру есте сэ те поць ынцележе песте tot ку чей ку каре комуничь. Дупэ кум се штие, пентру попоареле дин цара ноастрэ дрепт лимбэ де kontakt сервеште лимба русэ. Астэзь мулте лимбь фолосек кувинтелс: *хотел, ресторант, мотел, буфет*, екивалентеле лор молдовенешть май векь фиинд: *хан, бирт, кырчумэ, бодегэ*; ын лимба русэ: астэзь — *отель, (гостиница) ресторан, мотель, буфет* ын трекут: *постоялый двор, кабак, корчма, трактир*.

Дүпэ кум ведем, динтрун сингур екземплу, кувинtele а доуэ лимбъ контемпоране сынт май апропияте (чел пуцин ын скрис) декыт кувинtele фолосите ын трекут. Дар кувынтул поате девени нормэ май алес дин моментул ынчтэй але сале «Принципий де историе а лимбий», кэ «нумай даторитэ фиксэрий ын скрис норма ынчтэй ээ де а май депинде де уний ворбиторьши поате фи трансмисэ женерацийор вийтоаре суб аспект нэмодификат»¹⁵. Ын ачелаш тимп требуе сэ рекуноаштем карактерул секундар ал ворбийр скрисе, рэмынэрия ей ын урмэ де чя

¹⁵ Герман Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, п. 478.

ворбитэ. Л. В. Шчерба компара лимба ворбитэ ку о форжерне, ын каре ау лок тоате модификэриле дин лимбэ.

Трансформэриле социале дин ултимеле дечений ну нумай кэ ау акчелерат процесул де апропиере а ворбирий орале де чя скрисэ (ливряскэ сай професионалэ), дар ау ши консолидат приоритатя, темелия скрисэ а лимбий литераре молдовенешть. Тот май сенсибileл девин «кэтушел» формей скрисе а ворбирий, инфлюенца конструкциилор ши ымбинэрилор формелор скрисс.

Трансформэриле дин техникэ ши штиинцэ пот авя инфлюенцэ асуира концинуулуй семантик ал кувинтелор. Сенсурile фигура-те але техничизмелор пэтрунд, дупэ кум ам спус май сус, ын вока-буларул курент, демонстрынд астфел пэтрундеря доменинулуй техник ын вяца котидианэ. Астфел, сынт адэүгате сенсуре фигу-рате центру: *а акчелера, а акса, багаж (багаж де куноштинце), а мобилиза, а чимента, фундамент, контакт, блок, ас, аксиомэ, иероглифэ, амалгам, антипод, диапазон, амплитудине, а анкора, антидот, екилибуру, биланц (а фаче биланцул), а дезарма ш. а.* Кувынтул *консталацие* аре сенс фигурат де фамилие ынфэрэцитэ (*консталацие де попоаре*). Тоате ачестя се рапоартэ ла феномен-шул детерминоложизаре, поменит антериор.

Ын планул релациилор интернационале требуе менционатэ се-рия де кувинте: *а деколониза, деколонизаре, антиимпериалист, анти-милитарист, антимонополист, антифасчист, антихитлерист ш. а.*

О трэсэтурэ лингвистикэ партикуларэ, акчелератэ де факторий социаль, е фактул кэ ун маре нумэр де нумирь але професиилор маскулине а девенит астээз ши феминине; мониуня граматикалэ девине фоарте фреквентэ. Ачест феномен шь-а гэсит чя май ларгэ рефлектаре ын ноул дикционар ал лимбий молдовенешть. Пе лынгэ маскулине респективе ау принс сайу принд вяцэ феминине: *конструктоаре, макаражицэ* (ултимул атестат ын «Тинери-мия Молдовей» дин 15.XII, 1978), *консультантэ, колаборатоаре, директоаре, инженерэ, кимистэ, ботанистэ, академицианэ, прешеднитэ, аутоаре, мембрэ, илегалистэ, авиаатоаре, милицианэ* ш. а.

Аич интервіне ун момент ну нумай де ордин системик, норматив, дар ши де ордин естетик, еуфоник: ну вом спуне *жэолоагэ, биолоагэ* — ун каз ридикулизат де скрииторул Аурелиу Бусуйок ын романул «Сингур ын фаца драгостей». Ну вом спуне, де асеменя, *министрэ, ректорэ* ш. а.

Прочесул инверс; де ла феминин спре маскулин, есте репрезентат слаб: *мулгэтоаре*—>*мулгэтор*; *дактилографэ*—>*дактилограф*; *цесэтоаре*—>*цесэтор*; *стуардесэ*—>*стуард* ш. а.

Лэржиря ши демократизаря ынвэцэмынтулуй публик (астээз ынтр'ун сингур сат молдовенеск сынт зечь ши суте де интелектуаль, специалишть ку студий супериоаре ши мэдий специале), импортанца тот май маре акордатэ мижлоачелор де информацие ка-пабиле сэ фурнизезе штирий дин челе май ындепэртате режиунь але цэрий ши дин ынтряга луме — тоате ачестя фаворизязэ фо-лосирия уней лимбъ куренте униформе. Астфел поате фи експли-

катэ диспариция кувинтелей ынвеките, пэстрате доар ын мэсуралын каре ле путем гэси ын опереле скриоторилор контемпорань че дескриутралын историк (комп. ын ачест сенс, де екземплу, «Ио, Димитрие Водэ Кантемир» ла Влад Иовицэ ш. а.). Диспариация лимбажелор партикуларе (ал чизмариилор, де екземплу) ши атенуаря диференцелор динтре вокабулареле диалектале (кувинте, форме, пронунцате диалекталэ ш. а.) се датореште инфлюенцей ковыршилоаре а радиоулуй, телевизиуний, пресей, школий медий ши супериоаре, а рэспындирий литературий артистиче ши чөлөй де специалитате.

Пе де алтэ парте, апар кувинте ной, дар каре ынкэ ну ау о арие де рэспындирий женералэ ши деачея инклудеря лор ын вокабуларул женерал ал лимбий молдовенешть креазэ о проблемэ дин чөлөй дифициле. Унеле дин еле, кяр дахэ ау фост инсера-тэе ын корпул дикционарулуй, сынт ынсоците де менциуня *par* сау *ворбит, популар: кепкэ, бензинэ, моторолер* ш. а.

Скрииторул Андрей Лупан ын уна дин поэзииле сале «Олимп диспредицент» пуня ынтребаря:

*Кум прецүешти кувынтул каре-л спүй,
Ынкредицат де оамень ши де времурь?*

Ын ынсээш пынза артистикэ а поетулуу-академичиан атестэм о серие де кувинте, унеле динтре каре «бат ла поарта веций»: *кирэу, булихар, хожма, цэрэнит, фармазоанэ, а тривожи, роботаши, тырзыелник, трудаш* ш. а.

О парте дин ачесте кувинте ши експресий с'ау доведит а фи ефемере, алтеле с'ау статорничит ын вокабуларул женерал, фиинд ынтродусе сау урмынд а фи ынтродусе ын ДЕЛМ. Аич с'а прочедат цинынд конт де фаптул кэ ынтрэе иоциуня де «лимбэ литератэрэ» ши иоциуня де «лимба литературий артистиче» ну есте о коинчиденцэ деплинэ, ултима ешинд прин ануумите элементе дин кадрул лимбий литераре проприу-зисе.

Ын сочиетате литература а девенит арбитрал лимбий коректе. Ятэ де че есте екстрем де имортантэ респонсабилитатя скрииторилор ын фаца чититорулуй. Литература есте ну нумай о формэ де луптэ идеоложикэ, чи ши ун мижлок де едукациие естетикэ. Се штие, де-о ворбэ, кэ субстантивеле ын -(*и*)*тате*, суб инфлюенца масивэ а субстантивелор русешть терминате ын *-ость*, пэтрунд ын тоате сфереле де активитате уманэ (типүл: *продуктивность — продуктивитате*). Дар, мулте дин субстантивеле абстракте русешть ын *-ость*, дупэ кум не-о аратэ практика лексикографикэ, се традук прин субстантивул *карактер* + адJECTив (де екз.: *прозаичность — характер прозаик, предвзятость — характер преконцепт*).

Андрей Лупан, авынд ка модел пе русескул *органичность*, скрие: «Дар еа (адикэ поэзия чивикэ — А. Б.) женерязэ эмоций ши конвинжерь ын дэплина органичите а фэлтурий умане»¹⁶.

¹⁶ Лупан Андрей. Оп. чит., вол. III, п. 373.

Ын «Нарчис ши Хиперион» де М. Чимпой ынтылним: *елементаритате, пасионалитате* ши пе ачелаш *органичитате*: «Солемнитатя де версет а Скрисорилор еминесчиене креазэ ачя либертате а мишкэрий поетулый принтрун тип нелимитат, че-шь асочиязэ ши спаций ла фел де васте, каре лягэ презентул де историе, история де мит, клипа, де орькынд, микул космос де макрокосмос, ынтр'о органичитате сусцинутэ а визиуний, органичитатя фиинд ши ун атрибут фундаментал ал гындирий сале политиче ши социале»¹⁷.

Ун каз симилар ыл формязэ кувынтул *спецификэ* — формэ пентру субстантивул *специфик*, фолосите де Андрей Лупан: «Проблема е де а лэмури каре есте специфика виабилэ а кэрций» (Скриер, 1973, в. III, п. 388).

Форма *спецификэ* есте сприжинитэ прин аналохие, пе де-о парте, ку кувинtele де типул *мелодикэ*, яр пе де алтэ парте, де форма фемининэ русяскэ *специфика*.

А девенит фоарте актив префиксул *не-* дин лимба ноастрэ (парциал суб инфлюенца префикселор (*без-* (*бес-*) ши *не-*дин лимба русэ), префикс каре паре кэ поате фи алэтурат пе лынгэ о маре парте а аддективелор ши субстантивелор — лукру пе каре-л фак адесеорь скрииторий ноштри. Астфел, Григоре Виеру утилизязэ кувинtele: *неплоае, незэпадэ, несомн, неодихнэ, немульт, непэмынтын* ш. а. Де екземплу: «Мэ урмэреште де-атунч дин копилэрье, ун фел де тымэ ын фаца неплой, незэпэзий, ын фаца ынгецулуй де примэварэ сай а фригулуй кэзут ын плинэ варэ» («Финндкэ юбеск», п. 10). Сай: Ын праг, / Спиче де неодихнэ («Нопциле мамей»).

Яр Ион Ватаману скрие: «Кэч еу де-аколо, дин вечие / Кү неодихнэ ам сэ тэ'нтреб: / — Че фаче ел, фрумосул верб?» (Дин поэзия «Кувинtele лимбий молдовенешть»).

Ла Андрей Лупан гэсим: *невымпэкаре, неповесте, нелитературэ, непретенциозитате, некэртурэрие* ш. а. Де екземплу: «Кытэ *баналитате*, кытэ *речидиве* де дисператэ *некэртурэрие*, кыт хаос *индесифрабил* с'ар путя *евита* принтру'о *симплэ унификаре* а че-*принцелор* *критиче*»¹⁸.

Ынтрапэтрундеря диверселор пэтурь социале (сатул се априе де ораш, яр орашул де сат, май алес дупэ рэзбой ынкоаче) се рэсфрынже ын план лингвистик ынтр'о атенуаре а диференцелор динтре нивелуриле лимбий. Астээ, де екземплу, де мулте орь терминий фамилиарь сай популарь ну май сынт симциць ка атаре: *а бокса* — «а лови ку пумний»; *болф* — ынфлэтурэ; *жигэрэе* — *жиг*; *желеу* — *пелтэ*; *курекиу* — *верде ынкис*; *куркубетэ* — *тидээ*; *кыркотэ* — *сфадэ*; *мэлинэ* — *змеурэ*; *а лефтери* — *а фаче сэ пярдэ тоць баний*; *а се лехэмети* — *а се пликтиси*, *а се дэзгуста*; *лукрэтурэ* — *унелтире, интригэ*; *леукэ* — *пылние*; *кишкэ* —

¹⁷ Чимпой М. Нарчис ши Хиперион. Кишинэу, 1980, п. 19, 59, 98, 206.

¹⁸ Лупан Андрей. Оп. чит., вол. III, п. 228.

1) туб де каучук; 2) кырнац де касэ; скроб — мынкаре дин оуз бэтуте ши прэжите; абрикос, гэтялэ ш. а.

Унеле кувинте шь-ау пэстрат нумай ануумите сенсурь. Астфел есте казул кувынтулай либрап, каре дин челе патру сенсурь не каре ле авя одиниоарэ, астэзь трей сынт ынвеките: 1) «стэпын ал уней либрэрий»; 2) «негустор де кэрць»; 3) «едитор де кэрць», актуалменте аре нумай сенсул де «вынэзтор ынтр'о либрэрие» ши ачеста паре сэ фие пущин фреквент. Алте кувинте ышь пэстряэ нумай сенсул фигурат. Астфел кувынтул *азил* есте ынтребуинцат доар ку сенсул фигурат де «лок де рефужиу, де сигурантэ». Ын презент пентру копии орфань, бэтрынь сау инвализь сынт алте ашезэмните де ынтречинере гратуитэ: *касэ де копий, касэ пентру инвализь*. Аич поате фи алэтурат *декан*, ку трей сенсурь ынвеките. Ачестя ши алте екземпле ворбеск деспре редучеря полисемией унор кувинте, ка результат ал ноулуй *мод* де вяцэ а породулуй молдовенеск.

Дин комплексул де модалитэць, каре модификэ ын перманенцэ статутул вокабуларулай лимбий молдовенешть актуале, дери варя ши ым прумутул рэмын челе де базэ. Анууме еле скимбэ рапид ши симцитор фаца лексикулай.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

Р е з ю м е

Модернизация лексики молдавского языка происходит в широком масштабе, особенно в послевоенное время. Массовое образование слов и выражений во всех сферах человеческой деятельности является главным признаком современного развития словарного состава молдавского языка. Основываясь на даипых словарей, изданных в последнее время в Молдавской ССР (напр.: Молдавско-русский словарь. М., 1961; Диционар экспликатив ал лимбий молдовенешт. Вол. I. Кишинэу, 1977 и др.), а также на фактах публицистического и художественного стиляй, автор приходит к выводу, что в лексике молдавского языка происходят значительные количественные и качественные сдвиги. В то же время часть слов из области разных ремесел прошлого (мельничного дела, старого транспорта, военного дела, и др.) приобретает все более и более архаичный характер.

Автор останавливается подробно на деривации (словообразование), словосложении, конверсии, редупликации (удвоение), контаминации и аббревиации (сокращение). При этом подчеркивается, что процесс словосложения и аббревиации особенно активизируется под влиянием моделей русского языка. В статье приводится серия префиксов и суффиксов латинского, славянского и другого происхождения с высоким словообразовательным коэффициентом (ре-, -тор, -ист, -ан, -ян, не-, -ение и др.). Некоторые из них (напр. ре-, не-, -итате, -бил и др.) стали более активными в результате влияния соответствующих морфем русского языка (пере-, не-, ость, -имый, без- и др.); срав.: реедита — персыдить, неынсемнат — незначительный, продуктивитате — продуктивность, индустритибил — нерушимый, неплоае — бездождье и др.

Относительно словосложения констатируется, что здесь особое место в смысле активности занимают так называемые псевдоаффиксы типа ауто-, мото-, фото-, -граф, -буз, всего около четырехсот единиц. В «Толковом сло-

варе молдавского языка», например, на букву «А» включены 3557 слов, из которых 221 слово образовано при помощи словообразовательного элемента ауто- (для сравнения добавим, что в «Молдавско-русском словаре» 1961 г. таких слов всего 60 единиц).

Говоря о семантической деривации, автор затрагивает вопрос о детерминологизации и терминологизации. Часть терминов, сохранив свой терминологический смысл, приобретает новые дифференциальные признаки (напр.: микроклимат, апожеу, сфера, атмосфера, а чимента, ас, блок, арсенал, а анкора, багаж, констелация, старт и т. п.). В этом процессе особую роль играют школа, книга, радио, телевидение, печать, кино, театр, которые заметно содействуют приближению обиходно-разговорной речи к письменному языку.

Обращение к лексическим моделям других языков для выражения новых понятий и обозначения неизвестных прежде предметов является (после деривации) вторым главным путем обогащения словарного состава молдавского языка. На протяжении всей своей истории наш язык заимствовал большое количество слов, словообразовательных аффиксов и конструкций из других языков, в первую очередь из славянских. В настоящее время большинство слов и словосочетаний заимствуются в основном из русского или через посредство русского языка.

Следовательно, деривация и заимствование (а последние 30—40 лет и словосложение) являются главными процессами, которые определяют динамику словарного состава современного молдавского языка.

ГЛАВА III

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА

О ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

По определению Ф. П. Филина, «национальный язык, в отличие от языка народности, представляет собой сплошное объединение единого для всей нации нормированного многофункционального литературного языка с нестандартизированными устными разновидностями речи»¹.

Его состояние, как отмечает Г. В. Степанов, «определяется конкретным составом компонентов... единая форма литературного языка или вариантная, наличие того или иного количества диалектов или говоров, наличие переходных форм речи вроде полудиалектов и т. д.»².

Таким образом, хотя решающей, ведущей составной частью этого объединения «является литературный язык»³, а именно он «представляется общим для всех слоев населения и охватывает все или многие важные сферы общения»⁴ (что является весьма существенным для национального языка), все же нельзя сводить национальный язык к литературной его форме, как это часто пытаются представить отдельные исследователи. Такое суженное понимание, подчеркивает Ф. П. Филин, неправильно. Литературный язык в рамках национального языка, по утверждению В. Н. Ярцевой, «находится в сложных и изменяющихся соотношениях с внелитературными вариантами речи обиходно-разговорной (диалектами, полудиалектами, различными формами построения и т. д.), преобразуя их и приспособляя их к общим национальным нормам, к сложной стилистике единой национальной речи»⁵.

Указывая на то, что формы существования языка довольно четко установлены и определены в лингвистической литературе

¹ Филин Ф. П. Ленинское учение о нации и некоторые проблемы национального языка.—Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1970, № 2, с. 150.

² Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 81.

³ Филин Ф. П. Указ. соч., с. 150.

⁴ Там же.

⁵ Ярцева В. Н. Развитие литературных языков.—В кн.: Теоретические проблемы советского языкоznания. М., 1968, с. 52.

(назовем, в первую очередь, работы М. М. Гухман, в частности ее исследование о немецком национальном языке, раздел в первом томе «Общего языкоznания») и все вместе и каждая в отдельности из этих форм «были неоднократно рассмотрены в приложении к самым различным языкам», В. А. Аврорин дает их следующее определение: «Это самостоятельные языковые структуры, естественно объединяющиеся в группы с различной иерархией по признаку общности исходного материала и поэтому в принципе доступные пониманию в пределах одного народа, но различающиеся по уровню совершенства, универсальности и по преимущественным сферам использования»⁶.

Выделяют обычно следующие наиболее четко очерченные формы существования языка: форма литературная в двух своих разновидностях (письменной и устной), обиходно-разговорная и диалектная.

Наиболее легко поддаются определению литературная и диалектная формы, занимающие крайние позиции в данной классификации. Что касается промежуточных звеньев, то здесь под обиходно-разговорной формой понимается любое противопоставление литературной речи, с одной стороны, и альтернатива регионально или социально ограниченных форм — с другой. М. М. Гухман обращала внимание на особую зыбкость границ, отделяющих обиходно-разговорные койнэ от литературного языка, особенно от его устно-разговорных стилей; вместе с тем, считает она, и диалектные формы проникают относительно легко в обиходно-разговорную речь, что создает максимально открытый характер этой структуры, неопределенность границ ее варьирования⁷.

При определении и разграничении форм существования молдавского национального языка мы исходим из общепринятого положения о том, что эти формы различаются между собой по ряду параметров, а именно:

- а) по степени обработанности формы, т. е. по отбору, регламентации и усовершенствованию языковых средств;
- б) по охвату сфер употребления, по широте распространения и обслуживания различных областей человеческой жизнедеятельности;
- в) по богатству выразительных средств и дифференцированности стилей.

Согласно первой позиции более высокой степенью совершенства, нормативной обработанностью, связанной с определенным отбором и регламентацией, обладает литературная форма молдавского национального языка. С этой точки зрения последняя форма отличается от обиходно-разговорной и диалектной, хотя было бы не совсем правильно утверждать, что по отношению к

⁶ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975, с. 53.

⁷ См.: Общее языкоznание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 528.

диалекту, территориальному говору неприемлемо понятие нормы (ведь противопоставляется один говор другому).

Литературная речь, если не касаться целей и сфер ее применения, выполняет те же языковые функции, что и другие формы языка. Однако благодаря своей регламентированности, нормативной обработанности она лучше подходит для этих задач.

Свойственные литературному языку отбор и регламентация затрагивает все языковые уровни (фонетику, лексику, семантику, грамматику). В качестве нормы литературного языка, как правило, выдвигается наиболее распространенная или «перспективная» фонема, лексическая единица, форма слова, синтаксическая структура.

Так, например, из синонимического ряда: *удэтоаре*, *левэр*, *бурэ*, *поливалник*, *стишкэ*, *поливалницэ*, *плойницэ*, встречающиеся в различных говорах и в обиходно-разговорной речи, в качестве нормы литературного языка употребляется слово *удэтоаре*. Выдвигается в ранг нормы, скажем, слово *роабэ* из синонимического ряда *таргэ*, *роабэ*, *тачкэ*, *паташкэ*, *тежгерэ*, *тэрэбоанцэ*, *кэруц* и т. д.

В литературной речи встречаются языковые явления, не имеющие своей основы в других формах существования языка. В качестве примера можно привести употребление непалатализованных билабиальных и лабиодентальных *б*, *п*, *в*, *ф* перед йотированными (*бине*, *пент*, *веспе*, *фир*), представленные различной степенью палатализации в разных молдавских говорах (ср. *бдине*, *гине*, *дине*, *кент*, *т'ент*, *жеспе*, *зеспе*, *ш'ир*, *хир*).

В роли нормы здесь выступает стадия, предшествующая палатализации, пусть более ранняя, чем в говорах, но зато более приемлемая для орфографии, а к слову сказать, орфография, будучи основана у нас на фонетическом принципе, ведет за собой и произношение.

Что касается великого множества лексических единиц литературного языка, отличающих его от остальных форм национального языка, то их появление, как будет показано ниже, обусловлено необходимостью выразить более точно и дифференцированно определенные понятия, мысли. Так, например, переданные парафразой понятия «чеха че ну-й ку путинцэ», «чел прин каре ну трече апа» в литературной речи выражены лаконично соответствиями *импосибил*, *импермеабил*. (Отметим, также, что каталог наименований цвета в текстильной промышленности насчитывает тысячи слов, в то время как в обиходно-разговорной речи или в говорах их около двух десятков).

Выше отмечалось, что с точки зрения нормированности литературный язык отличается от обиходно-разговорной речи.

Что касается речи диалектной, то здесь существует определенная условность: норма имеется, хотя и не зафиксирована. Один территориальный говор отличается от другого по употреблению отдельных, только ему свойственных лексических единиц,

словоформ, синтаксических конструкций. В одном из них нормой считается, к примеру, *агудэ*, в другом — *шорковэ*, в третьем — *дудэ* и т. д. Литературному *вицел* в одном говоре соответствует форма *ж'ицел*, в другом — *гицел*, в третьем — *з'ицел* и т. д.

Обиходно-разговорная речь же характеризуется, как замечает М. М. Гухман, «существованием твердых правил или норм, ограничивающих данные образования от диалекта или литературного языка. Иными словами, если диалекту и литературному языку свойственна своя система правил или норм, в первую очередь фонетических и лексических, то обиходно-разговорные койнэ характеризуются таким диапазоном варьирования, который ставит под сомнение существование здесь своей системы правил или норм»⁸. Обладая, как уже указывалось, открытым характером структуры, неопределенностью границ варьирования, обиходно-разговорная речь, в частности обиходно-разговорная форма молдавского национального языка, характеризуется по сравнению с литературным языком спонтанностью, синтаксической неорганизованностью, упрощенными структурами, отсутствием чаще всего подчинительной связи между синтаксическими единицами. Об этом говорят, в частности, такие реплики в диалоге, как:

— Да, да... — нумайдекыт. — Д'апой, пэй ну зичам еу?... Ворбэ сэ фие... — Йыхи... — Апой с'аштепте... — нич ворбэ... Д'апой кум!... Ць-ай гэсит! и т. д.

Указанная речь характеризуется нестабильностью в использовании лексических единиц, большими колебаниями в употреблении омосемантов. Например, для обиходно-разговорной молдавской речи в высокой степени свойственно использование русских эквивалентов молдавских слов и выражений. Вот лишь два — три примера из обиходно-разговорной речи различных профессиональных и социальных слоев:

— Ай фэкут машина?

— Ну, кэ ну-с запчасти. Да пэн думиникэ требу с'о фак, кровь с носа (разг. механика).

— С'о дус ла пятиминуткэ.

— Скоате-о дин скорость, заводеште-о ши дэ задний ход (разг. шоферов).

— Йимпрежюр сэ фаче-о неоновая оболочка.

— Требуе сэ айбэ 40 гаус (из разговора студентов политехнического института).

Создаются своего рода дублеты молдавских слов, употребление которых вовсе не может быть регламентировано, так как в идентичных условиях в одном случае может быть употреблено русское слово, в другом — молдавское, даже одним и тем же говорящим. Невозможно установить, например, когда употребится один из трех эквивалентов: *A* (сэ) *скоате де ла евиденцэ, а сэ луа де не учат, а сэ выписуи*.

⁸ Общее языкоzнание. с. 528.

В молдавской обиходно-разговорной речи русские эквиваленты появляются, в первую очередь, когда речь идет о терминах. Вместо зафиксированных в словарях неологизмов широко используются исконно русские слова или слова другого происхождения, но заимствованные через русский, как, например: *земснаряд*, *кран*, *пятиминутка* и др.

В обиходно-разговорной речи почти не встречаются их соответствие, фигурирующие в словарях современного молдавского литературного языка: *драгэ*, *макара*, *волантэ* и др. Более того, многие из них, как указывается в коллективной статье, посвященной молдавскому языку, опубликованной в книге «Типология сходств и различий близкородственных языков», встречаются и в разговорном варианте литературного молдавского языка. Такое употребление русских эквивалентов молдавских слов характерно не только для неологического страта. Терминология во многом также является здесь русской, например: *тормоз*, *задний мост*, *коробка передач*, *гусеницэ*, *задний ход*, *прокладкэ*, *прицеп*, *грузовик* и т. д. Казалось, проще употреблять молдавские названия, имеющие в основе исконно молдавские слова (термины во многих случаях появляются в результате метафоризации бытующих в языке слов). Однако поддержка со стороны русского языка, которым говорящие на молдавском языке сравнительно хорошо владеют, делает употребление данных заимствований весьма устойчивым.

В обиходно-разговорной речи употребляются также и русские глаголы, приводимые в соответствие с парадигмой спряжения молдавского глагола. Многие европеизмы в молдавском литературном языке имеют несколько иную форму, чем в русском (ср. *китанцэ* — *квитанция*, *комбинэ* — *комбайн*, *рестаурант* — *ресторан*, *фасцизм* — *фашизм* и др.). В обиходно-разговорной речи же они выступают в форме, свойственной русскому языку (*квитанцию*, *комбайн*, *ресторан*, *фашизм*).

Выше уже обращалось внимание на нечеткость границ, отделяющих обиходно-разговорную речь от речи диалектной. В частности, такие особенности молдавской диалектной речи, как палatalизация отдельных фонем в позициях перед *иотированными*, свойственны и обиходно-разговорному языку (правда, речь идет о характерной центральной говором палatalизации. Формы типа *зин*, *хин* здесь не встречаются).

Обиходно-разговорной речи присущи также многочисленные семантические заимствования из русского языка. Речь идет о значениях типа: *атырнаря луй фацэ де товарэш* со смыслом «отношение» (атитудине), *сунэ-й луй Василе* для «звонить по телефону» (а да ун телефон), *а се ынкрединца*, «убедиться» (а се конвийже) и т. д.

Другая позиция, по которым отмеченные формы существования языка дифференцируются — это охват сфер употребления, широта распространения и обслуживания различных областей

человеческой жизнедеятельности. С этой точки зрения литературная форма отличается от остальных двух форм существования языка.

В самом деле, языковая общность является важнейшей чертой национального языка, т. к. «в период консолидации нации требуется единство языка всей нации». В этом смысле, как отмечают А. Т. Базиев и М. И. Исаев, даже не столь существенна самостоятельность языка, его индивидуальность как дифференцирующий признак нации (один и тот же язык или его вариант, как показал неоднократно в своих работах Г. В. Степанов, может выступать в качестве средства общения различных наций — испаноязычные, англоязычные и т. д. нации), сколь «принципиально важна сама сущность речевой общности как средства человеческого общения»⁹.

И в этом смысле, конечно, литературная форма национального языка лучше остальных двух форм выполняет эту функцию. В отличие от территориального говора, да и от обиходно-разговорной речи, употребление которых лимитировано сферой бытового, профессионального, просторечного, жаргонного общения, молдавский литературный язык охватывает все сферы деятельности: на литературном языке пишется художественная, общественно-политическая, экономическая литература, литературный язык — это язык школы, прессы, радио, телевидения, театров, употребляется также на производстве, в быту, в государственном управлении.

Таким образом, по отношению к остальным двум формам существования национального языка, молдавская литературная речь полифункциональна, и характеризуется, как бы, универсальностью, хотя следует заметить, что в некоторых функциях государственной администрации молдавский литературный язык употребляется параллельно с русским языком. Сфера применения обиходно-разговорной речи несколько шире употребления территориального говора, но в этом смысле она не может сравниться с литературной формой.

Обиходно-разговорная речь вступает во взаимодействие с территориальными говорами, распределяя между собой сферы общественной деятельности. Говоры продолжают господствовать в повседневном бытовом общении, в то время как обиходно-разговорная речь завоевывает и другие сферы.

Третья позиция, по которой разграничиваются формы существования национального языка, — это богатство выразительных средств и дифференцированность стилей. Это непосредственно связано с предыдущим критерием, так как стилевое разнообразие обусловлено полифункциональностью литературного языка.

Как известно, «говорящий, владеющий литературным языком, варьирует свою речь в зависимости от того, где, с кем и о

⁹ Базиев А. Т., Исаев М. И. Язык и нация. М., 1973, с. 87.

чем он говорит»¹⁰. А это предполагает наличие определенных языковых средств, при помощи которых говорящий, в соответствии с ситуацией, точно и образно выражает свои мысли. Как можно было заметить, означенные формы существования молдавского национального языка различаются между собой в первую очередь по своему лексическому составу.

Следует заметить, что употребление терминов также удел литературного языка. Это позволяет более дифференцированно выражать то или иное понятие, более точно, согласно ситуации, передать соответствующую информацию.

В диалектной речи или в речи обиходно-разговорной для обозначения того или иного предмета, явления, особенно в диалогах, широко используются указательные местоимения, различные слова с окказиональным значением типа: *дрэкэрия аста*, при помощи которых можно указать на любой предмет. Когда человек в разговоре не знает названия того или иного предмета, или не может вспомнить его, он часто прибегает к подобного рода языковым средствам.

Как уже указывалось, в формах речи диалектной или обиходно-разговорной находят широкое применение целые парафразы, вместо употребляющихся в литературном языке терминов.

Примеров, подобно приведенным выше (*чэя че-й ку непутинцэ вместо импосиbil*), в языке довольно много.

Ясность, точность, строгость конструкций, свойственные литературному языку, в меньшей мере характеризуют диалектную или обиходно-разговорную речь. Это обусловлено неподготовленностью, спонтанностью, непосредственностью общения.

Точность выражения достигается, как уже указывалось, оформлением и организацией речи определенным образом, отбором и сочетанием соответствующих языковых средств. А это предполагает, как известно, наличие разных стилей в языке.

Так, например, для официально-деловой речи характерна конкретная терминология, отражающая юридические отношения, выработанные и закрепленные в письменной форме, отдельные формулировки, клише, многие из которых носят архаический характер¹¹.

Что касается научного стиля, то для него свойственно употребление большого количества научных и технических терминов, характеризующихся моносемантичностью. С их помощью соответствующие понятия выражаются точно и ясно. В этом смысле употребляется система сочинительных и подчинительных союзов, широкое употребление вводных слов и др. Обладают своими особенностями и другие стили литературного языка.

Однако, говоря об особенностях каждого из стилей, нельзя считать, что они разделены между собой непроходимой границей.

¹⁰ Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 18.

¹¹ См.: Шмелев Д. Н. Указ. соч., с. 33.

В этой связи Д. Н. Шмелев отмечает: «Наблюдаемые в самой действительности различия в применении языковых средств, которыми определяются функциональные разновидности языка, наблюдаются в пределах одного и того же языка и в сфере деятельности в общем одного и того же языкового коллектива, поэтому нельзя ожидать, чтобы соответствующие разновидности речи не перекрещивались друг с другом, чтобы границы между ними, устанавливаемые по одним признакам, не перемещались бы, когда на первый план выдвигаются другие признаки»¹².

Возражая против попыток представить графически стилевые разновидности литературного языка как подобие концентрических кругов или секторов одного круга, Д. Н. Шмелев полагает, что литературный язык «с большим основанием мог бы быть представлен как такой круг, который в зависимости от функциональной направленности речи смещается в разные плоскости, при разных смещениях отдельные его части выступают на первый план, некоторые другие — отходят в тень. Функциональные разновидности тогда, — заключает он, — это разные проекции единого круга в трехмерном пространстве»¹³.

Особое место в рамках литературной формы национального языка занимает стиль художественный, собственно язык художественной литературы. Его отличительной чертой является то, что здесь «используются все средства национального языка и намеренно воспроизводятся черты разговорной речи»¹⁴. В этом плане он стоит особняком в ряду других функциональных стилей. В самом деле, если в рамках других стилей (научном, официально-деловом, публицистическом) использование языковых средств не выходит за пределы нормы литературного языка, то художественная литература включает в себя такие средства, которые характерны различным стилям языка. Так, если обратимся к отдельным рассказам И. Друцэ, заметим, что язык его героев содержит множество элементов, которые выходят за пределы литературной нормы. Вот, например, как представлен диалог между автором и стариком, лежащим на полке вагона.

- Аузь, баде!
- Оф...
- Матале ну ци-й сете?
- Мие? Паркэ ну. Да д'че мэ ынтребь? Ай вр'ун гыт де жин?
- Вин н'ам еу, да се поаате гэси ла о невое. Да че-й ку мата, зачь де вре-о боалэ?
- Еу? М'о ферит домнул. Ын тинерецэ ам зэкут де харбалиц, дар демулт...
- Атунч дар че жемь ынтрұна?
- Де чудэ жем, мэй драгул мошулуй! Деे домнул атыя жүнгюрь ынтр'ынса, кыте капичь еа мъ-а луат де поманэ.

¹² Шмелев Д. Н. Указ. соч., с. 28—29.

¹³ Там же, с. 39.

¹⁴ Там же, с. 33.

Или же другой диалог между солдатом Харабажиу и капитаном в рассказе «Мургул ын Кримея»:

Дупэ ачэя кэпитанул а луат ши м'о май кемат одатэ...

— Яр а кэзут мургул?

— О кикат, дон кэпитан, о кикат яр...

— Че ну-л ымпушть?

— Ыл пушк, дон кэпитан. Пе кручя мя, кэ-л пушк.

В художественной литературе в изобилии используются языковые средства, относящиеся к другим формам существования национального языка, нежели к литературному языку. Речь идет о многочисленных диалектизмах (слов, словоформ, синтаксических конструкций), а также элементах обиходно-разговорной речи. Это лишний раз свидетельствует о том, что между различными формами существования языка нет непроходимых границ.

В целом, можно утверждать, что с точки зрения стилевого разнообразия, литературный язык занимает особое место среди других форм молдавского языка. Ни в рамках местных говоров, ни в обиходно-разговорной речи какие-либо стили не выделяются, хотя следует признать, что определенные их зачатки и здесь можно наблюдать. Например, человек, пользующийся обычно обиходно-разговорной речью, несколько видоизменяет ее в зависимости от собеседника, от аудитории.

Выше больше внимания было уделено обиходно-разговорной форме, чем другим формам национального языка. Было сделано это с целью обратить внимание на один из важных аспектов молдавского языка, который не попал еще в поле зрения исследователей.

Видимо, следует исходить из имеющегося соотношения между различными формами национального языка и при выработке литературной нормы не пренебрегать и некоторыми тенденциями, характеризующими обиходно-разговорную речь, которые могут приобрести характер литературной нормы.

В сущности, все формы существования национального языка выполняют функцию общения, и с этой точки зрения все они заслуживают внимания исследователей.

МОЛДАВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Молдавский язык прошел длительный сложный путь от своей первичной формы существования в качестве разговорно-бытового и своих первых проявлений как фольклорно-песенного до его современного состояния — молдавского национального языка. Этот процесс не представляет собой некий континуум, что характерно и для развития любого языка мира. Примером того явля-

ется история русского языка. От церковно-славянского на болгарской основе и древнерусского языка Киевской Руси до языка Московской Руси, а затем до современного русского языка — это длительный путь смены диалектной основы, изменения дифференциальных типологических черт, становления грамматических, лексических, орфографических и орфоэпических норм русского языка — это путь развития языка во взаимосвязи с развитием общества.

Базируясь на изменении социально-экономических и политических устройств в ходе развития различных форм человеческой деятельности, принимает новые аспекты и языковая форма деятельности; на этой основе видоизменяется и мировоззрение, психический уклад, и, наконец, мышление, в том числе языковое мышление носителей соответствующего языка, в данном случае молдавского. Эти, казалось бы, азбучные истины для исследователя, рассматривающего развитие языка во взаимосвязи с развитием общества, не всегда понимаются и учитываются в отдельных изысканиях. При этом возникает примерно такой вопрос: какова связь между развитием общества, развитием форм деятельности, изменением мировоззрения и становлением, например, вариантов множественного числа обоюдного рода, типа древне-молдавского *кымпурь* и *кымпль* (последнее, как известно, сохранилось только в сочетании *а бате кымпий*), или становлением звательной формы существительного (*оаме, филозоафе* в древне-молдавском и *омуле, филозофуле* в современном языке; правда, у В. Александри встречается усеченная форма *кодре: ши ту, кодре, те-ай ускат*), или формированием глагольной парадигмы, в частности предположительного наклонения (*а фи кэзынд, а фи зиқынд* у М. Эминеску, или образное динамичное у В. Александри: *ту ешть сосинд, еу ын плекаре*). Во всех этих типовых морфологических сдвигах основную роль играет изменение социальной базы языка и соответственно формы языковой деятельности, которое происходит путем привлечения к этой деятельности, в её устном и письменном аспектах новых слоев носителей языка.

Изменение социальной базы языка следует считать одной из основных движущих сил развития национального языка. Об этом весьма ярко писал Е. Д. Поливанов: «В том, что язык, на котором мы говорим в 1928 г., и тем более язык того пионерско-комсомольского поколения, которое вообще не существовало еще в дореволюционную эпоху, существенно отличается от языка рядового интеллигента довоенного времени, никто, я полагаю, не будет сомневаться¹. Дело не только в том, что изменились социально-экономические условия, а и в том, что появилась социальная прослойка, которая не могла быть до революции, изменилось языковое мышление нового поколения и старого в новых

¹ Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1958, с. 206.

условиях. Полнотью изменилась социальная база языковой деятельности.

Второй основной движущей силой языковых изменений следует считать различное соотношение литературной, обиходно-разговорной и диалектной форм существования языка со всеми их аспектами функционирования. При расширении языковой деятельности носителей языка расширяется и видоизменяется сфера действия литературного языка и соответственно суживается социальное значение диалектов и обиходно-разговорного языка. Происходит как бы переплетение этих трех форм существования языка. Литературный язык обогащается за счет широко распространенных явлений обиходно-разговорной и диалектной форм языка в начале в своем устном аспекте, в различных ситуациях говорения, а затем и в письменном аспекте. К известной формуле „*Nihil est in syntaxis quod ante non fuērit in stylo*“ добавляется: „*Nihil est in syntaxis quod ante non fuērit in sermone*“. Одновременно растет общественное значение литературного языка, который в своем узусе приобретает характер общетерриториальной распространенности, полифункциональности и широкой стилевой дифференциации. Высшей реализации этих функциональных (узусных) характеристик язык достигает в своей национальной литературной форме. Эти три характеристики — общетерриториальная распространенность, полифункциональность и стилевая дифференциация представляют собой типовые признаки узуса национального литературного языка.

С системной точки зрения признаком номер один национального литературного языка является норма — объективная и оценочная, осознанная норма. Поскольку о любом языке можно говорить как о литературном, если у него имеется грамматическая, лексическая, орфографическая и орфоэпическая норма, следует выяснить, в чем же отличие литературного языка от национального литературного языка с точки зрения признака номер один — нормы.

На всем протяжении истории развития национального языка происходит его нормализация, т. е. становление и стабилизация архитектоники высказывания, композиционной организации текста, лексических и семантических рядов, всех звеньев речевой цепи. В этом процессе принимают участие как теоретики, так и практики языка в различных ситуациях говорения, в различных стилевых манифестациях. Если вспомнить историю развития молдавского литературного языка, то можно отметить определенную роль рассуждений о молдавском языке наших летописцев, оценки и предписания Димитрия Кантемира, принципы лексикологии и стилистики писателей и деятелей культуры конца XVIII, затем XIX в.: Костаке Конаки и Алеку Руссо, переводчиков этого же времени — Алеку Белдимана и Георге Асаки, нормализаторскую деятельность В. Александри, его борьбу против латинизации, за народно-разговорную основу языка, высказывания М. Эминеску о

музыкальности молдавского языка в отличие от логичности валашского, резкий отпор А. Матеевича искажению основ молдавского литературного языка.

Таковы вкратце отдельные вехи процесса нормализации молдавского литературного языка в дооктябрьский период, процесса его индивидуализации в ходе становления грамматической, лексической, орфографической и орфоэпической норм. Процесс этот продолжается и в послеоктябрьский период; он наблюдается и в настоящее время, поскольку норма при всей своей стабильности, и, в отдельных случаях, консервативности, являясь исторической категорией, допускает отдельные явления вариативности.

Норма литературного языка донационального периода — когда он является в первую очередь книжным языком, а его разговорный литературный аспект характерен в основном для отдельных грамотных слоев населения, тогда как большинство носителей языка является безграмотным — носит более консервативный характер. Постепенная демократизация нормы литературного языка в связи с тем, что в процессе ее кодификации принимает участие большинство носителей языка и все формы существования языка — и литературная, и обиходно-разговорная, и диалектная — характеризует национальный литературный язык. Норма приобретает общественный характер и в этой связи допускает отдельные вариативности как в архитектонике высказывания, так и в реализации лексико-семантических рядов. В процессе демократизации норма приобретает также наддиалектный характер, происходит постепенное стирание диалектных различий языка, их социальной характеристики, аспекты литературного языка дифференцируются по сферам деятельности и по ситуациям говорения, при учете формы высказывания — будь это монолог, диалог или полилог. Национальный литературный язык все больше расширяет сферу своей реализации в устном аспекте, так как письменный его аспект сохраняет характер сравнительной консервативности.

На современном этапе молдавский национальный литературный язык развивается в трех направлениях: 1) он продолжает развивать свою национальную индивидуальность в процессе взаимодействия трех форм его существования; 2) являясь одним из национальных языков нашей страны, развиваясь в процессе билингвизма его носителей (с русским языком), он воспринимает отдельные системные явления современного русского языка, главным образом те, которые соответствуют его собственным тенденциям; и 3) молдавский язык приобретает черты интернационального характера через посредство русского языка, тем более что большинство этих интернациональных черт основано на греческих и латинских морфемах, что также соответствует общей системной характеристике молдавского языка.

Рассмотрим каждое из выделенных трех направлений развития молдавского национального литературного языка.

Первое — развитие национальной специфики языка в процессе взаимодействия его трех форм существования. Процесс национальной индивидуализации языка берет свое начало от песенно-фольклорной индивидуализации, которая хранится и развивается в отдельных аспектах литературного языка, в частности в художественной литературе, в ее лучших народных образцах, за что боролись и борются представители молдавской культурной жизни прошлого и настоящего как в теоретическом, так и в практическом планах.

Приведу лишь один пример. Системный префиксальный ряд выражения отрицания в молдавском языке образован префиксами различного происхождения: латинский *in*, греческий *α-* и славянский *не-* (типа *инконтестабил*, *аморал*, *невиноват*). В обиходно-разговорной речи и в говорах отдается предпочтение формантуту *не-*. Можно отметить и для литературного языка определенную закономерность: отрицательная форма прилагательных и наречий, образованных от причастий и супина, т. е. от именных форм глагола, образуется с префиксом *не-*: *некуноскут*, *неспус*, *невэзут*; *не несимците*, *не невэзуте*; *де нерекуноскут*, *де неынкипуйт*. Более того, отрицательное прилагательное *инконтестабил*, например, образуется с префиксом *ин-*, а супин той же семантики — с префиксом *не-* — *деконтестат*. С префиксом *не-* образуется и негативный антоним существительного: *ынкредере* — *неынкредере*, *ынцележере* — *неынцележере*, *дрептате* — *недрептате*.

Отдельные неологизмы с суффиксом *-бил*, которые обычно образуют свою отрицательную форму с префиксом *in*, также как и в языке источнике: *посибил* — *импосибил*, *супортабил* — *инсупортабил*, в отдельных парах несмотря на их явно книжный характер допускается префиксация с префиксом славянского происхождения: *агреабил* — *неагреабил*, *акчентабил* — *неакчентабил*, а отдельные прилагательные даже исключают отрицательную форму с *in*: *фаворабил* — *нефаворабил*, а не *инфаворабил*. Специфическая дистрибуция отрицательных формантов в современном языке по сути продолжает и развивает более ранние тенденции индивидуализации молдавского языка. Известно, что в древне- и в среднемолдавском языке имел широкое употребление маркер отрицания *не-*, и отдельные представители культуры XIX века выступали против внедрения слов французского происхождения с префиксом *ин-*, даже тех слов, которые впоследствии остались в литературном языке. В своей известной статье «Дикционар гротеск» В. Александри высказывается против употребления слова *инамик* — *инимик*, иронически замечая, что нам не нужны «мелкие души»: *инимь мичь*, когда у нас существует издавна: *приетен* и *неприетен*.

Можно привести еще немало примеров развития национальной специфики молдавского литературного языка на современном этапе, но в каждом случае следует выявлять не отдельные формы,

а системные парадигмы, как в вышеприведенном примере — префиксальную.

Второе направление развития современного молдавского литературного языка выражается в расширении отдельных системных явлений под воздействием соответствующих аналогов русского языка. Это — в первую очередь становление именной микросистемы в системе синтаксиса на основе различных способов субстантивного выражения мысли, находящей опору в самом молдавском языке. На базе имен действия в настоящее время наблюдается широкое развитие таких моделей сочетания как: *пунере ын акциуне* «ввод в действие», *луаре де мэсуръ* «принятие мер», развитие новой модели выражения объектного подчинения: *«ел а пропус алежеря луй X... ын постул де директор»* развитие дефисного атрибутивного сочетания: *нава-спутник, арма-ракетэ*, а также новой модели связи между именами и на этой основе — новой модели порядка слов: *стэпын лежитим — попорул* «законный хозяин — народ», т. е. вынесение на первый план не подлежащего — *попорул*, а его качества — *стэпын лежитим*. Употребление этих моделей именных конструкций особенно активизируется в современном литературном языке, главным образом в публицистике, где именные структуры с глагольным содержанием образуют клише, повторение которых вызывает определенную, точную реакцию мышления, как, например: *Дескидеря экспозицией де кэрць; Апариция унуй ноу агрегат*.

Известно, что во французском языке также получили широкое распространение именные конструкции, образующие в этом языке так называемый *style-substantif*. В этой связи интересно заметить следующее. В литературный французский язык именные конструкции стали входить через посредство художественной литературы в прошлом веке. И несмотря на то, что отдельные исследователи писали по этому поводу „comment il ne faut pas écrire“ и считали это явление отклонением от классического стиля Флобера, все же *style-substantif* подчеркивает С. Ульман в своей „*Précis de sémantique française*“², вошел в литературный язык и, французская нормативная стилистика предпочитает именно эту форму высказывания. Следовательно, уже в XIX веке во французском языке стал приобретать характер нормы именной способ выражения мысли, который вошел в литературный язык из языка художественной литературы, из произведений таких мастеров слова как Додé, Гонкур, Золя и др. Об этом свидетельствует А. Ломбард в своей известной работе „*Les constructions nominales dans le français moderne. Etude syntaxique et stylistique*“³.

Кроме того, известно влияние французского языка не только на молдавский язык, но и на русский в прошлом веке через его

² Ullmann S. *Précis de sémantique française*. Berne, 1952, p. 143.

³ Lombard A. *Les constructions nominales dans le français moderne. Etude syntaxique et stylistique*. Uppsala et Stockholm, 1930.

двуязычную верхнюю прослойку общества. Вместе с тем и в русском и в молдавском именной способ выражения мысли нашел широкое распространение на современном этапе и приобрел характер системности через посредство публицистического стиля, особенно расширившего свои функции и свое влияние на литературный язык в настоящее время.

Третье направление развития молдавского национального литературного языка на современном этапе — это приобретение молдавским языком черт интернационального характера. Это выражается в первую очередь в экономии языковых средств в речевой цепи. В современную эпоху во многих языках немыслима, например, длинная латинская фраза, нить которой иногда теряется так, что довольно трудно ее найти. По меткому определению Ж. Марузо, для латинского языка характерно распыление родственных терминов и превращение фразы в «систему обращений и ответов на расстоянии»⁴. В современных языках архитекторами высказывания более компактна и более сжата в своей линейной последовательности, что обусловлено в известной мере современным ритмом жизни. Кроме того, в связи с развитием науки, техники, культуры каждодневно появляются новые понятия в различных сферах деятельности. Если в свое время, говоря о латинском языке Иероним писал „*ipsa latinitas et regionibus quotidie mutetur et tempore*“⁵, то это тем более закономерно в современных условиях развития человеческого общества, и в частности советского общества. Одновременно повседневные связи между представителями соответствующих наук разных стран мира приводят к необходимости номинации одних и тех же понятий или действий этимологически идентичными или схожими языковыми формами. Это можно проиллюстрировать на примере так называемой «космической» лексики. В коллективной монографии «Словообразование современного русского литературного языка» подчеркивается следующее: «Так как достижения наук, связанных с освоением космоса, имеют общечеловеческую значимость и поэтому одна и та же «космическая» информация должна быть одновременно передана на различных языках (при различных формах международных связей и обмена информацией), естественно, что в области «космической» лексики усиливается взаимовлияние языков. В результате этого расширяется и упрочивается международный фонд морфем»⁶. Известно, что в основе образования международного терминологического фонда находятся латинский и греческий языки. При этом, как замечает Бруно Мильорини «греческий предпочтается в тех случаях, когда необходимо обра-

⁴ Marouzeau J. *L'ordre des mots en latin*. Paris, 1953, p. 113.

⁵ Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 285.

зовать сложные слова, латинский более подходит для образования дериватов»⁶.

Появление новых наименований и необходимость их дальнейшего расширения в будущем предопределило проведение дискуссии о терминах космонавтики в русском языке на страницах журнала «Авиация и космонавтика» в 1965 году (№ 2). Интересен также тот факт, что когда газета «Вечерняя Москва» в апреле 1965 г. объявила конкурс, предложив своим читателям назвать новым словом «свободное плавание человека в космосе вне корабля», — почти одновременно проводился конкурс по вопросам «космической лексики» и в других столицах — в Варшаве, Берлине, Белграде. Для русского языка, следовательно, проблема деноминации в отдельных подъязыках не может быть решена индивидуально и субъективно, тем более когда имеется в виду сфера деятельности, интересующая не только специалистов соответствующей области. Такой подход к решению проблемы инноваций в русском языке облегчает положение в других национальных языках, тем более, что латинские и греческие этимоны или морфемы не чужды системе самого молдавского языка.

Адаптация же той или иной лексемы или синтагмы терминологического характера носит национальную окраску, ибо она соответствует конкретному языку если не по форме, то хотя бы по звучанию.

Таковыми представляются три направления, в которых развивается в настоящее время и будет развиваться в будущем молдавский национальный литературный язык.

ДИАЛЕКТНАЯ ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Любой современный национальный язык как целое в отношении своей структуры, пишет Р. И. Аванесов, представляет весьма сложное и многообразное явление. В разных сферах своего употребления он во многом различается, но в то же время всегда остается самим собой и обычно характеризуется определенным комплексом общих структурных признаков¹. Национальный язык в свою очередь делится на литературный язык с его письменной и устной формами и на диалектный язык, которому свойственны территориальные варианты.

Р. И. Аванесов замечает также, что, ограничивая диалектный язык от разных форм народно-разговорного языка и языка лите-

⁶ Migliorini B. Trois questions glottotechniques.— Le français moderne, 1973, № 1, p. 69.

¹ Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965, с. 7.

ратурного, следует помнить, что диалектный язык — в особенности в позднейшие эпохи истории языка — развивается в тесной связи как с народно-разговорным языком, так и с языком литературным и имеет немало черт, объединяющих его с ними².

Диалектный язык — это язык в его бесписьменных формах в любом населенном пункте на территории его распространения. В языке всегда действуют различные факторы, которые создают его неоднородность, и поэтому он бывает не единым. Различные вариации языка делятся на территориальные диалекты и на социальные варианты.

Ученые поставили перед собой задачу выявить диалектные формы молдавского языка и определить их территориальное распространение. Решение этой задачи зависело от имевшегося у исследователей фактического материала, от уровня разработки диалектных данных, от критериев группировки территориальных единиц молдавского языка и др. Впервые этот вопрос был поставлен М. В. Сергиевским³. В качестве критерия деления на северную и южную диалектную область послужил переход палатализованных губных ф, в и аффрикат ч, дж на севере — в мягкие свистящие с", з" и на юге — в шипящие ш", ж". Границей между этими диалектными областями были реки Ягорлык и Кодыма. Разные деления молдавского диалектного языка находим в «Курсе современного молдавского литературного языка»⁴, у Г. В. Гринько⁵, у Р. Г. Пиотровского⁶ и у других исследователей.

Выявление диалектных подразделений молдавского языка и расплывчатость в определении их территориального распространения объясняются скучностью фактического материала, а в отдельных случаях — невысоким уровнем разработки диалектных данных⁷. Еще в 1951 году И. Д. Чебан писал, что «на территории Молдавии нет отдельных диалектов, отличающихся особым грамматическим строем и словарным фондом»⁸.

На основе научного анализа опубликованных и неопубликованных материалов «Молдавского лингвистического атласа» была произведена группировка говоров молдавского языка и составле-

² Русская диалектология, с. 9.

³ Сергиевский М. В. Молдаво-славянские этюды / Под ред. Д. Е. Михальчи. М., 1959, с. 135; Сергиевский М. В. Диалектологическая карта АМССР.— В кн.: Молдавские этюды. М.; Л., 1936, с. 88—101.

⁴ Курс де лимбэ молдовеняскэ литерара кантемпоранэ. Вол. I./Суб ред. луй А. Т. Боршч, Н. Г. Корлэтяну ши В. П. Соловьев. Кишинэу, 1956, п. 20.

⁵ Гринько Г. В. Лукраре асуправе темей «Куноштинць деобиште деспре лимбэ» ын класа VII.— Ынвэцторул Советик, 1952, № 3, п. 34—36; Гринько Г. В. Предаря темей «Граюриле лимбий молдовенешть».— Ынвэцторул Молдовей, 22.XI.1952.

⁶ Пиотровский Р. Г. Структурные схемы и типологическая классификация диалектов.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1963, с. 236—252.

⁷ Удлер Р. Я. Диалектное членение молдавского языка. Ч. 1. Кишинев, 1976, с. 35.

⁸ Чебан И. Д. Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина.— В кн.: Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина. Кишинев, 1951, с. 22.

на диалектологическая карта. Было установлено, что на территории Молдавии не существуют ярко выраженные диалекты, имеются лишь группы говоров. На диалектологической карте⁹ выражены границы говоров, изоглоссы и их переходные зоны. Все говоры Молдавии связаны между собой общностью многих черт, которые являются составными частями всего молдавского массива.

Таким образом, на территории Молдавии выделяются следующие территориальные подразделения по группам говоров: 1) **центральные говоры**, которые занимают территорию МССР и нескольких районов Одесской области, за исключением юго-западной части области, крайнего северо-запада и северо-восточных районов на левом берегу Днестра; 2) **юго-западные говоры**, которые включают говоры десяти населенных пунктов, расположенных в Вулканештском районе МССР, в Ренийском, Измаильском и Килийском районах Одесской области; 3) **северо-восточные говоры**, которые распространены на левом берегу Днестра в 8 населенных пунктах Каменского и Рыбницкого районов Молдавской ССР, а также Котовского района Одесской области. Переходные говоры бытуют в зоне, включающей населенные пункты Дубоссарского и Тираспольского районов левобережья МССР и Ананьевского района Одесской области; 4) **северо-западные говоры**, которые распространены в Бричанском районе. Переходные говоры расположены в Дондюшанском, Единецком и Рышканском районах Молдавской ССР, а также в нескольких населенных пунктах Новоселицкого района Черновицкой области. Эти говоры образуют своеобразный мост между буковинскими говорами, центральными и северо-восточными. Отдельные группы образуют говоры Северной Буковины, говоры восточной Украины, говоры РСФСР, Абхазской АССР, Казахской ССР и Киргизской ССР. Границы групп говоров, установленные по языковым причинам, обусловлены комплексом исторических причин¹⁰.

Употребление литературного языка в школе, на радио, в печати, на телевидении и кино, общение коренных жителей села с современной местной интеллигенцией и многое другое в последние десятилетия меняют границы языковых явлений. В речь молодого и среднего поколения проникают литературные варианты, и в то же время расширяется территория распространения особенностей говоров центрального массива. Так, наиболее типичные для северо-востока звуки *с*—*з* вместо литературных, *ч*, *в*, *ж*, *ж*, *ш* заменяются вариантами *ш*, *ж* характерными для говоров основного массива, «авторитет которых весьма высок в силу ряда социальных причин»¹¹. Такие же интерференции наблюдаются и

⁹ См. карту 17 из монографии Уэлера Р. Я. Диалектное членение...

¹⁰ Подробнее см.: Уэлдер Р. Я. Опыт группировки молдавских говоров на основе данных молдавского лингвистического атласа (АЛМ).— В кн.: Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973, с. 18—28.

¹¹ Уэлдер Р. Я. Інсемнэтатя материалелор Атласулуй лингвистик пентру студиеря лимбий литераре контемпоране ши а историей ей.— ЛЛМ, 1967, № 4.

в области лексики: узкодиалектные слова, бытующие в говорах северо-восточной группы, заменяются общемолдавскими, например: с"јола́н — кáрни, т"йты — пýни, пéкар' — брутáр', кузнéц — ковáл' — ш"ерáр', крýши — акопримýнт, без — лилијáк и др. Аналогичный процесс происходит и на юго-западе, где местные формы заменяются не литературными, а диалектными формами центрального массива. Например: чјурáшы — ш"ирéши, дж"јола́н — ш"јола́н, дж"јубéр, — ш"јубéр, ў́л' пи — һúлпи, паáр — пéháр, заáр — дзéháр, моóр — мohóр, пешк'ир' — штергáр' и др. Таким образом, в результате может происходить интенсивное нивелирование говоров. Исчезновению подвергаются сначала те особенности, которые более резко отличают соответствующие группы говоров от соседних. Все реже употребляются диалектные слова, типичные для определенной группы говоров, для определенной местности. «Впоследствии,— пишет Р. Я. Удлер,— усиливается тенденция к образованию единого типа территориальной речи. Особенности говоров центрального массива воспринимаются носителями окраинных групп говоров благодаря превосходству экономического, культурного и политического характера этой области, более развитой со всех точек зрения»¹².

Хочется отметить, что более пожилые информаторы будучи, естественно, менее грамотными, оказываются сегодня более консервативными в сохранении тех или иных диалектных особенностей своих родных говоров. Они меньше контактируют с носителями других говоров, не испытывают влияния литературного языка. Молодежь, напротив, находясь под влиянием школы, художественной литературы, печати, кино и т. д. лучше владеет литературным языком и сознательно старается устранять из своей речи характерные для своего родного говора особенности. Собирая антропонимический материал, мы лично столкнулись с тем, что диалектный язык находится под влиянием литературного языка и в значительной мере зависит от социальных, экономических и культурных преобразований, произошедших в нашей республике в последние десятилетия. Это было легко заметить в первую очередь при анкетировании представителей среднего возраста, которые делают различие между диалектными и литературными формами личных имен: «Даж"йд, ашé дзýш"им ной, цéрани, да ла кáрти сы скрýйи Давýд» или «Ч"йлип спун бэтрýни, да тýнери ну май спун ашé, ий Ш"йлип дзык». В некоторых говорах информаторы дифференцируют литературные и диалектные формы, употребляя оба варианта в зависимости от возраста того или другого индивидуума. В селе Кожушна Страшенского района информатор утверждал, что «Прош"ирáш сы дзýш"и дáк-ый н"ик, јар Профириáш — ла май маáри». Продолжая эту мысль, хочется подчеркнуть, что носители диалектного языка сознательно упот-

¹² Удлер Р. Я. Диалектное членение..., ч. II, с. 169.

ребляют литературные слова, отмечая при этом, что эти слова «ыс май деликáти», «май фрумоáси» или «кашá сы дзыш» ла карти¹³.

Диалектная система выступает как частная реализация общеязыковой системы, тем самым определяя ее зависимый характер. Говоря о самостоятельности языковой системы и зависимости диалектной системы, имеется в виду не генетический план, а общие тенденции развития системы. Вторым характерным признаком диалектной системы по сравнению с общеязыковой считается ее открытость, т. е. наличие общих звеньев у целого ряда диалектных систем. Открытый характер диалектной системы способствует проявлению ее третьей особенности — большей проницаемости по сравнению с системой языковой. Она наблюдается на всех уровнях диалектной системы, особенно в области лексики. Проницаемость — это возможность проникновения в данную систему элементов другой системы. Так, вместе с заимствованием предметов, инструментов, понятий были заимствованы и новые слова из диалектов контактирующих языков. Таким образом объясняется появление украинских и русских слов в восточных молдавских говорах, как *лисник*, *поезд*, *кипилюх*, *зараз* и др. или болгарских и гагаузских в юго-западных молдавских говорах, как: *пешк"ир'* (полотенце), *дам* (сарай), *френкь* (помидор), *гъол* (озеро) и др., или германских в говорах Буковины — *цуг* (поезд), *шпархáт* (печь) и т. д. Близость языковых систем диалектов вызывает определенный психологический эффект. Поскольку система диалекта часто более вариативна по сравнению с системой литературного языка, то всякое проникновение элемента другой диалектной системы воспринимается как фонетический или грамматический вариант собственной системы. Носители близкородственных говоров очень легко в процессе общения осваивают сходные языковые элементы, что и приводит в конечном счете к смешению говоров, диалектов.

Диалектный язык представляет собой систему диалектных микросистем и макросистем различных степеней. Диалектные различия в лексике многочисленнее, чем фонетические и морфологические различия. Слова характеризуются различным происхождением, продуктивностью, динамикой и стабильностью в языке. Диалектные слова составляют определенные диалектные системы, которые в свою очередь входят в систему общеноародного языка. В говорах одно и то же понятие или один и тот же предмет может иметь несколько названий, а, с другой стороны, одно слово может иметь в разных говорах различные значения¹⁴. Диа-

¹³ Об этих формах см. подробнее: *Комарнички В. А. Експресииле диалектале «май деликат», «май пи культуры», «май ын политикэ», «ын политикэ»*. — ЛЛМ, 1959, № 2, п. 72—73.

¹⁴ Подробнее о диалектных лексических различиях см.: *Диалектология молдавянскэ / Суб ред. луй Р. Удлер ши В. Комарнички. Кишинэу, 1976, п. 173—176.*

лективный язык по сравнению с литературным языком очень богат синонимами и словообразовательными формами: *картоф* — *бара-булэ, хандрабуркэ, кромпле*; *пэтлэжикэ* — *френкь, думадэ*; *ам терминат* — *ам мынтуит, ам гэтит, ам бетерит* и т. д. «Если для обозначения терминов, касающихся разновидностей вил, — отмечает В. К. Павел, — литературному языку известны лишь пять терминов (*фуркэ, фуркуцэ, фуркой, цэпой, цэпоеш*), то в говорах этой же системе реалий соответствуют двадцать лексем»¹⁵. Для обозначения подсолнуха в говорах было заанкетировано 18 лексических вариантов (*рэсэрітэ, сора соарелуй, фаца соарелуй, рэсэрита соарелуй, сорянкэ, пэлэдие, растосоль, сонишкэ, пэчоанкэ* и др.), а для обозначения верхушки подсолнуха аттестовано 35 слов (*кэпак, кэпэцынэ, тэрэбанэ, ташкэ, пэчоанкэ, соритэ, пэлэрие, кэчулэ, күшиэ, кашкет, кап, роатэ, ротицэ, ротолугэ, туртэ, плэчинтэ, тава, таблэ, вешкэ, вешкэлие, талжер* и др.). Здесь можно также отметить, что в говорах такое богатство вариантов характерно и для антропонимов. Так для личного имени **Мария** было собрано около 80 разных антропонимических единиц (*Мэриуца, Мэриоара, Мэриука, Мэририка, Марика, Маричика, Марчика, Рика, Чика, Маша, Машка, Мэшуца, Мэшука, Машенка, Шуца, Шука, Маруся, Марусика, Маруселу, Марусинка, Сика, Марусел* и т. д.), для имени **Ион** — более 100 (*Ионикэ, Ионел, Ионети, Ионицэл, Ионуц, Ионуш, Никэ, Нелу, Нелуку, Нелукэ, Нелуц, Нелуцу, Оникэ, Онел, Онуцэ, Оничел, Никуцэ, Оня, Онуш* и т. д.). Хочется отметить, что по сравнению с литературной антропонимией в говорах бытует очень много различных вариантов и для более новых имен, употребляемых в последнее время (*Светлана — Света, Светуня, Светуца, Светика, Светуля, Светука, Светушка* и др., *Татиана — Танюша, Танюца, Тэника, Тэнел, Тэнуш, Танця, Таничка* и др., *Аурел — Аураш, Ауренцу, Аурикэ, Аурелуш, Релу, Релукэ, Релуц, Рику, Рикуня, Рикушор, Рикэ, Рикуцэ, Аурелу* и т. д.), большинство которых еще неаттестовано словарями.

Диалектный язык является источником обогащения литературного языка. Это видно из последних словарей молдавского языка, в которые включены самые распространенные местные лексемы: *адэпэтоаре, алэмые, а анина, анцэрц, боя, брынкэ, брэкаче, булихар, а бурика, вазон, а грэи, гужь, гутунар, желишите, а зэтри, кикэ, килдурь, а кихоти, лампак, мэхалэ, опалкэ, скыртэ, талагир* и др. Диалектизмы, употребляемые писателями, служат, во-первых, для локализации действия, а во-вторых, они характеризуют социальное происхождение того или иного персонажа. В этом смысле очень удачно употребляют диалектизмы *Ана Лупан, Ион К. Чобану, Ариадна Шаларь, Ион Друцэ* и др. В их произведениях можно найти такие лексемы, как *межэ «граница, край*

¹⁵ Павел В. К. Терминология агрислов словаря молдовеняскэ. Кишинэу, 1973, п. 142.

огорода», лампак «кирпич», тэрпан «вид топора, которым режут камыш», кацавейкэ «вид кожуха», торанжину «желтый цвет», зэморыт «голодный», скрынгизэ «селедка», туца «уменьшительное имя для отца», шокэйт «хромой», фрэсуете «ломается (о человеке)», коплеш «верзила», точитоаре «кувшин для вина», трахнэ «болезнь» и др.

Диалекты ограничены в территориальном отношении: у каждого диалекта своя определенная территория. Этим объясняется употребляемый по отношению к ним термин «территориальные диалекты» или «говоры» (а также «местные говоры», «местные народные говоры», «областные говоры»), посредством которого их противопоставляют социальным диалектам, говорам. Социальные диалекты обычно в территориальном отношении не ограничены — они по преимуществу являются достоянием крестьян-колхозников. Однако практически такое противопоставление не влечет за собой особых неудобств, так как социальные диалекты — это прежде всего арго, профессиональные и разного рода специальные языки. Н. А. Мещерский предлагает называть их не социальными диалектами, а «специальными» или «условными языками»¹⁶.

Территориальные и социальные диалекты отличаются друг от друга еще тем, что характерные особенности территориальных диалектов касаются фонетики, морфологии, синтаксиса, а также лексики и фразеологии, в то время как особенности социальных диалектов охватывают главным образом факты лексики и фразеологии. Арго и жаргоны, пишет В. Д. Бондалетов, включают в свой словарный состав условную лексику, известную только членам данной социальной группы¹⁷.

Необходимо иметь в виду часто встречающуюся неоднородность говора села, его социально-языковую дифференциацию. Эта дифференциация имеет глубокие исторические корни. Диалекты как таковые восходят к феодальному и дофеодальному периоду. Уже в эпоху капитализма, не говоря (применительно к нашей стране) об эпохе социализма, диалекты являются категорией пережиточной: они уже не обусловлены общественно-экономическими условиями, а напротив, продолжают существовать, несмотря на новые условия, которые вызывают к жизни процессы их постепенного разложения, деформации, нивелирования, приближения к литературному языку.

При этом влияние литературного языка обычно распространяется неравномерно на говоры разных населенных пунктов и социальных групп местных жителей в пределах одной территории. Оно распространялось прежде всего по основным, важным для

¹⁶ См.: Русская диалектология / Под ред. проф. Н. А. Мещерского. М., 1972, с. 11.

¹⁷ Бондалетов В. Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Л., 1966, с. 3.

экономики страны путем сообщения. Чем теснее экономические и культурные связи данной местности с административным, экономическим и культурным центром, тем сильнее обычно влияние языка центра на соответствующие говоры.

Влияние литературного языка может быть неравномерным не только по отношению к разным территориям, но также и по отношению к разным социальным группам населения одной и той же территории, одного населенного пункта.

Материалы «Молдавского лингвистического атласа» свидетельствуют о том, что в ряде населенных пунктов продолжает существовать дифференциация форм и значений, обусловленная социальным положением их жителей¹⁸. В Молдавии с конца XVI в. кроме селений царан-крестьян¹⁹ существовали села рэзешей, села мазылов и др. Рэзеши были мелкими феодалами, имели свои земли и пользовались некоторыми привилегиями. Также привилегированным было и сословие мазылов²⁰. Для МЛА были исследованы более 40 сел, в которых в настоящее время живут бывшие рэзеши, мазылы и др²¹. Речь бывших рэзешей и мазылов отличается и в настоящее время от речи бывших царан, проживающих в одних и тех же селах, особенно в селах Нишканы Каларашского района, Мошены Рышканского района, Стойканы Сорокского района и др. Она была ближе к литературной, потому что большинство рэзешов было грамотным. Рэзешы держали связь с городом, старались отличаться от крестьян²². Приведем несколько примеров из речи рэзешей, мазылов в соотношении с примерами из речи царан:

Рэзешы	Крестьяне
чш"ин	ш"ин
мёркув	мёркож"
кавалёр ди ӯонӯа́ри	ворниш"ёл
домниш"оáры ди ӯонӯа́ри	дрӯшкы
бунёл	тэтӯкы, тэтӯкы
буникы, ненјакы	мýкы, мэмўкы

Интересно также отметить, что в бывших рэзешских селах сохранились старые календарные личные имена, меньше обычного употребляются новые личные имена. В этих селах можно встретить такие старые имена как: *Петрунеля, Епистимия, Маврикия, Анфилофий, Елифер* и др. Проблема социальной дифференциации в молдавских говорах остается пока мало изученной.

¹⁸ Удлер Р. Я. Диалектное членение... ч. II, с. 170.

¹⁹ История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965, с. 100—105.

²⁰ Анцупов И. А. Государственная деревня Бессарабии в XIX веке (1812—1870 гг.). Кишинев, 1966, с. 43—44.

²¹ Удлер Р. Я. Диалектное членение... ч. II, с. 171.

²² См. подробнее Мелник В. Унеле партикуларитец социале але граюрилор молдовенешть (пе база материалелор АЛМ).—ЛЛМ, 1979, № 2, п. 46.

В наши дни наблюдается естественное различие между речью отдельных общественных прослоек населения современного села в зависимости от возраста, профессии и даже пола носителей говоров. Условия развития современных молдавских говоров, которые находятся под постоянным влиянием литературного языка через посредство школы, печати, радио, телевидения и т. д., создают предпосылки для нивелирования говоров и их приближения к литературному языку. Однако литературный язык влияет на диалектный язык неравномерно, бывает, что в одном и том же селе одни группы населения в большей степени приобщаются к нормам литературного языка, чем другие. Речевые вариации в устах наших современников точнее всего охватываются понятием «полудиалект»²³, занимая промежуточное положение между традиционным территориальным диалектом и литературным языком нации. Такие вариации должны стать предметом детального исследования.

---

²³ Подробнее о «полудиалекте» см.: Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965, с. 7 и 10.

ГЛАВА IV

*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Известно, что потенциально структура любого языка содержит в себе возможность развить все функциональные стили и образовать функционально-стилистические системы¹. Тем не менее, этот процесс определен многими внешними факторами, поскольку реализация такой возможности зависит в первую очередь от социально-исторических условий развития языка. Доказательством тому является тот известный факт, что у таких древних языков, как санскрит, готский, древнеанглийский, старославянский, древнеармянский, древнегрузинский и других имелись большие внутриструктурные возможности для создания терминологии во всех областях знания. Однако этого не произошло по той простой причине, что социальное развитие в конкретное историческое время не достигло необходимого уровня для создания соответствующих сфер общественной деятельности.

Логически и фактически вытекает положение о том, что решающую роль в дифференциации языка и образовании различных функциональных стилей играют социальные потребности общества, которые, в свою очередь, обусловлены эволюцией самого общества, его жизнью, наличием целого ряда общественно-политических и культурных учреждений. При этом необходимо подчеркнуть, что общество в данном случае влияет на язык не непосредственно, а через общественные функции, поскольку определенные сферы общественной деятельности создают конкретные предпосылки образования функционального стиля, что обуславливает и некоторые внутриструктурные изменения языка. Так, при наличии социальных условий развития науки образуются терминологические пласти лексики, появляются определенные синтаксические конструкции и фразеологические единства, свойственные научному функциональному стилю. Внешние факторы непосредственно влияют не только на возникновение и развитие

¹ Вероятнее всего можно утверждать, что в микроструктурах любого языка, даже самого консервативного, заложена потенциальность его функционально-стилистической дифференциации, которая может реализовываться только в зависимости от условий функционирования языка.

функционально-стилистической системы, но детерминируют и само ее существование. Однако при всей важности внешних факторов общая композиционная структура² функциональных стилей не ограничивается их воздействием. Внутриязыковые процессы играют не меньшую роль и поэтому их следует учитывать при изучении функционально-стилистической дифференциации. Следовательно, лишь объединение двух аспектов: **языкового и внеязыкового**³ может дать полное представление о динамике и движении самого процесса функционально-стилистической дифференциации в пространстве, во времени и в социуме, поскольку все особенности функциональных дифференциаций языка, в том числе и стилистических, происходят не сами по себе, а в определенной исторической среде.

Принимая во внимание вышесказанное, функциональный стиль (как единица функционально-стилистической дифференциации) рассматривается нами одновременно как **языковая и социально-историческая** категории.

Однако при определении самого понятия «функциональный стиль» подавляющее большинство лингвистов выносят на первый план языковые признаки функционального стиля⁴, не акцентируя внимания на внеязыковые факторы его развития, в связи с чем Л. Д. Шагдаров считает, например, что недостаток определений функционального стиля кроется в том, что в них не «указана зависимость формирования стилей и стилистической дифференциации от экстралингвистических факторов (содержания, цели, задач общения, общественных сфер употребления данного стиля)»⁵. М. Н. Кожина также полагает, что изучать, объяснять и понимать стилистические явления невозможно без обращения к экстралингвистическим фактам⁶.

Некоторые лингвисты, сознавая двойственную природу (языковую и внеязыковую) функционального стиля, находятся в за-

² Под термином «композиционная структура» функциональных стилей мы подразумеваем совокупность присущих данной системе закономерностей, определяющих форму и поведение системы в целом, а также предполагающих образование определенных лингвистических моделей, складывающихся в языке в результате специализации языковых средств.

³ Эта проблема является, по определению Г. В. Степанова, «одной из сложных проблем теоретического языкоznания» (Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976, с. 63).

⁴ См.: Матезиус В. Язык и стиль.— В кн.: Пражский лингвистический кругок. М.: Прогресс, 1967, с. 463—464; Горнунг Б. В. Несколько соображений о понятии стиля и задачах стилистики.— В кн.: Проблемы современной филологии. М.: Наука, 1965, с. 89—90; Пиогровский Р. Г. Очерки по стилистике французского языка. Морфология и синтаксис. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960, с. 19; Семенюк Н. Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. М.: Наука, 1972, с. 46; Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975, с. 82.

⁵ Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1974, с. 11.

⁶ См.: Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968, с. 140—142.

труднительном положении при определении данного явления. «Не ясно,— пишет, например, Б. Н. Головин,— нужно ли искать существенные признаки стиля в области языковой структуры или же, в первую очередь, в сферах ее функционирования»⁷.

Дело в том, что отношения, складывающиеся в языке, в результате взаимодействия внутренней структуры с внешними факторами сложны и неоднозначны. Таким образом, понимание функционально-стилистической дифференциации языка должно быть многоаспектным и разносторонним, что, в свою очередь, позволило бы: а) выявить социально-историческую обусловленность становления и развития функционально-стилистической системы данного языка; б) проследить количественные и качественные изменения различных функциональных стилей на различных исторических этапах существования языка; в) установить преемственность в развитии отдельных функциональных стилей.

Функциональный стиль рассматривается в данной работе как социально-историческая и языковая категория, сложившаяся на базе отдельных «функциональных жанров», которые являются более ранними функциональными образованиями и в некоторых случаях предшествуют становлению литературной формы языка. Понятие «функциональный жанр» вводится в научный обиход в связи с тем, что утвердившееся в современной лингвистической литературе понятие «функциональный стиль» не может быть отнесено ко всем историческим периодам и ко всем языкам. Понятие «функциональный жанр» в отличие от понятия «литературный жанр» мы относим к лингвистике; оно отражает первоначальное использование языка в определенной, сравнительно узкой сфере человеческой деятельности и включает в себя класс текстов, которые имеют одинаковое назначение⁸.

С точки зрения генезиса функциональный жанр предшествует функциональному стилю. Более того, при рассмотрении вопросов, касающихся развития функционально-стилистической системы в ретроспективном плане, целесообразнее говорить не о функциональных стилях в современном понимании этого термина, а об отдельных функциональных жанрах и видах письменности, которые в отличие от стилей более близки к конкретным текстам. Возможно, выделение отдельных функциональных жанров, для которых свойствен поиск специализированных средств в условиях возникновения новых сфер человеческого общения может быть одним из стимулов развития литературной формы языка. Таким образом, можно допустить, что функциональный

⁷ Головин Б. Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971, с. 119.

⁸ Так, при изучении древнемолдавских источников обнаружено, что отдельные функциональные жанры появляются до установления литературной формы в языке этого периода. Юридические документы, официально-деловые бумаги, частные письма, книги религиозного содержания функционально дифференцированы, они отличаются как по содержанию, так и по языковому оформлению (использованию определенных синтаксических моделей, стилистических формул и т. д.).

жанр как более частное по отношению к стилю образование возникает на более раннем историческом этапе дифференциации языка и в определенной степени содействует становлению его литературной формы.

Следовательно, функциональный жанр появился в результате социальной необходимости. Единые модели текстов, их однаковое назначение, целенаправленный способ отбора и использования языковых средств в этих текстах — таковы наиболее специфические черты этой функциональной единицы языка.

Функциональный стиль сложился исторически на базе нескольких функциональных жанров. Гипотетически процесс образования функционально-стилистической системы можно представить следующим образом: в результате дифференциации языка, обусловленной социальными потребностями, в языке образуется один функциональный жанр (возможно и несколько); затем по мере развития общественных функций языка их количество увеличивается. Совокупность нескольких близких по своей функциональной направленности жанров образует функциональный стиль. И только при стабилизации в языке определенного количества функциональных стилей можно говорить о наличии функционально-стилистической системы (см. рисунок).

Примерная схема образования функционально-стилистической системы (Σ — сумма)

Однако несмотря на то, что «аранжировка» компонентов в схеме выглядит вполне последовательно, все же такая схема не является универсальной для всех языков, поскольку в каждой конкретной социоситуации число функциональных элементов будет различным⁹.

* * *

Вопрос о функционально-стилистической дифференциации, о значимости стилей и, следовательно, о наличии функционально-стилистической системы следует рассматривать с учетом истории каждого конкретного языка, поскольку каждый язык развивается в конкретных социально-исторических условиях и обладает определенными внутриструктурными возможностями.

Современный молдавский язык имеет развитую систему функциональных стилей, уходящих своими корнями в далекое прошлое. В средние века в период возникновения и развития феодализма, особенно после образования феодального Молдавского государства в XIV в., началось ведение многоотраслевого хозяйства, которое вызвало потребность в новых формах общения между людьми. Однако к этому времени не все формы существования молдавского языка были достаточно развитыми. Так же не произошла еще функционально-стилистическая дифференциация молдавского языка.

В результате исторически сложившихся связей молдавского народа со славяноязычными народами старославянский язык, обладающий развитой по тому времени функционально-стилистической системой, начал использоваться в сферах культа, внутренней и внешней дипломатии, а также в деловой и административной областях¹⁰.

Употребление старославянского языка в качестве литературного явилось своего рода школой для восточнороманских языков, подготовив почву для возникновения и развития письменной разновидности их литературных форм.

Первоначальное функционирование старославянского языка в различных сферах жизни молдавского народа сыграло также положительную роль в том, что в становлении функциональных жанров, а затем стилей молдавского языка моделью их композиционной структуры послужили соответствующие жанры и стили старославянского языка. Следует также отметить, что в результате языковых контактов между восточнороманскими и славянскими народами восточнороманские языки получили готовый алфавит, который благодаря богатым возможностям изо-

⁹ Так, в условиях двуязычия и многоязычия в нашей стране социальная роль каждого национального языка сочетается с ролью языка межнационального общения. Поэтому в некоторых сферах общественной жизни наряду с национальным языком употребляется русский язык, который влияет как на развитие функционально-стилистических систем, так и на их внутриструктурное развитие.

¹⁰ Ильяшенко Т. П. Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. М.: Наука, 1970, с. 24—25, 79—101.

брожать звуки языка на письме почти не нуждался в переработке. Вместе с алфавитом молдавский язык заимствовал и письменную традицию, а также модели ряда функциональных жанров и стилей.

В XVI в. на молдавский язык переводятся священные писания Нового и Ветхого заветов, жития святых, богослужебные книги, среди которых самыми известными являются «Псалтирия Шкейнэ» (Шкейская псалтырь), «Кодичеле Воронецан» (Воронецкий кодекс) и др. Их язык архаичен, перевод дается дословный, порядок слов в предложении соблюдается как в оригинале. Однако употребление новых слов и словосочетаний, а также форм и структур при попытке передать абстрактные религиозные мысли сыграли положительную роль в первоначальной обработке молдавского языка и в его стилевой дифференциации. Введение с XVII в. молдавского языка в богослужение вместо церковнославянского потребовало перевода культовой литературы, которая получила большое распространение также в качестве дидактического материала при обучении чтению и письму в монастырских школах, то есть можно утверждать, что подобная литература выполняла определенную практическую роль. Видный ученый богослов Варлаам, издавший в 1643 г. первую книгу на молдавском языке, пишет: «...количество людей, понимающих смысл святых писаний (на славянском языке — Т. Р.), уменьшается, и поэтому я попытался сделать святое писание понятным и начал писать на родном языке, чтобы каждый смог понять и учиться...»¹¹.

Введение в богослужении молдавского языка вместо церковнославянского означало существенную переориентацию в области церковной языковой политики. Одновременно молдавский язык должен был стилистически приспособиться к новой для него функции. Начинаются поиски создания и совершенствования новой формы языка — литературной, базового элемента для образования ряда функциональных стилей. В этот процесс вовлечены не только ученые-богословы, но и переводчики, а также ряд государственных деятелей. Таким образом, «в результате сознательного воздействия общества на язык»¹², в XVII в. происходит отмежевание литературной формы (в ее первоначальном виде) от разговорной формы и местных говоров, хотя разграничение между этими формами носит во многом еще условный характер.

Деловые документы представляют собой самую массовую разновидность письменных памятников в Молдавии. Еще в середине XVI в. при господаре Петре Шкьюпу молдавский язык вводится в господарскую канцелярию. В целом молдавская деловая письменность второй половины XVI в. предстает перед нами как развитая и сложная система документов, разнообразных по целевому

¹¹ *Bianu I., Hodoș N. Bibliografia românească veche (1508—1830)*, v. I. Buc.: Edițiunea Academiei române, 1903, p. 140.

¹² Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 338.

назначению и своей значимости. В языковом отношении их объединяет подчинение общей модели, принятой в то время при написании всякого рода деловых бумаг.

Однако языковые данные из деловой письменности не привлекаются исследователями по исторической лексикологии, фонетике, грамматике, в результате чего деловой язык XVI—XVIII вв. изучен недостаточно. Эти данные не явились также предметом историко-стилистического исследования, то что затрудняет, в свою очередь, построение общей теории образования и развития молдавского литературного языка.

Юридический функциональный жанр в Молдавии складывался на протяжении многих столетий. Вплоть до XVII в. почти безраздельно господствовало неписаное право «обичеюл пэмынтулуй» (обычай земли). Был также в ходу славянский перевод византийского свода законов, известный под названием Синтагмы Матвея Властаря. Первый кодекс законов, написанный на молдавском языке «Правила риторулуй Лукач», или «Правила де ла Путна» (Уложение ритора Лукача), датируется 1581 годом. Книга осталась в рукописи и, поэтому не получила большого распространения. Однако мы можем проследить процесс становления юридической терминологии, для которой использовались различные источники: а) латинский элемент: *фийастру* < лат. *filiaster*, *шерб* < лат. *servus*, *карте* < лат. *charta*, *черка** < лат. *cīcagē*, *кунтени*** < лат. *continēre* и др.; б) славянский элемент: *нэйми* < < ст. сл. *нанимати*, *очинэ* < ст. сл. *отчинъ*, *олтариу* < ст. сл. *ольтар*, *сэмэшлуи* — < ст. сл. *съмъшлати*, *степенэ* < ст. сл. *степен*, *свиток* < ст. сл. *свитокъ* и др.; в) также термины, образованные на собственном языковом материале: *бунэтате*, *кэутаре*, *чертаре****, *сментялэ***** и др. В тексте используются юридические формулы типа: *диреп ачел кум дэисем* или *майнте*, *диреп че ау ынтребат* и др.

К концу XVI столетия зарождается эпистолярный жанр. По традиции письмо состоит из трех частей: начало и конец письма выражены стилистическими формулами, содержание письма написано по большей части произвольно. Модель (образец) письма заимствовалась из старославянского языка.

Отдельным функциональным жанром этого периода является жанр светского романа (роман популар). На молдавский язык переводится ряд средневековых романов: «Александрия», «Флоаря дарурилор» «Варлаам ши Иоасаф», «История луй Бертолдо», «Повестя философулуй Сандипа» («Александрия», «Пчела», «Варлаам и Иоацаф», «История Бертолльдо», «Рассказ о философе Сандипе») и др.

* Слово *черка* употребляется в значении «пытать, спрашивать».

** Слово *кунтени* употребляется в значении «запретить».

*** Слово *чертаре* употребляется в значении «наказание».

**** Слово *сментялэ* употребляется в значении «жалоба».

Переводная литература сыграла важную роль в становлении литературной формы молдавского языка, поскольку в процессе работы над переводом осуществлялся поиск и выбор определенных семантико-сintаксических структур. По-видимому, это явление закономерно и для русского языка, так как А. И. Соболевский считал, что «переводная литература в древней Руси имела гораздо большее значение, чем оригинальная. Она была несравненно богаче чем оригинальная»¹³.

Кроме того, в процессе перевода в текст включались молдавские пословицы, поговорки, отдельные легенды. Благодаря своеобразной адаптации многие фрагменты произведений запоминались и передавались из уст в уста.

Богатство и разнообразие словарного состава, употребление живописных сравнений, выразительность диалогов, пластичность выражений, простота синтаксиса — все это выделяет светские романы среди функциональных жанров XVII—XVIII столетий. Предложение (фраза) строится свободно, естественно, в отличие от тяжеловесных фраз религиозных писаний, летописей и юридических документов. Пример из романа «Флоаря дарурилор» — *Ши поць сэ асемень ынтристаря пре корбу, пентру кэч ынд веде пуй луй кэ сэ наску албъ, сэ скырбеште атыта, ыт фуже ши-й ласэ, кэ ну креде кэ сынт ай луй, пентру кэч ну сынт негри ка ши ел ши ну-й плак пынэ ну фак пене негре* содержит не только пластичное живописное сравнение «пенали» с «черным вороном», но отличается также изяществом и совершенством формы. Использование придаточных предложений, соединенных сочинительным союзом *ши* (и) приближает данное предложение к синтаксической точке зрения к разговорной форме языка, обеспечивая тем самым легкость восприятия мысли.

В XVII—XVIII вв. развивается деятельность целой плеяды талантливых молдавских летописцев и просветителей: Гр. Уреке, Мирона Костина, Иона Некулче, Дим. Қантемира, среди которых Гр. Уреке является по утверждению Е. М. Руссева «открывателем дорог в молдавской историографии XVII—XVIII вв.»¹⁴.

Их работы способствовали появлению нового функционального жанра — историографического. Эти произведения создали новое направление в развитии оригинальной литературы того времени. Сами летописцы в большой мере содействуют обработке письменной (книжной) разновидности молдавского литературного языка. С точки зрения языковой большой удельный вес в предложении занимают существительные и числительные. Текст изобилует антропонимами и топонимами. Все это придает их произведениям книжный характер.

Ср.: *Октоарие 9 дзиле, в лято 7104 (1595), ау сосит Замойский*

¹³ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. V.

¹⁴ Руссев Е. М. Премизеле кронографией борешть ын Цара Молдовей.— ын: Черчетэрь де историе литерарэ. Кишинэу, 1978, п. 9.

ла Цуцора ку ошиле луй ши а доа дзи дупэ соситул луй Замой-
ский, октоворие 10, с'ау вэдзут ши стрэжиле тэтэрэшть, октоворие 11 ау сосит ши сингур ханул ку тоатэ оастя (Мирон Костин. Летописецул Цэрий Молдовей де ла Аарон-водэ ынкоаче, с. 74).

В предложении из 36 слов — 21 выпадает на долю существительных и числительных.

Таким образом, молдавский язык, приспосабливаясь в течение XVII—XVIII вв. к новым для него функциям, образует такие функциональные жанры, как административно-юридический, историографический, религиозной литературы, народного рассказа, эпистолярный, представляющие собой основу некоторых функциональных стилей. Этим заканчивается первый этап в функционально-стилистической дифференциации молдавского языка.

Второй этап — возникновение функциональных стилей — протекал на базе ряда сложившихся ранее функциональных жанров, и датируется нами более поздним периодом. Отдельные функциональные стили начинают появляться только в конце XVIII — нач. XIX вв. Следовательно, функциональный стиль в нашем понимании выступает как гетерогенное образование, состоящее из многих компонентов, представленных функциональными жанрами.

Этот этап связан непосредственно с количественными и качественными изменениями в языке. Такие изменения в функциональных системах молдавского языка XVIII — нач. XIX вв. обусловлены прежде всего расширением общественных функций молдавского языка. В связи с этим происходит дальнейшая дифференциация языка по формам существования и функциональным стилям, наметившаяся в предшествующие исторические периоды. На протяжении XVIII—XIX вв. появляются новые функциональные жанры (научно-популярный в XVIII в., учебный в конце XVIII в., газетный в XIX в.), складываются предпосылки образования стиля художественной литературы, оформившегося к середине XIX в. Параллельно формируются терминологические системы языка науки, публицистики, совершенствуется юридическая и официально-деловая лексическая системы. В XIX в. количественный рост функциональных стилей приводит в свою очередь к качественному изменению экзистенциальной системы¹⁵, к образованию литературной формы языка. Она становится ведущим звеном в системе экзистенциальных форм и является основным компонентом национального языка. Требования к литературной форме языка национальной эпохи определяются возросшими потребностями со стороны общества. Эта форма призвана обслуживать все (или большинство) сфер общественной жизни: образование и общественно-политические сферы, официально-деловую и юридическую, развивающиеся области науки и средства массовой коммуникации, литературу и искусство.

В XVIII в. наравне с существующими функциональными жан-

¹⁵ Здесь и далее употреблен термин «экзистенция» в качестве синонима к термину «существование».

рами появляется учебный жанр. Важным моментом в становлении учебного жанра сыграли работы Ам. Хотиниул-а, который издал «Де общте географие пе лимба молдовеняскэ, скоасэ де пе география луй Буфиер.— Яссы, 1795» (Общая география на молдавском языке, переведенная с географии Буфиера), «Граматика теоложичаскэ, скоасэ ын лимба молдовеняскэ де пе богословия луй Платон, архиепископул де Москва, ши де пе алте кэрць бисеричешть. Яссы, 1795» (Теологическая грамматика на молдавском языке, составленная по богословию московского архиепископа Платона и по другим церковным книгам). Он также написал работу «Граматика дела ынвэцтура физичий» (Грамматика о физических явлениях), которая осталась в рукописи.

Во всех своих работах Ам. Хотиниул стремился изложить и прокомментировать в доступной форме новейшие достижения науки того времени. Его сочинения имеют большое значение, поскольку они позволяют проследить процесс становления научных, научно-популярных и учебных терминов. При заимствовании научных понятий автор перенимает также и термин, которому дает научное объяснение. Ср.: *топографие — адекэ скрисоаря локулуй* — (топография, то есть описание местности), *хорографие — адекэ скрисоаря де сате ши четэць* (топонимия, то есть описание сел и крепостей), *оризон — локул үнде апуне соареле* (горизонт — место, где заходит солнце) и др. В отношении основного термина *географие* автор пишет: *Географие, есте кувынт греческ, алкэтут дин доавы кувинте, ги, ши, графие, каре ын лимба ноастрэ алтэ ну зиче фэрэ де кыт, скрисоаря пэмынтууй* (Ам. Хотиниул. Де общте географие..., с. I—V).

Однако в XVIII столетии появляются только элементы научной терминологии. Обширная научная литература на молдавском языке появляется лишь в XIX веке. В 1837 г. издается книга Д. Чихака «История натуралэ». В конце ее дана «Скара кувинтэлор» (Таблица слов), в которой приведены такие термины, как: *амальгам, антрацит, аметист, апатит, арсеник, титан, полигамия, полипе* и др. Кроме того, автор поместил в этой таблице различные научные терминологические сочетания типа: *анималеле артикулате* — (сочлененные животные), *анималеле вертебрате ку сынже калд* — (позвоночные теплокровные животные), *анималеле пробосцидате* — (хоботные животные) и др. (Д. Чихак. История натуралэ, 1837, с. 484—507). Каждый термин и терминологическое сочетание сопровождается указанием страниц, на которых они встречаются в тексте. Книга имела не столько научное, сколько практическое значение, поскольку материалы использовались в учебных целях.

Синтаксическое построение предложения в научных и учебных текстах соответствует в общих чертах нормам современного молдавского языка, то есть в предложениях соблюдается естественный для молдавского языка порядок слов.

Ср.: *Асия, есте ашэзатэ ынтрэ екфатор, ши ынтрэ 10 граде де*

лэциме, купринзынд нумай Асия чя маре, фэрэ де Асия чя микэ ачаста аре пүчин ын лэциме, ши хотэрындушь деспре мяэз ноапте, ку колфул персианул, ши деспре рэсэрит ку окянул Индианеск, ши деспре апус ку Ефиопия... (Ам. Хотиниул, цит. раб. с. 21); или Арсеник сэ гэсече натив, апой ымпреунат ку газ оксигеник, ка Ацид арсеникал, прекум ши ынпреунат ку сулфур ши ку фелюри-те металурь. Ачсте минералий арсеникале сэ десфшинцазэ прин ардере ши дау үн мирос ка де устурой (Д. Чихак, цит. раб., с. 452); или: *Ымбэрынит ын мижлокул бэтэлийлор ши а лүптель-лор политиче, лүүнд аминте асупра стэрий ымпрежю а Европий, ел* (Стефан Великий — Т. Р.) ну ш'ау тэгэддүйт примеждшиле де каре патрия аве сэ се ымпресоаре дүпэ а са моарте дин партя нацийлор ынтардате ши ын атыте ындуурь де дынсул эмерите, ши май алес дин партя турчилор карий супусэсэе акум пе Унга-рия (Г. Асаки. Дескриптив луй ага Г. Асаки дин история Молдо-вой. Яшь: Албина, 1834, с. 3).

Наличие большого числа существительных с абстрактным значением, употребление терминов, широкое использование причастных и герундиальных оборотов определяют научную функционально-стилистическую направленность текстов.

Известно, что еще в XVIII в. были составлены три словаря на молдавском языке, а в первой половине XIX в. издается «Дикционар славяно-молдовенеск» (Славяно-молдавский словарь), составленный монахом Андроником из монастыря Ноул—Нямц (близ села Кицканы, Бендерского уезда). В 1840 г. в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук печатается работа Я. Гинкулова «Собрание сочинений и переводов в прозе и стихах для упражнения в валахо-молдавском языке». Во второй части работы имеется молдавско-русский словарь, в который включены около 4000 слов.

Рассматривая качественные изменения функционально-жанровой системы молдавского языка, необходимо подчеркнуть, что в XVIII—XIX вв. свое дальнейшее развитие получили юридический и официально-деловой функциональные жанры, приобретая качество функциональных стилей.

Во всех сводах законов наблюдается употребление определенных формул, свидетельствующих о том, что стиль написания такого рода документов полностью утвердился в языке.

Ср. 1) *Сэ сечере тог союл де пыне сау де ин үн ом ынтро зи де* *понт 16 прэжинь, сау сэ косаскэ 20 прэжинь, ку карату ши ку* *клэдиту ла локул үнде се ва ымблэти, каре требуи сэ фие ку* *апропиере де царинь де үнде сэ стрынже пыня ши ну май депар-те де дой версте. 2) Сэ факэ мошиноае ла картоафе сэмэнате пе* *лок де доуспрезече пражинь үн ом ынтро зи де* *понт. 3) Сэ опре-ще стэпынул мошией де а ынтребушца пе цараний ла лукру ын* *зиле де сэрбэторь сау а чере, ка тоате 12 зиле, кувините луй дүпэ* *понтурь сэ сэ лукрезэ ындатэ* (Цит. по «Контрактул нормал», 1846, сс. 25, 29, 41).

Новым по времени своего возникновения явился газетный функциональный жанр, положивший начало развитию публицистического функционального стиля в молдавском языке XIX в.

При более близком рассмотрении с точки зрения исторического развития этого стиля выявляется, что возникший как отдельная функциональная единица в функционально-стилистической системе языка, он с самого начала выполняет определенную общественную функцию, четко разграниченную от других, а именно — функцию воздействия на формирование общественного мнения. Основным принципом, на котором строится публицистический стиль, является принцип информативности.

Первое публицистическое издание в Молдавии вышло на французском языке (см.: *Courier de Moldavie*). Появление публицистических материалов на молдавском языке совпадает с началом издания в XIX веке ряда газет: «Албина Ромыняскэ», «Дачия литерарэ», «Пропэширя» и др.

Поскольку «язык журналистики испытывает нужду в определенном запасе различных формул (фраз)»¹⁶, то и на примере молдавского языка можно проследить, как с самого начала возникновения публицистического стиля в языке вырабатываются четко оформленные клише, используемые почти в каждом номере газеты. Такие фразы можно назвать «дежурными», то есть готовыми к употреблению в любой необходимый по тексту момент. Традиционным для информационных материалов является указание места и времени события, для чего используются определенные формулы типа: *супт титлу де/супт нуме де; прин рапортул дин... се ынштиинцяэ, кэ...; ынштиинцэрь де ла... аратэ кумкэ; официал сэ ынкрединцазэ, кэ; сынтем ымптерничиць де а адуче ла коноштинца публикэ и др.* (Албина Ромыняскэ, 1831, 4 октября.). Именно в публицистике происходит оформление модели информационно-скжатого предложения, в котором соблюдается определенный порядок слов. Ср.: *Конгресул Национал, ын Сесиа са дин 22 май, ау алес пе принцул Леополд де Сазен-Кобург де Краю а Белжилор* (Албина Ромыняскэ, 1831, 23 июня).

Безусловно, публицистический стиль в XIX в. окончательно не установился. Настоящее развитие он получил только в советский период и занимает одно из ведущих мест в иерархической системе функциональных стилей молдавского языка.

На протяжении XVIII—XIX вв. качественно новые черты приобретает жанр светского романа. Берут начало новые литературные жанры: поэзия, проза, драматургия. Появляется целая плеяда молдавских поэтов и писателей, чьи имена связаны с утверждением литературной формы языка: Г. Асаки, М. Когэлничану, В. Александри, М. Эминеску, И. Крянгэ, А. Донич, К. Стамати, К. Негруци, А. Руссо, Б. П. Хашдэу и др.

Эти различные литературные жанры объединены в одну функционально-стилистическую систему благодаря единой обществен-

¹⁶ Гавранек Б. Указ. соч., с. 363.

ной функции, выполняемой художественной литературой, а именно функцией воспитания эстетического восприятия мира.

На третьем этапе развития функциональных стилей молдавского языка, в период установления новых социальных отношений, молдавский язык функционирует в условиях молдавско-русского двуязычия, развивающегося в процессе сближения культурных и бытовых традиций советских наций и народностей, имеющих единую социально-политическую и хозяйственно-административную базу. Постоянная и разносторонняя политическая, экономическая и культурная взаимосвязь молдавского народа с другими народами Советского Союза, основным средством коммуникации между которыми является язык межнационального общения — русский, накладывает свой отпечаток и на молдавский язык, вследствие чего складываются общие лексико-фразеологические и синтаксические модели во всех функциональных стилях.

Следовательно, изучение развития функционально-стилистической системы молдавского языка в советский период должно проводиться с учетом двух основных внеязыковых факторов: 1) установления социалистической общности (политической, социальной, экономической и культурной) жизни молдавского народа с другими народами Советского Союза, обусловившей, в частности, дальнейшее развитие молдавско-русского двуязычия; 2) создания и совершенствования терминологических систем молдавского языка под влиянием научно-технической революции.

Оба эти фактора способствовали появлению целого ряда новых элементов в функционально-стилистической системе молдавского языка. Например, влияние двуязычия на лексико-грамматическую сторону функциональных стилей молдавского языка проявляется через: а) непосредственные заимствования русских терминов; б) заимствование иностранных терминов через русский язык; в) калькирование лексико-фразеологических единиц; г) активизацию некоторых словообразовательных элементов под влиянием русского языка.

В научный функциональный стиль молдавского языка входят те научные и технические термины, которые в свою очередь пришли в русский язык или образованы в нем на основе латинских и греческих корней. Например: *концентрация, конденсаре, сублимаре, технократие, синкрофазотрон, холографие* и др.

Новые слова, проникшие в молдавский язык из русского, либо из других европейских языков через русский, способствуют обогащению научного и публицистического, а отчасти и официально-делового стилей молдавского языка, что оказывает влияние на развитие книжного, литературного языка. Важным признаком этих слов является близкая с русским языком фономорфологическая структура и идентичное или близкое смысловое наполнение. Ср.: *прогрес, комунизм, партид, пропагандэ, агресие, антагонизм*,

диалектизм, догматизм, экспансионизм, экспроприер, еманципаре, большевизм, субботник, звеноу и др.

Контактирование с русским языком в условиях сложившегося молдавско-русского двуязычия породило ряд новых, ранее не известных молдавскому языку, калькированных слов и словосочетаний, активно употребляющихся в современном литературном языке.

В официально-деловом стиле: *пе кале административэ, алэтурата листэ, лимбаж журидик, кондикэ де презенцэ, рэгиструл стэрий чивиле* и т. д.

В научном стиле: *куноаштере социалэ, орындуиря экономикэ, контрадикцииле де класэ, мижлоачеле де продучере, фаза супериорэр а комунизмулуй, централизмул демократик, ынтречеря социалистэ, продуктивитатя мунчий, коопераря мунчий* и т. д.

В публицистическом стиле: *рэзбой рече, диверсие идеоложикэ, скимб културал, блокул комуништилор ши ал чөлөр фэрэ де партид, вижиленцэ революционаэр, лутпа де класэ* и др.

Следует отметить, что кальки из официально-делового и научного функциональных стилей употребляются и в публицистическом стиле. Таким образом, создается «общий фонд» калькированных терминов. Под влиянием синтаксических моделей русского языка в молдавском литературном языке наблюдается возросшая частотность употребления деепричастных оборотов, начинающихся с определенных слов. Это явление встречается в оформлении официально-деловых документов. Например: *авынд ын ведере, консiderынд, декларынд, облигынду-се, реаминтинг, нээзунд, фиинд конвиншь, аскултынд ши дискутынд рапортул* и т. д.

В последнее время все чаще стали употребляться инфинитивные конструкции типа: *дрептул де а ынвэца, дрептул де а лукра, дрептул де а пуне ынтребаря ла ординя де зи* и др.

В официально-деловом стиле современного молдавского литературного языка наблюдается образование систем синтаксических синонимов. Так, русскому деепричастному обороту «принимая во внимание» в молдавском соответствуют два варианта: *авынд ын ведере* (кэ) и *лүннд ын консiderаще* (кэ). Словосочетания *ын ведеря, привитор ла: ку привире: привинд, ку целул: ын скопул*, употребляющиеся в официально-деловом стиле также образуют синонимические ряды.

Особое место в системе функциональных силей занимает стиль художественной литературы, являющийся экзистенциально-гетерогенным функциональным образованием. Эта особенность стиля художественной литературы вызвала острую полемику среди языковедов, не приведшую однако, к однозначному определению его статуса. Необходимо подчеркнуть, что стиль художественной литературы, в отличие от других функциональных стилей, представляет собой совокупность различных иерархических структур и отношений. В любом художественном произведении переплетаются индивидуальный стиль автора и функциональный стиль как со-

Форма существования языка	Функциональный стиль			
	художественный	публицистический	научный	официально-деловой
Литературная (письменная)	+	+	+	-
Литературная (устная)	+	-	-	-
Разговорная	+	-	-	-
Диалектная	+	-	-	-

циальное явление, то есть, если, с одной стороны, функциональные возможности как экзистенциальной, так и стилистической систем языка проявляются в индивидуальном стиле писателя, то, с другой стороны, индивидуальное творчество возможно только в рамках данной системы. Кроме того, в художественном произведении из общенационального языка, из его синонимических рядов отбираются необходимые фонетические, морфологические, лексические и синтаксические средства по принципу образной ассоциативности, тогда как в научном или официально-деловом выбор осуществляется по принципу терминологической однозначности.

В различных функциональных стилях используются различные элементы экзистенциальных форм, и отбор языковых средств подчиняется только той функции, которую призван выполнять язык в каждом конкретном случае.

Наблюдения над использованием этих форм при образовании функциональных стилей позволили выявить, что в стиле художественной литературы допускается употребление элементов из самых различных форм существования языка (таблица). Это отличает стиль художественной литературы от других функциональных стилей.

* * *

Следует также обратить внимание на определенную преемственность в развитии того или иного функционального стиля. Так, например, сопоставление некоторых текстов юридического содержания, написанных в самые различные эпохи, позволило выявить чрезвычайно интересный факт. Тексты одинакового назначения сохранили на протяжении столетий не только свою функциональную направленность, но и формально-грамматические признаки. Сопоставление проводилось на примерах взятых из трех кодексов законов, написанных соответственно в XVI, XVII и XX вв.* XVI в. представлен также примерами из кодекса законов «Правила риторулу Лукач» (Уложение ритора Лукача), XVII в.— «Правила луй Василе Лупу» (Уложение Василия Лу-

* Выбор именно этих веков не случаен, поскольку только в XVI в. появляются функционально-жанровые элементы будущих стилей, в XVII в. они развиваются, пополняясь новыми компонентами, а в XX в. уже можно говорить о развитой системе функциональных стилей.

пу), а XX в.— из 3-х кодексов законов Молдавской ССР: «Кодул де прочедурэ чивилэ ал РСС Молдовенешть» (Гражданский процессуальный кодекс Молдавской ССР), «Кодул кэсэторией ши фамилией ал РСС Молдовенешть» (Кодекс о семье и браке Молдавской ССР) и «Кодул мунчий ал РСС Молдовенешть» (Кодекс труда Молдавской ССР). Ср.:

XVI в. (Pravila ritorului Lucaci, 1581)*

Чела че ва фура бесярекэ, сэ-й дя пре спинаре 30 де тойаже, ярэ пре пынтече 20 ши 4 (с. 163);

Де (в значении— дақэ) *се ва исповеди* де тоате пэкателе сале *ла духовникул сэу...* (с. 164);

Кынд вор ведя кэ е ынтрэ ей ачаста, кэ муюря фрэцыне-меу, *принтру че* е ымпреунаре десэвиршитэ *ку нусул, мие ясте а доа спицэ* *ка ши фрате-меу, де-а хир а пэр, прентру че-с ымпреунаць* *прин дзиса луй Думнедэзэу* (с. 181).

XVII в. (Pravilele lui V. Lupu Voevod)**

Чела че ва слободзи пожар ын пэдуре стрэинэ ши де вор арде нискаре помъ, пе ачаста сэ-л печетлуюскэ ын мынэ ши сэ плэтяскэ пагуба ындоит (с. 8);

Дакэ ва курэци нештине вия сай лазул, сай ва токми каса, сай алте ка ачесте ши дечь се ва пэрэси ши ле ва ласа пустий фиинд лукру гата ши вор ынчепе а се стрика, атунче стэпынул локулуй поате сэ-л гоняскэ ши сэ-л скоацэ дэ'нтрачел лок ши фэрэ штирия жююдецулуй (с. 23—24);

Кынд сэ ва прилежи ун ом кэсаршу ын вяца луй сэ-шь дэргуяс-кэ авуция са фемеий сале сай фемея барбатулуй сэу, ачеста даре сэ ва адевара дупэ моарте ярэ ну ын вяцэ, ынсэ ши моарте сэ фие дэ'н фире ярэ ну де вре о невое (с. 44).

XX в.

Чел каре чере, ка инстанца сэ ордоне унуй ынскрис де кэтре персоана че партичип сау ну партичип ла процес, требуе сэ пре-цизезе ын че констэ ачастэ довадэ ши сэ арэте мотивеле пентру каре консайдерэ, кэ довада с'ар афла ла персоана респективэ (Кодул де прочедурэ чивилэ... 1965, с. 33);

Дакэ ын урма десфачерий кэсэторией сай дин алте мотиве пэ-ринций ну локуеск ымпреунэ, де ынцележеря лор депинде пе лынгэ чине требуе сэ локуюскэ копии миноръ (Кодул кэсэторией ши фамилией... 1971; с. 36);

Кынд мунка се престязэ ын тимп де ноалте, дурата стабилитэ а мунчий (скимбулуй) се редуче ку о орэ (Кодул мунчий... 1973, с. 38).

Таким образом, эти документы объединены как общей сферой использования, общим назначением и целью, то есть внеязыковыми факторами, так и общими зачинами лексико-грамматических моделей. Синтаксическое построение предложений-формул сохра-

* Рукопись издана впервые в Бухарете в 1971 г.

** Книга переиздана в Ботошанах в 1875 г.

нилось почти неизменным на протяжении веков. То же самое можно сказать и в отношении эпистолярного стиля, композиционная структура которого сохранилась во многом до наших дней. Много общего у научного и публицистического стилей, сохранивших функциональную направленность и композиционную структуру.

Подводя некоторые итоги вышесказанному, можно подчеркнуть следующие моменты:

— естественное развитие функциональных стилей обусловлено как факторами внеязыкового, так и собственно языкового характера; однако внеязыковым факторам принадлежит главная роль в первоначальном возникновении функциональных жанров, поскольку реальные потребности общества на определенном социально-историческом этапе создают конкретные условия функционального членения языка, на фоне которых вначале происходит функционально-жанровая, а впоследствии функционально-стилистическая дифференциация языка;

— изучение функциональной дифференциации языка в ретроспективном плане позволяет установить, что специализированные области языкового общения возникли в Молдавии в XVI—XVII вв. в результате расширения общественных функций молдавского языка и являлись продолжением книжно-славянской традиции; в XVII—XVIII вв. происходит параллельная функционально-стилистическая и эзистенциальная дифференциация молдавского языка, в результате которой формируются характерные индексы (стилистические и эзистенциальные), послужившие основой для его дальнейшей дифференциации;

— в условиях активного молдавско-русского двуязычия влияние русского языка распространяется на развитие и обогащение функциональных стилей молдавского языка; этим процессам способствуют следующие факторы: а) проникновение в молдавский язык большого количества терминов из различных функциональных стилей русского языка; б) образование сходных типов лингвистических моделей в молдавском и русском языках в результате тесного контактирования носителей этих двух языков.

ЕЛЕМЕНТЕ ДЕ СТИЛ ШТИИНЦИФИК ЫН ЛИМБА МОЛДОВЕНЯСКЭ ДИН СЕКОЛЕЛЕ XVII—XVIII

Ын компарацие ку стилул литературий белетристиче сау ку чел журидико-административ (орь официал, кум есте нумит унепорь ын литература де спечиалитате), каре ау ынчепут сэ се контурезе ын ануmite скриеръ релижиоасе, ын кроничъ, ын примеле манифестэръ але експримэрий артистиче молдовенешть ши, респектив, ын акте канчелэрешть, скрисорь парткууларе ши лэжюрий

дин секолеле XVI—XVII, стилул штиинцифик молдовенеск а луат финицэ мулт май тырзиу. Требуе сэ менционэм ынсэ, кэ унеле элементе карактеристиче ачестуй стил — кум ар фи ынтребуинцэя унор терминь ку карактер май мулт сай май пущин штиинцифик сай комуникаря суб формэ де рационаменте а унуй ануумит концинут — apar спорадик ынкэ ын секолул ал XVII-ля ын крониче ши кяр ын скриерile релижиоасе. Астфел, митрополитул Дософей ынтребуинцэя пентру прима датэ ын лимба молдовеняскэ о серие де терминь ку карактер штиинцифик, ын специал де орижине грякэ, латинэ ши славэ: *аритхмитики* «аритметикэ», *астрологхие* «астрологиё», *автократор* «аутократ», *енциклопедие* «енциклопедиё», *гхеометрие* «жеометриё», *индропикэ* «хидропизиё, дропикэ», *лексикон* «лексикэ», *леопард* «пантерэ», *комес* «конте, воевод», *консциенциие* «конштиинцэ», *музикэ*, *нотариу* «нотар», *пендикондарх* «кондуктор милитар ал уней унитець де 50 де оставь», *поетик* «поет», *провиденциие* «провиденцэ», *пролог* «ынтродучере, префацэ», *сиринэ* «сиренэ», *сенат* «сфат», *стихурь ямичешть* «версете ямбиче», *тестамент* ш. а.

А се компара, де екземплу, фрагментул дин «Вяца ши петреачеря св/и/нцилор»: «ми-и жеале к-ам ынвэцат тоате мештершугуриле дэскэлий *философией*, *риторики*, *аритхмитики*, *гхеометрия* ши тоатэ *енциклопедия*, ши май выртос к-ам ынвэцат ши ачяя веселитэ *музикэ* а кынтарий, спэсытоаре де сүүфл[е]те, ши ынкэ ши дин *астрологхие* н-ам лэсат немикэ, дин тоатэ, не-мвэцат»¹.

Мулте дин ачесте ымпрумутурь лексикале, куренте ын опера кэртурурулуй молдован дин ачя епокэ, трэеск ши астэзь ын лимба ноастрэ контемпоранэ, бинеынцелес, мажоритатя лор авынд ун алт фонетизм. Пунынду-ле ын чиркулацию ын скриерile салё, Дософей ышь дэ сама, кэ еле ну вор путя фи ушор ынцелесе де чититорь ши де аскултэторь. Деачея, десеорь, ел аре грижэ сэ ле експличе, фие прин ноте маржинале, фие прин синониме: ера болван де *идропикэ*, апэ *сүнт пиеале*; чата *сенатулуй*, адекэ *сфатулуй*; *автократор* ши *самодэржец*; де рудэ маре ши *иллстратэ* (глосат маржинал: *луминатэ*) ш. а.

Прин контрибуция кроникарулуй Мирон Костин лимба молдовеняскэ се ымбогэцеште де асеменя ку элементе стрэине, че ау ун карактер савант. Ка ши Дософей, ынвэцатул логофэт ынтродуче ын опера са кыцьва терминь де базэ дин штиинцеле аксесибile ын Молдова дин а доуа жумэтате а секолулуй ал XVII-ля. Авем ын ведере вокабуле де фелул: *армандэ* «арматэ», *астроном*, *десинтирия* «дезинтериё», *календар*, *канцелар*, *козмографие* «космографиё», *комета*, *колоние*, *комисар*, *консул*, *гхенерал*, *малигн*, *математик*, *меленхолие*, *милион*, *милэ* «мэсурэ терестрэ», *океан*,

¹ Читат дупэ: *Rosetti Al., Cazacu B., Onu L. Istoria limbii române literare*. Buc., 1971, p. 148.

планетэ, принципе, сенатор, стат, сумэ, тестамент, тиран, трактат, фантастик² ш. а.

Суб пана марелуй кондеер Мирон Костин фраза капэтэ, фацэде ынаинташий сэй, ун карактер кэртурэреск (савант), концинынд периоаде конструите прин интеркаларя май мултор пропозиций секундаре ын пропозиция принчипалэ, аре дестуле агломерэрэй де детерминативе, дин каре ну липсеште нич читатул ерудит. Ачаста се обсервэ, май алес, ын опера луй де матуритате «Де нямул молдовенилор, дин че царэ ау ешит стрэмоший лор». Пасажул че урмязэ вине сэ конфирме теза енуунцатэ: «Ачестя поменинду-сэ пентру дескисул минций, сэ се ынцелягэ статул лумий, не ынтоар-чем ла история ноастрэ де Траян, кум ну с'ау ындеустулат ку атыта парте де луме, ыту ау кэлкату ку оштиле луй де ау тре-кут Европа пе динколо пынэ ла апа Донулуй, каре апэ дин инима цэрилор москичешть есе ши каде ын Маря Нягрэ, ла Крым, чи трекынду Донул ау кэлкату ши Асия, ловинду пре ла Юзбек, марь цэрь тэтэрешть. Ярэ де ла Юзбек пе дупэ Маря Каспий, каре маре деспарте Крымул ши Аздереханул де цэриле Персулуй, пе ла бахтри ши аколо, прин цэриле Персулуй ши прин Асирия ла Египет, унде ла Египет, де боала че-й зик десинтерия, адекэ дезнодаря винтрелуй с'ау сфыршиту вяца» (п. 262—263).

Нота ливрэскэ а синтаксей, пе каре ам сублиният-о ын опера татэлуй сэу, ышь пуне печетя песте тот ши ын кроника луй Николае Костин. Екземплеле пот фи гэсите фэрэ мултэ греутате де орьчине ар ынчерка сэ верифиче ачастэ афирмацие.

Студиеря ынчепутурилор стилулуй штиинцифик, ынсэ, ну поате фи кончепутэ фэрэ а се арэта ролул, пе каре л-а авут унул динтре чей май де вазэ кэртурары ай тимпулуй — Димитрие Кантемир. Ку тоате кэ деспре лимба оперей марелуй ынаинташ ал културий ноастрэ с'а май ворбит ши с'а май скрис³, проблема терминоложией техниче ши штиинцифике контемпоране пынэ ын презент н'а фост супусэ уней екзаминэрь систематиче. Ын челе че урмязэ не пропунем сэ релевэм стэруинца луй де а ымбогэци вокабуларул лимбий молдовенешть дин ачя епокэ ку ной елемен-те лексикале кэртурэрешть, пентру а путя експрима ын граюл сэу орьче ноциуне филозофикэ ши штиинцификэ орькыт де абст-рактэ; вом арэта тотодатэ модул де адаптаре ши де ынкорпораре але ачестора ын скриериле сале.

Континуынд чя май бунэ традициие а секолулуй ал XVII-ля ын чея че привеште ымбогэция вокабуларулуй ку елементе лексикале ной атыт дин граюл виу ал попорулуй, ыт ши ку ымпру-

² Май амэнунцит вэзь: *Caracu B. Influența latină asupra limbii și literaturii lui Miron Costin.— Studii de limbă literară. Probleme actuale ale cercetării ei*, 1960, p. 103—109. *Rosetti Al. Observații asupra limbii lui Miron Costin.* Buc., 1950, p. 19—20.

³ Авем ын ведере, ын примул ынду, студиул деосебит де прецинос ши екстрем де нечесар ал *T. B. Ursu* «Лимба Хроникулуй луй Димитрие Кантемир», апэ-рут ын анул 1973 ла едитура «Штиинца».

мутурь дин алте лимбъ ынвеченате, традициие ынчепутэ де преподавацій кэртуаръ Варлаам ши Дософей, прекум ши де плеяда кроникаилор Григоре Уреке, Мирон ши Николае Костин, Димитріе Кантемир, ка нимень алтул, а депус ефортуръ перманенте ын ведеря креэрий лимбий литераре ши штиинцифиче молдовенешть. Посибилингциле луй ын ачастэ дирекциие ау фост мулт май маръ декыт але предечесорилор дин кауза кэ авя о културэ май вастэ ши, деч, ун оризонт май ларг декыт кроникарий. Ын *Катастихул историчилор, гхеографилор, философилор, поетичилор ши а алтор оамень ынвэцацъ елинъ, латинъ ши де алте ынчуръ а кэ-гор нумере се поменеск ши мэртурииile ли се адук дин «Хрони-кул векимиј романо-молдо-влахилор»* сынт индикацъ песте 150 де ауторъ, пе каре кэртуарул й-а консултат ын ведеря скриерий кэрций.

Персоналитате маре, форматэ ын диферите мэдий, ын спиритул диверселор културъ, ерудит ку о богатэ ши варијатэ формацие интелектуалэ, полиглотул молдован примул а ынчеркат сэ ридиче лимба ноастрэ ла нивелул алтор лимбъ литераре дин Еуропа — гръка, латина, славона, консiderате лимбъ де престижиу.

Ын опера са ку карактер историк, религиос ши, май алес, ын чя ку карактер филозофик ши ын литература реторикэ, скрииторул авя невое де идеи комплексе, де аргументе де ложкэ, де диверсе ноциунь абстракте, каре черяу ун лимбаж деосебит де чел ал текстелор кроникэрешть ши ал скриерилор бисеричешть. Пентру експримаря ачестор идеи ый требуя ун вокабулар штиинцифик. Ын ачест скоп а пурчес сингур сэ креезе о терминология штиинцификэ ши филозофикэ. Ел ынчаркэ сэ адаптезе о мулциме де терминъ «техничъ» гречешть ши латинешть, «кэч ын уне хотаре логичешть, сау философешть а лимбъ стреине, еллинешть дзик, ши лэтинешть кувинте ши нумере ич ши коля, дупэ асупряла во-роавий арункатае вий афла, кариле ынцележерий дискурсулуй ностру ну пущинэ ынтунекаре пот сэ адукэ»⁴.

Кэртуарул молдован а фэкут пентру прима датэ о ынчеркаре систематикэ де креаре а терминоложией штиинцифиче ши филозофиче, пе база унуй програм бине детерминат, че й-а сервит дрепт кэлэуээ ын прочесул де ынтродучеря а елементулуй савант ын лимба ын каре скрия, пунынд ын фелул ачеста ун ынчепут де стил штиинцифик сау, май бине зис, интелектуал.

Кантемир ера коншиент де фаптул кэ ынтродучеря терминилор штиинцифиче де специалитате, ымпрумутацъ сау формацъ пе терен проприу (фие прин дериваре, фие прин прочедеул калкулуй лингвистик), пот сэ дукэ ла о «ынтунекаре», дар с'а стрэдуйт сэ факт ачест лукру, пентру а путя експрима оръче ноциуне абстрактэ ын граюл сэу. Савантул с'а симцит облигат фацэ де чититоръ сэ дее ын куноскута префацэ а «Историей иероглифиче»

⁴ Димитрие Кантемир. История иероглификэ. Ед. а 2-а. Кишинэу, 1973, п. 6.

Скара а нумерелор ши кувинтелор стреине тылкуитоаре, ын каре дупэ че се аратэ орижиня фиекэрүй термин, сынт традусе ши экспликаце челе 277 де неоложизме, ынтребуинцате ын купринсул скриерий. Тотодатэ есте арэтэ импортанца, пе каре о презинтэ ынтродучеря де кувинте ной ын лимбэ, ши контемпораний сынт ынденмаць сэ ымпрумуте элементе лексикале стреине пентру култиваря лимбий матерне. Де алтфел, скопул анексэрий ачестуй гласар е экспус дестул де клар ын кувынтул кэтре чититор: «Вий шти, юбитуле, кэ ну пентру чей, карий ынтр'ачесте помените лимбъ педепсиць синт, скара ачий ам суппус; че пентру ка де ымпрумутаря кувинтелор стреине, чей май недеприншь, ловинд, врере-аш, ка аша а ле ынцэлеже, ши ын диалектул стреин сэ се депринзэ. Кэ аша унул дупэ алтул непэрэсит урмынд, спре челе май адынчъ ынвэцтүрь, прин хиришэ лимба а ноастрэ, а пурчеде, а сэ ындрэзни ку путинцэ ар фи, прекум тоате алалте лимбъ, де ла чя еллиняскэ ынтый ынденмэнынду-сэ, ку деприндеря ынделунгатэ, ши а лимбий сале супциаре, ши а кувинтелор ынсэмнаре, шь-ау агонисит, аша ыкыт, че ва сэ дзикэ үтöөтөңс, ынцележе Латинул, Ляхул, Италул ши алций, Hypothesis, макар кэ кувынтул ачеста сингур а Еллинией нумай ар фи. Ынтр'ачеста кип спре алалте, ынвэцтүрий греле, требуитоаре нумере ши кувинте, ынду-те, а ле молдовени... силеште. Ын Молдовение еллинизеште, ши ын Еллиние молдовенидзеште»⁵.

Дар ну тоате кувинtele каре не интересяэ сынт фиксате ын «скара» «Историей иероглифиче». Опера кантемиряи купринде ши алць терминь саванць фие ымпрумутаць, фие формаць де аутор, плекынд де ла фондул лимбий молдовенешть дин ачя епокз⁶. Де алтфел, ын гласарул ынтокмит де едиторул актуал ал «Историей иероглифиче», ынтылним уний терминь, каре липсеск дин «скара» датэ де ынсушь Кантемир.

Динтре ымпрумутурь челе май мулте кувинте ной сынт лувате дин грякэ ши латинэ — лимбъ че стау ла база терминологией интернационале. Мажоритатя о конституе челе де орижине грякэ. Бинеынцелес, нумэрул лор диферэ де ла о оперэ ла алта. Чя май репрезентативэ дин ачест пункт де ведере есте «История иероглификэ». Ын «Хроник» гречизмеле сынт май пүчин нумероасе, дар май рэспынндите декыт ын «Диван». Експликация требуе кэутатэ, ын примулрынд, ын концинуул диферит ал лукрэрилор аминти. «Диванул», каре есте май мулт о репродучере де тексте библиче (де алтфел, ши о оперэ модестэ ка пропорций ын компарации ку «Хроникул» сай «История иероглификэ») ну черя ка вocabуларул сэ фие варият, нечесар пентру експримаря ын лимба молдовеняскэ а унор идей абстракте, штиинцифиче, филозофиче ш. а. м. д. «Хроникул», тратынду ун субъект историк десфэшурат ын декурс де 10 секолё, есте фиреск сэ айбэ ун вocabулар май

⁵ Д. Кантемир. Оп. чит., п. 9.

⁶ Giosu S. Dimitrie Cantemir. Studiu lingvistic. Buc., 1973, p. 159.

богат ши май варият атыт дин пункт де ведере тематик, кыт ши дин пунктул де ведере ал сурселор дин каре провине. Ку тоате ачестя, лукраря аре о лимбэ адаптатэ стилулуй кроникэреск, унде ымпрумутуриле гречешть апар май рак декыт ын «История иероглификэ».

Ын «История иероглификэ», оперэ ку ун конциннут спечифик, че поате фи консiderатэ о оглиндэ а куноштинцелор мултилатерале але луй Кантемир, ауторул авя невое де о мулциме де терминь дин диферите домений але штиинцей, пентру а реда ын граюл матери идей ши ноциунь ыналте, богате ши варияте. Ын ачест скоп скрииторул адуче пентру прима датэ ла ной ун нумерос вокабулар дин лимбile грякэ ши латинэ, капабил сэ редее челе май абстракте ноциунь.

Вом дистинжэ аич доуэ категорий де терминь, пе каре кэртурарул ый дэ ка финнд де орижине грякэ. Үний ау диспэрут ку тутул сау се ауд астээз май рак ын лимба литерарэ. Де екземплу: *елефтирие* «либертате»? (Хр., 106)⁷, *холкотип* «типар, типеритурэ» (Хр., 52), *антифармак* «ляк ымпотрива отрэвирий» (Ист. иер., 86), *агоанэ* «агоние, тражере де моарте» (Хр., 360), *сикофандие* «клеветэ, клеветире, тречеря кум кувынтул» (Ист. иер., 40), *симперазма* «ынкееря вороавий, тречеря дин куноштинцэ ла куноштинцэ» (Ист. иер., 43), *исимерие* «часул ын кариле зиуа ку ноаптя синт деатохма» (Ист. иер., 121), *газофилакие* «вистерие» (Див., 65), *перистасис* «чиркумстанцэ» (Ист. иер., 209), *апсифисие* «диспрец» (Ист. иер., 283), *прагматие* «лукраре» (Хр., 178), *дидаскал* «пречептор, ынвэцэтор» (Ист. иер., 89), *афтадие* «импертиненцэ» (Ист. иер., 187), *дисидемоние* «суперстиции» (Ист. иер., 336), *омоние* «ынцележере» (Ист. иер., 108), *ватология* «глосэ» (Ист. иер., 46). Мажоритатя гречизмелор дин група аминитэ и'ау чиркулат нич ын лимба тимпулуй, орь кяр дақэ унеле динтре еле ерау пе атунч куноскуте ын лимба кэртурэрэяскэ, ын презент синт ынвеките сау ешите дин уз.

Алць терминь де орижине грякэ, ынтродушь де скриитор ын опера са, с'ау букурат ши май тырзиу де о чиркулацие ларгэ. О парте динтре ачештя ый вом реынтылни ла сфыршитул секолулуй XVIII сау ынчепутул секолулуй урмэтор, кынд проблема крээрий терминоложией штиинцифиче реапаре ла ной. Мулць динтре терминий фолосиць де аутор ау пэтрунс ын вокабуларул штиинцифик молдовенеск, фие кэ ултериор ау фост ымпрумутаць дин ноу

⁷ Сенсуриле синт нотате аша, кум ле-а дат Д. Кантемир ын «Скара тылкуитоаре». Тэлмэчиря кувинителор каре липсеск аич е датэ дупэ глосареле анекскате ла сфыршитул лукрэрилор скрииторулуй. Лукрул ачеста се ва фаче нумай атунч, кынд есте нечесар.

⁸ Пентру опереле луй Кантемир с'ау фолосит урмэтоареле абревиерь: Ист. иер. = *Dimitrie Cantemir*. История иероглификэ. Кишинэу, 1973. Хр. = = *Principalele Cantemir. Hronicul vîchîmei a romano-moldo-vlahilor*, publicat de pe originalul autorului de Gr. G. Tocilescu. Buc., 1901; Див. = *Dimitrie Cantemir. Divanul / Ediție îngrijită și studiu introductiv de Virgil Cândea*. Buc., 1969.

дин неогрязкэ, фие кэ ау венит прин интермедиул алтор лимбъ. Ятэ де че дикционареле ле дау ка финнд неоложизме латине сау де алтэ провениенцэ. Гречизмеле де фелул ачеста конституе група чя май маре ши май импортантэ дин опера кантемириянэ. Дин категория датэ фак парте кувинте ка: *аксиомэ* (Ист. иер., 37), *астролав* «инструмент пентру мэсураря позицией аштрилор» (Ист. иер., 335), *афтократор* «аутократ» (Ист. иер., 160), *антракси* «антракс» (Хр., 347), *архетип* «прототип, модел» (Див., 377), *библиотекэ* (Хр., 194), *генеалогие* «женеаложие» (Хр., 11), *диалектик* (Ист. иер., 66), *димократие* (Ист. иер., 35), *диспотие* «диспозионе» (Хр., 377), *етимология* «тылкуиря а хирешулуй нуме» (Ист. иер., 66), *евгение* «ноблеце» (Хр., 87), *итикэ* «ынвэцэтурэ, каре токмеште обичеиле оаменилор, четэцилор» (Ист. иер., 320), *клирономие* «моштенире» (Ист. иер., 59), *ларингэ* «ларинже» (Ист. иер., 156), *продосие* «трэдэрэ» (Хр., 94), *риторикэ* (Хр., 50), *ритор* (Хр., 134), *симфоние* (Ист. иер., 109), *силлогисмос* «сокотялэ адевэрятэ, каря ла диалектич дин өрий потасе сэ фаче» (Ист. иер., 59), *софистикэ* (Хр., 127), *стратиг* (Див., 377), *терапевтис* «тэмэдуитор, врач» (Ист. иер., 350), *тригон* «триунгъ» (Ист. иер., 43), *троп* (Ист. иер., 49) ш. а.

Дакэ ле анализэм дин пунктул де ведере ал лимбий актуале, о парте динтре елементеле лексикале консемнате пот фи консiderате ка авынд о етимоложие мултиплэ.

Үн лок имортант ын лимба оперей луй Кантемир ыл окупэ терминий де орижине латинэ. Ачаста се датореште ын маре мэсурэ фаптулуй кэ скрииторул шь-а скрис унеле опере ын лимба латинэ, врынд сэ-й факэ куноскуць пе кэртурий дин цэриле апусене ку траюл, лимба ши обичеюриле молдовенилор. Дэм дин нумероаселе элементе неоложиче латинешть, фолосите де Кантемир, доар ытева: *аргумент* (Ист. иер., 54), *аффектация* «аффектарэ» (Хр., 62), *викторие* (Хр., 115), *деспутацье* «чартэ, диспутэ» (Див., 111), *диктатор* (Хр., 163), *дук «дуче»* (Хр., 449), *жюдец* (ын сенс де «жудекатэ») — (Хр., 180), *индекс* (Див., 387), *конфузие* (Хр., 308), *конфирмацие* (Хр., 365), *кастел* (Хр., 417), *колоние* (Хр., 463), *легеон* ши *лигион* (Хр., 339), *мажистру* «командант де оасте» (Хр., 240), *мусеу* (експликат прин «кэмэриле үнде ставла читялэ сау ла ынвэцэтурэ») (Хр., 298), *презенцие* (Див., 353), *пропозит* «план, интенции» (Хр., 69), *пропозицие* «пропозиции» (ын ложикэ) — (Хр., 130), *секретар* (Хр., 115), *сенатор* (Хр., 213); *трактате* «тражере, збатеря кувинтелор, алес де паче» (Ист. иер., 332), *трибун* (Хр., 161) ш. а.

Мулте дин ымпрумтуриле латине апар ын скриериле луй Кантемир, ка ши ла кроникарий дин ачя епокэ, прин филиера русэ сау романикэ оквиденталэ. Критериile де натурэ фонетикэ пробязэ ачест фапт. Компарэ: *автор* «аутор» (<лат. *au[ct]or*, фр. *auteur*, рус. *автор*) — Хр., 60; *автентик* «аутентик» (<лат. *autenticus*, фр. *authentique*, рус. *auténtичный*) — Хр., 173; *екцентри* (<фр. *excentre*, рус. *экцентр*) — Ист. иер., 49; *експриенцие*

«експериенцэ» (<лат. *experentia*, рус. эксперенция) — Хр., 104; **канцилар** «канчелар» (<лат. *cancellarius*) — Хр., 115; **конституции** «регулямент, леже» (<лат. *constitutio*, — *onis*, фр. *constitution*, рус. конституция) — Хр., 285; **конфедерация** «алианцэ темпорарэ а май мултор стате ымпотрива унуй душман комун» (<лат. *confederatio*, *-onis*, фр. *confédération*, рус. конфедерация) — Хр., 312; **корреспонденции** (<фр. *correspondence*, рус. корреспонденция) — Ист. иер., 176; **провинции** (<лат. *provincia*, фр. *province*, рус. провинция) — Хр., 17; **привилегий** — (<лат. *privilegium*, фр. *privilège*, рус. привилегия) — Ист. иер., 164; **резиденции** (<фр. *résidence*, жер, *Rezidenz*, рус. резиденция) — Хр., 285; **сентенции** (<лат. *sententia*, фр. *sentence*, рус. сентенция) — Ист. иер., 33; **субстанции** (<фр. *substance*, рус. субстанция) — Див., 315 ш. а.

Ын опера кантемирянэ (май алес, ын Диван ши Хроник) ышь фак лок де асеменя ун нумэр де терминь славонь, фие апэруць пентру прима датэ ла скриотор, фие ынтылници ши ла уний кэртуураарь антериорь. Қытева екземпле: **боз** «зеу» (Див., 9), **исвод** «пробэ, инвенции, табелэ» (Див., 61), **изгнание** «изгонире, тримитере ку де-а сила» (Ист. иер., 44), **кашиште** «темплү» (Див., 63), **корение** «ынчепут, женеаложие, орижине» (Хр., 365), **началник** «шеф, командант» (Див., 145), **остров** «инсулэ» (Ист. иер., 162), **позволение** «пермисиуне» (Див., 101), **постановление** «субстанцэ» (Див., 315), **послание** «скрисоаре» (Див., 27), **природ** «стрэням» (Хр., 100), **стихотворц** «поет» (Див., 267), **сэздание** «креатурэ» (Хр., 252) ш. а.

Сфера күвнителор де орижине славэ купринде уний терминь пэтруншь директ дин лимба русэ сай прин филиерэ русэ. Де регулэ, ей се реферэ ла домениул политико-административ-милитар: **столицэ** «капиталэ» (Хр., 447), **областие** «облэдуире, режиуне стэпынитэ» (Хр., 374), **полк** «режимент» (Див., 132), **губернатор** «кондукэторул уней губерний» (Хр., 487) ш. а.

Ын че привеште славонизмелे кэртурэрешть требуе семналат, кэ еле ерау куноскуте пентру публикул де чититорь де атунч. Дин кауза ачаста, пробабил, Димитрие Кантемир рекуржэе ла експликария лор нумай ын казурь раре. Унеорь терминул ноу де орижине латинэ сай де алтэ провениенцэ есте експримат ку ажуторул унуй кувынт, луат дин лимба русэ. Компарз: ынцелепчуня есте **субстанция**, адекэ **постановление** (Див., 192); а нямурилор генеаложие (адекэ **корение**) (Хр., 58); метаморфосис = «скимбара феций, преображение, скимосире» (Ист. иер., 17); проимион = «предословие», капул вороавий, ын кариле тот кипул казаний сэ аратэ». (Ист. иер., 20).

Пентру експримаря ноциунилор штиинцифиче ши филозофиче Д. Кантемир ымпрумутэ терминь ши дин алте лимбъ (деши нумэрүл лор есте релатив мик), де екз. дин туркэ: **богаз** «стрымтоаре» (Див., 53), **олат** «цинут, провинции» (Хр., 66), **сераскериу** «женерал» (Хр., 449), **захара** «провизие» (Хр., 220), **сургун** «ек-

зилат» (Хр., 121), *атмейдиан* «хиподром» (Хр., 341), *булук* «групп, унитате милитарэ» (Ист. иер., 179), *мюбашир* «ажент пентру ынкасаря банилор» (Ист. иер., 382), *талхысчиу* «референдар» (Ист., иер., 22), *төфтердар* «ынкасатор» (Ист. иер., 381); дин полонэ. *хөрб* «стемэ» (Хр., 249), *рокошенире* «рэзврэтире» (Див., 303); *хлорикар* «кроникар» (кувынт деформат де Кантемир пентру а денуми пе кроникарий минчуношь, спре деосебире де чей нумиць «хроникарь») (Хр., 150), *церулик* ши *цирулик* «киург» (Хр., 186), *приказ* «ненорочире, рэутате» (Див., 363), *вартэ* «стражэ, пазэ» (Ист. иер., 60); дин *жерманэ: граф* «конте» (Хр., 421), *манэ* «хартэ» (Хр., 308) ш. а.

Мулте динтре кувинтеле консемнате пэстрязэ кяр ши форма дин лимба де орижине.

Ла о екзаминаре кяр сумарэ а кэйилор де пэтрундере а терминоложией штиинцифиче ын диверселе домений де активитате але скриниторулуй се обсервэ, кэ сурселе принципале ле-ау конституит ымпрумутуриле дин лимбile грэкэ, латинэ ши славонэ. Фаптул есте експликабил. Димитрие Кантемир, каре, деши с'а адэпат ла культура грэкэ (ун рол импортаант ын ачасть привинцэ л-а авут, пробабил, професорул сэю де грэкэ, латинэ ши филозофие, кретанул Еремия Какавела), скрие о парте дин лукрэриле сале ын лимба латинэ (компарэ, де екземплу, *История Империулуй Отоман, Дескриеря Молдовей, Микул тратат де ложикэ женералэ*, прекум ши *Хроникул векимей а романо-молдо-влахилор*, скрис ынтый ын латинеште ши традус апой ын лимба матернэ). Ын плус, ын время афлэрий ын Русия. ын каре медиул культурал ера мулт супериор атыт медиулуй дин Молдова, кыт ши челуй дин Константинопол, унде крескусе ши се формасе, Кантемир стаби-леште релаций приетенешть ку о мулциме де кэртуаръ рушь, гбсолвенць ай Академией луй Петру Мовилэ де ла Киев сау ай алтор школъ славо-греко-латине, унде ынвэцэмьнтул ера ын лимбile славонэ, грэкэ ши, май алес, латинэ — лимбъ але кэртуарилор де атунч. Ла тоате ачестя се май поате адэуга фаптул кэ мулць терминь де орижине латинэ, презенць ын опера кантемирянэ, ерау обишиниць ши ын стилул официал рус ал епочий луй Петру I⁹, яр унуй динтр'ынший пот фи консiderаць ка ымпрумутур дин лимба русэ, деоарече аспектул лор е идентик ку

⁹ Чөрчтэтоаря Тамара Урсу ын студиул менционат хотяэ урмэтоареле неоложизме, каре чиркулау ши ын лимба русэ ын епока респективэ: *академия, амбиция, аптекарь, аргументъ, архитектъ, авторъ, виктория, графъ, диспутація, диктаторъ, дипломъ, дуксъ, инструментъ, кампанія, кентръ, климатъ, коллега, колонія, комендантъ, кондіція, конституція, консулъ, контента, конфедерація, конфірмація, конфузія, легіонъ, лексиконъ, магістратъ, матерія, машина, меди-терранскій, монстръ, натура, оказія, орація, ость, персона, презентовать, пре-тендовать, префектъ, приватный, привилегія, принципиальный, провінція, про-текція, публіковать, пунктъ, рекомендовать, референдаръ, республика, риторъ, секретарь, сенатъ, ситуація, супліка, сфера, титулъ, титуловаться, трактъ, трактатъ, трибунъ, тріумфъ, фельдмаршалъ, фундаментъ, церемонія, цирюль-никъ, эксперіенція, экспликовать.* (Урсу Т. Оп. чит., п. 155—156)

неоложизмеле, пе каре кэртурарий ноштри ле-ау луат, ла сфыршитул секолулуй XVIII ши ын прима жумэтате а секолулуй XIX дин лимба русэ. Аша се экспликэ де че кувинте де але луй Кантемир ка *оказие, конфузие* ау екзакт форма, акцептатэ ын лимба литерарэ де азь, каре евитэ формацииле ын *-иуне (оказиуне, конфузиуне)*, ынтродусе де латиништь ши консiderате пе дрепт кувынт педантэ.

Ын афарэ де кувинtele ку карактер савант ымпрумутате директ дин лимбile класиче сау дин унеле лимбъ модерне, Димитрие Кантемир се стэрue сэ формезе унеоръ терминъ проприй приндернваре де ла рэдэчинь фие стрэине, фие бэштинаше ку ажуторул диферителор морфеме афиксале молдовенешть прекум: *матерiеск* (< *матерiе*) «релатив ла матерiе» (Ист. иер., 89), *фириан* (< *фире*) «физик, каре се реферэ ла натура материалэ» (Ист. иер., 87), *ембрионат* (< *ембрион*) «ын старе де ембрион» (Ист. иер., 243), *аристотелеск* (< *Аристотел*), *платоническо* (< *Платон*) — Ист. иер., 362, *клирономиториу* (< нгр. *klironomo*) «ередитар» (Хр., 107), *чинстеште* (< *чинсте*) — (Хр., 16); *греуиме* (< *греу*) «греутате», «гросул арматей» (Хр., 404), *диспутацiе* (< *диспутэ*) «дискуции, диспутэ» (Хр., 127), *философеск* (< *философ*) «философик» (Хр., 203), *сенаторие* (< *сенатор* «службэ де сенатор» (Хр., 50), *цинзорие* (< *цензор*) «демнитате де чензор» (Хр., 119), *трибуниции* (< *трибун*) «трибунат» (Хр., 193) ш. а.

Кантемир рекуржэ ши ла алте прочедее де комплектаре а лимбажулуй штиинцифик, принтре каре ла чеал ал калкурилор ши семикалкурилор лингвистиче, ал традучерий терминилор стрэинь. Мулте динтре ачесте формаций, имитате дупэ лимбile стрэине, каре диспуняу де алте посибилитэць де формаре а кувинтелор декыт лимба ноастрэ, деши ку о чиркулацие ларгэ ын скриериле ауторулуй, ау ын аспект греой ши унеоръ кяр комик: *ымпрежуру стэрь* (< лат. *circumstantia*) «чиркумстанце, ымпрежурээрь» (Див., 199); *ын патру пичноаре* (< фр. *quadrupède*, лат. *quadrupēs, -dis*) «патрупед» (Ист. иер., 160); *клэтире* (< в. сл. *клатити*) «мишкарэ» (Ист. иер., 221); *сингурэ сие ши клэтиториу* (< лат. *causa sui*) «кауза са проприе» (Ист. иер., 226); *чинч гласурь а луй Порфирие* (< лат. *quinq̄ue voces Porphyrii*) «категориile луй Порфириу» (Ист. иер., 67); *лигиоае пре пынтече тырыштоаре* (< лат. *reptilio*) «анимал каре фаче парте дин класа вертебрателор» (Ист. иер., 49); *кэдере* (< слав. *падеж*, лат. *casus*), «каз граматикал», (Ист. иер., 63); *ынкуяре* (< лат. *conclusio, concludere*) «конклузионе» (Ист. иер., 84); *ынаинте пунере* (< лат. *propositum<pro* ши *ponere*) «план, хотэрыре» (Див., 233); *субстаре* (< лат. *substantia*) «субстанцэ» (Див., 305); *курэциториу* (< лат. *purgatorium*) — (Див., 233); *духул винулуй* (< лат. *spiritus vini*) «спирт» (Ист. иер., 40); *сүнт пэмынт фужире* (гр. *καταφογη*, лат. *subterfugium*) «субтерфужиу, лиништире» (Див., 331); *ынтиндере* *ынаинте* (< лат. *praetentum* де ла *praetendere*) «претенции» (Ист.

иер., 21); *сингурцииториу* (<гр. αὐτοκράτης) «аутократ» (Ист. иер., 12) ш. а.

Прин мареле нумэр ал калкурилор ши семикалкурилор, май алес, прин челе елиминате май тырзиу, ка ши прин креацииле персонале, рэмасе де асеменя неконфирмате де эволуция ултери-оарз, лимба оперелор скрииторулуй капэтэ ун ануумит карактер артифициал.

Пентру а-й фамилиариза пе чититорь ку терминий ной, пе каре-й фолосеште, Димитрие Кантемир рекуржे адеся ла экспликария лор. Унеорь ел дэ алэтурь де элементеле саванте терминий популарль респективь. Астфел, ноциуня де *кометэ*, редатэ прин терминул *комитис*, е нумитэ ын попор, дупэ спуселе луй Кантемир, «стя ку коадэ. Стя сэ наште ши пиаре» (Ист. иер., 17). *Венус*, денумитэ *Афродитис*, се кямэ «стяа каре ынтый сэ аратэ декусарэ, стеаоа чобанулуй» (Ист. иер., 13), яр *полусу* «ясте стиаоа кэрия ый дзик молдовений фусул прин кареле черюл сэ ынвыртеште» (Див., 325) ш. а.

Алтеорь ауторул экспликации терминул ноу фие ын текст, фие ынтр'о нотэ маржиналэ. Экспликацииле сынт сукчинте сай десфэшурате. Компарэ: Ени привеште тооате *циркумстанцииле*, адекэ *ымпрежюор — стэриле* меле (Див., 75); прекум сэ зиче *адау жеул* (ын нота маржиналэ: *зикэтоаре*) — Хр., 88; ши ку куратэ *кон-счиенцие* (= *аскунсул иними*) алтора сэ ле повестим аша (Хр., 179); ку марь ши нетеде сокотеле *етимологичешть* (адекэ *тыл-кутоаре де кувинте*) — Хр., 178; кэруя ый зиче кэ ясте *вылховник* (че сэ *тылкуяште* дин лимба словеняскэ «врэжиториу») — Хр., 136; скрие дарэ кэлугэрүл ачеста ын *предословия* (сай прекум ной зичем ын *превороава* хроникулуй луй Уреке) — Хр., 136; *Медитеррания*, адекэ дин *мижлокул пэмынтулуй* (Хр., 38); *хронологичеште*, адекэ дупэ *сэмэлуиря аниилор* (Хр., 100) ш. а.

Скрииторул фолосеште дес ын вокабуларул штиинцифик дублете ку валоаре де синонимие, де регулэ, ун неоложизм алэтурь де ун кувынт узуал, дин лимба комунэ. Компарэ: *коллега*, адекэ *товарэш* (Хр., 44); *колонииле* (адекэ *слободзииле*) (Хр., 294); *корение* ши *рэдэчинэ* (Хр., 57) ш. а.

Ын опера кантемирянэ ынтылним пентру прима датэ кувинте реферитоаре ла диверсе домений але штиинцией, ынсэ домениул ын каре скрииторул ва ынтродуче ку препондеренцэ о терминологии ноуэ, есте чел филозофик. Пентру редаря ноциунилор де маре субтилитате ауторул каутэ еквалентеле пречисе принтре терминий аутохтоны ши чей обишиниць ын културиле ку традиций май векь. Ел ынчаркэ сэ пунэ ын чиркулацию о мулциме де терминь фие *ымпрумутаць* дин лимба латинэ, унеорь дин арабэ ши прекумпэнитор дин грякэ, фие креаць сай дериваць пе терен молдовенеск, доринд астфел сэ *ымбогэцяскэ* ши сэ моделезе лимба са матернэ пентру а о фаче аптэ де а эксприма диферите идей ши концепте филозофиче. Лукрул ачеста ыл фаче, май алес ын казул, ындирий молдовенешть

де атунч. Де екземплу, спре а традуче «челе чинч гласурь але луй Порфирие», сау куноскций терминь дин Исагора (жэн, спечие, диференцэ, проприу, акчидент), кэртуарул молдован, каре штия ла перфекции латина, ынчерка тотуш сэ спунэ: **њамул** (Ист. иер., 94), **кипул** (тот аколо), **деосебиря** (Ист. иер., 49), **хиршия** (Ист. иер., 51), **тымларя** (Ист. иер., 191). Сау пентру редаря примелор трей катёгорий аристотеличе (субстанцэ, кантитате, калитате) дин челе зече «супт кариле Аристотел тоате фиинцеле лукрурилор купринде», Димитрие Кантемир фолосеште кувинтеле **ченицэ** (лат. *quidditas* < *quid*) = *че + инцэ*; **кфииддитас** = = **ченица**, сингура фиинца лукрулуй, чея че есте (Ист. иер., 17) ын лок де «че есте»; **кытинцэ** (лат. *quantitas*) = *кыт + инцэ*; **кытинца** материей чаркэ (Ист. иер., 133) пентру «кыт есте» ши **фелдинцэ** (лат. *qualitas* < *qualis*) = «че фел де» дээрэспундеря **кытниний** ши **фелдинниний** (Ист. иер., 62) пентру «че фел есте».

Чей май фреквенць терминь дин скриериле филозофулуй молдован сынт ачяя каре нумеск вариите ноциунь привинд филозофия медиевалэ, история, психология, этика, религия ши алтэрамуры але штиинцей, ын каре с'а манифестат ун спирит атыт де вигурос ши де фекунд. Фреквенте сынт тотодатэ ши элементеле де терминоложие филозофикэ реферитоаре ла прочесул куноаштерий ши ал гындирий ын женерал, ла результателе ачестор прочесе, ла калитэциле ши дефектеле гындирий. Илустрэм аффирмацииле де май сус: **сокотялэ ложичаскэ** «*рационамент*» (Ист. иер., 52); **клэтителе** «*феноменеле консiderате* ын мишкар» (Ист. иер., 223); **избында причинирий** «*реализаря каузей, ентелехия*» (Ист. иер., 185); **материе** «*ынцелес проприу ши ынцелес аристотелик*» (Ист. иер., 320); **сингурэ штие клэтирия** «*аутомишкар*» (Ист. иер., 221); **апорие** «*контрадикции ирезолвабилэ, ивтэ* ку прилежул унуй *рационамент*» (Ист. иер., 12); **апофтенгэмэ** «*максимэ, сентинцэ*» (Ист. иер., 338); **арэтаре** «*демонстрации*» (Ист. иер., 236); **фиинцэ** «*есенцэ*» (Хр., 392); **генералис** «*женералул, универсалул (категорие ложикэ)*» (Ист. иер., 51); **метафизикэ** (Ист. иер., 18); **постанование** «*субстанцэ*» (Див., 315); **протасис** «*премизэ*» (Ист. иер., 22) ш. а.

Читинд васта оперэ а луй Кантемир, гэсим ын еа ун богат вокабулар штиинцифик ши техник, че редэ диверсе ноциунь дин астрономие, жёографие ши космографие: **аустру** (Ист. иер., 13), **астролав** (Ист. иер., 12), **галактея** (Ист. иер., 13), **еклипсис** (Ист. иер., 14), **катаракте** «*прагурь ын апэ*» (Ист. иер., 16), **комитис** «*кометэ*» (Ист. иер., 17), **оризон** «*оризонт*» (Ист. иер., 19), **планетэ** (Ист. иер., 20), **полос арктик** ши **полос антрактик** (Ист. иер., 21), **крайвэц** «*норд*» (Хр., 174), **ундэтурэ** «*ревэрсаре*» (Хр., 58), **тропическ**, **тропик** (Ист. иер., 24), **исиметрия** «*екинопциу*» (Ист. иер., 16), **манэ** «*хартэ*» (Хр., 286), **географие** (Хр., 106), **херсонис** «*пенинсулэ*» (Ист. иер., 250), **осие сферяскэ** «*аксул пэмынтулуй*» (Ист. иер., 296), **темперамент** «*температурэ*» (Хр., 16), **тропикул химеринос** «*тропикул де ярнэ*» ши

тропикул теринос «тропикул де варэ» (Ист. иер., 153), гномон «кадран солар, ороложиу де соаре» (Ист. иер., 129); м е д и ч и н э: агонэ «агоние» (Ист. иер., 11), антидот «медикамент, ляк» (Ист. иер., 11), апотекар «фармалист» (Хр., 81), боала хроникэ (Ист. иер., 13), пилула (Ист. иер., 20), рецета (Ист. иер., 22), шербет «бэутурэ де дофторие» (Ист. иер., 26), траахнэ «епидемие» (Хр., 418); церулик «кирург» (Хр., 81), антракси ши антрак «далак» (Хр., 347, 530), кикицэ «трусэ медикалэ» (Хр., 14), фербинтеялэ «фебрэ» (Хр., 347), идропикэ «асчите» (Хр., 334), липичос «контажиос» (Хр., 418), матеология «делир» (Ист. иер., 17), офтакэ «туберкулозэ» (Ист. иер., 13), спицер «фармалист» (Ист. иер., 22), винтре «дизентерие» (Хр., 307) ш. а.; физикэ ши кимие: атом (Ист. иер., 12), енергие (Ист. иер., 15), эксперенция (Ист. иер., 15), материе (Ист. иер., 17), метаморфосис «скимбяя феций...» (Ист. иер., 18), физик «физичиан» (Ист. иер., 25), металон (Ист. иер., 18), магнис «магнезиу» (Див., 321), алхимист (Ист. иер., 12), химик «кимист» (Хр., 139), супстаре «субстанцэ» (Хр., 453); математик э: аксон «акс» (Див., 7), геометрическ (Хр., 59), чиверт «сферт» (Див., 42), сомэ «сумэ» (Див., 37), кентру «центру» (Ист. иер., 17), трион «триунгь» (Ист. иер., 51), сферэ (Ист. иер., 23), математик «математиан» (Ист. иер., 51); политикэ ши администраце: чин «ранг, класэ» (Хр., 190), комендант «командант» (Хр., 131), дерегэторие «кырмэ, кондучере, администраце» (Хр., 270), дук «дуче» (Хр., 26), граф «конте» (Хр., 421), губернатор (Хр., 457), херб (Хр., 249), монархическ (Хр., 23), откырмуиторю «губернатор» (Хр., 364), полк (Хр., 79), публикэ (Хр., 282), рэспубликэ (Хр., 377), резиденции «решендинцэ, скаун» (Хр., 285), сэкретариу (Хр., 115), тирэние (Хр., 51), начальник «кэпетение» (Див., 195), афтократор «аутократ» (Ист. иер., 160), армистиции (Ист. иер., 345), димократие (Ист. иер., 35), правилэ «лэже» (Ист. иер., 171), тирэние (Хр., 8), трактат (Ист. иер., 24); а р т е: музикэ (Ист. иер., 37), мелодие (тот аколо), палиподие «рефрен» (Ист. иер., 46), симфоние (Ист. иер., 110), хармоние (тот аколо), орган «инструмент музикал» (тот аколо), хапиште «темплу» (Див., 63), шерпуире «зугрэвире», «ымподобире» (Див., 57), мармуре «мармурэ» (Хр., 120); ф и л о л о ж и е, литературэ, естетикэ: апофтенгма «кувынт, вороавэ алясэ, философаскэ» (Ист. иер., 12), диалог (Ист. иер., 14), елегий «ун фел де стихурь аместекате» (Ист. иер., 14), итимология (Ист. иер., 15), интерлекции (Ист. иер., 16), идея (Ист. иер., 16), ироник (тот аколо), комедие (Ист. иер., 17), парадигмэ (Ист. иер., 19), тропурь (Ист. иер., 24), солихисмос «кувынт кариле ну есте дупэ каноанеле граматикэй» (Ист. иер., 23), стихотворц «поет» (Див., 267), верш (Див., 359), автор (Хр., 62), артикул «ынкеетура... вороавей» (Ист. иер., 12), кэдере кемэтоаре «казул вокатив» (Ист. иер., 63), дикционариу (Хр., 113), нуме алкэтүйт «субстантив компус» (Хр., 307), вереш «верс» (Ист. иер., 107), орачие

«дискурс» (Хр., 5), *ритор* «коратор» (Хр., 134), *риторикэ* (Хр., 5), *апостроф* «апострофэ» (Ист. иер., 98) ш. а.

Терминий ыншираць (фэрэ а авя претенция кэ ѹ-ам епуизат ши нич кэ апар нумай ын опера луй Кантемир), дупэ кум с'а вэзут, конституе де фапт о терминоложие де културэ јженералэ. Ей мэртүрисеск вариетатя домениилор, ын каре шъ-а демонстрат активитатя кэртураул, прекум ши ынчеркаря луй коншиентэ ши сусцинутэ де а креа о терминоложие штиинцификэ, филозофикэ ши политикэ ын лимба са матернэ. Групаря лор ын диферите категорий национале илустрязэ модул кум се рефлекктэ ын лексикул скриерилор сале мултиплеле трансформэрь але веций социале де атунч.

Ку тоате кэ мулць терминь ши ымбинэрь терминоложиче де типул чөлөр консемнаць май сус пар имперфекць, инекзакць, не-чизелаць фацэ де чей апэрүць ултериор, меритул инконтестабил ал скриорулуй констэ ын фаптул кэ ел примул динтре кэртурарий молдовень ынтребуинцияээ пе скарэ ларгэ терминь ши ымбинэрь терминоложиче дин диверселе рамурь але штиинцей, ынчеркынд ын фелул ачеста сэ пунэ базеле терминоложией молдовенешть. Ынсэ ынчеркаря луй де а креа ун ынчепут де вокабулар штиинцифик рэмъне ун фапт изолат. Ынвэцатул домн н'а авут норокул сэ-шь публиче ла време челе доуэ лукрэй де матуритате, «История иероглификэ» ши «Хроникул векимей а романо-молдо-влахилор», скрисе ын молдовенеште. Абя песте ун секол мулць кэртуарарь ау порнит сэ реализезе чея че а ынчеркат сэ ынфэптуяскэ ла время са де унул сингур Димитрие Кантемир.

Ын презентул артикол ам лэсат сэ ворбяскэ фаптеле, каре арункэ луминэ асуира ынчепутурор стилулуий штиинцифик молдовенеск, фапте каре требуе сэ гэяскэ о апрофундаре ши комплектэ интерпретаре. Лимба молдовеняскэ аре астэзь посибилитатя де а експрима оръче нациуне штиинцификэ, дар друмул паркурс де ла калкуриле греоае, апарцинынд епочий де каре ам аминтит аич ши пынэ ла стадиул актуал а фост дестул де аневойос ши ынтортояят. Черчетаря луй оферэ специалиштилор ун васт кымп де активитате.

ЭЛЕМЕНТЫ НАУЧНОГО СТИЛЯ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ XVII—XVIII вв.

Резюме

По сравнению с художественным и официально-деловыми стилями, которые начали вырисовываться с достаточной ясностью в определенных религиозных текстах, в летописях, в так называемых светских книгах и, соответственно в канцелярских и законодательных документах XVI—XVII вв., научный стиль молдавского языка образовался сравнительно поздно. Однако некоторые элементы, свойственные этому стилю, появляются спорадически еще в XVII в. Так, митрополит Досифей вводит в обращение впервые в молдавском языке

ряд научных терминов, заимствованных в основном из греческого языка (например, *аритмитики* «арифметика», *астрологхие* «астрономия», *гхеометрие* «геометрия», *идропикэ* «водянка», *енциклопедие* «энциклопедия», *консценция* «сознание» и др.).

Во второй половине XVII в. логофет Мирон Костин, достаточно образованный для того времени, обогащает свои произведения новыми научными терминами: *астроном* «астроном», *козмографие* «космография», *кометэ* «комета», *малин* «злоказчественность», *океан* «океан», *планетэ* «планета», *милион* «миллион», *сумэз* «сумма» и др. Фраза приобретает у него, по сравнению с предшественниками, книжный характер (для его сочинений показательны периоды со многими сложноподчиненными предложениями, детерминативами, ссылками и пространными цитатами, а также обилие причастных, деепричастных и инфинитивных оборотов).

Следы книжного влияния, особенно в построении высказывания, заметны и в летописях Николая Костина. Но самую важную роль в формировании письменного языка второй половины XVII и первых десятилетий XVIII в. сыграл выдающийся ученый полиглот Дмитрий Кантемир (1673—1723 гг.). В своих произведениях он вводил и широко употреблял термины и терминологические сочетания, относящиеся к различным отраслям науки (астрономии, биологии, физики, химии, медицины, геологии, географии и др.).

Дмитрий Кантемир старался обогатить свой язык прежде всего терминами, обозначающими абстрактные понятия. Значительное место в его творчестве занимает лексика, относящаяся к средневековой философии, к процессу познания и мышления, к логике, этике, религии, духовной жизни (например, *апофтенгэз* «сентенция», *ченицэ* «субстанция», *кытиңцэ* «количества», *фелденцэ* «качество», *метафизикэз* «метафизика», *диалектик* «диалектический», *фиинцэ* «сущность», *итика* «этика», *генералис* «общее», *сокотялэ ложчаскэ* «суждение», *сингурэ штие клэтире* «самодвижение» и др.). Отдельные термины, видимо, образованы самим Дмитрием Кантемиром. Для обозначения научных понятий молдавский эрудит заимствовал многие термины греческого происхождения (аксон «ось», галактее «галактика», аксиомэ «аксиома», тригон «треугольник», еклипсис «затмение», матеология «брэд», симперазма « вывод», ларингэ «гортань» и др.) и латинского (аргумент «доказательство», академие «академия», апотхекар «аптекарь», орацие «речь», климат «климат», сентенции «приговор», рэспубликэ «республика», махинэ «машина», пилулэ «пиллюля» и др.). Как можно заметить, многие из них перенимались через посредство русского языка.

Кроме многочисленных лексических заимствований Кантемир создает новые термины средствами самого молдавского языка (путем префиксации, суффиксации, словосложения, конверсии или путем лингвистического калькирования). Особено многочисленны подобные образования в *«Иероглифической истории»*. Однако, как известно, два из его главных трудов, написанные на молдавском языке, — *«Иероглифическая история»* (1705 г.) и *«Хроника стародавности романо-молдо-влахов»* (1717 г.) увидели свет лишь в XIX в. Прошли столетия пока несколько поколений ученых начали реализовывать то, что на-меревался осуществить в свое время Дмитрий Кантемир.

СТИЛУЛ ЛИТЕРАТУРИЙ АРТИСТИЧЕ КА РЕАЛИТАТЕ ЛИНГВИСТИКЭ

Деспре стилул литературий артистиче с'а скрис фоарте мулт — ши ла ной ын царэ, ши песте хотаре. Ку тоате ачестя пынэ ын презент липсеште о ынцележере унаним акцептатэ а есенцей луй, дифериць ауторь солуционынд ын мод диферит

проблемеле фундаментале привинд партикуларитэцile луй конститутиве ши модул индивидуал де функционаре. Опинииле четэторилор диферэ кяр ши ын привинца денумирий феноменулай дат. Ын ачест сенс есте семнификатив фаптул кэ ын молдавистикэ с'a скрис фоарте пущин деспре стилул литературий артистиче, ын скимб, ынсэ, фиекаре аутор а авут амбиция сэ пунэ ын чиркулацие штиинцификэ терминул «сэу проприу», фэрэ а-шь сприжини прин аргументе респективе пунктул де ведере. Астфел, Б. Ваксман ворбеште де «стил белетристик», дар адмите ши терминий де стил «артистик, поетик сау ал литературий артистиче, терминий финнд, ынтр'o ануимтэ мэсурэ, адекваць»¹. Академицианул Н. Г. Корлэтяну ый дэ преферинцэ терминулай де «стил артистик», деши ну-л респинже нич пе чел де «стил белетристик»², ын тимп че В. З. Марин фаче уз доар де терминул «стил белетристик»³. Ын сфыршит, Т. Романдаш се пронунцэ пентру терминул де «стил ал литературий артистиче», ку тоате кэ ынтр'o нотэ специалэ сублиннязэ нечеситатя унификэрий терминоложией привинд нотициуня датэ⁴. Ын литература де специалитате скрисэ ын лимба русэ, кынд е ворба де стилул литературий артистиче, чититорул аре де ынфрунтат ун адевэрят торент терминоложик. Дин ачест богат реперториу терминоложик читэм доар ыктеva мостре: литературно-художественный стиль, художественный стиль, стиль художественных произведений, стиль художественной литературы, языковой стиль художественной литературы, художественная речь, речь художественной литературы, речевой стиль художественной литературы ш. а.

Дынд преферинцэ терминулай де «стил ал литературий артистиче», ной ам реешит дин консiderенте ну де ордин кроноложик — ачест термин финнд де датэ май речентэ —, чи де ку тутул алтэ натурэ. Дакэ вом адмите, кэ стилул функционал есте, аша кум менциона акад. В. В. Виноградов, «ун ансамблу — легат интерн, перчепут социалменте ши кондиционат дин пункт де ведере функционал — де прочедее де фолосире, алэжере ши ымбинаре а мижлоачелор де комуникаре вербалэ»⁵, каре, потривит прецизэрий пропусе ултериор де М. Н. Кожина, «кореспунде уней ануимте сфере де активитате социалэ ши формей де конштиинцэ корелатэ ку ea»⁶, орьче стил урмязэ сэ фие рапортат ла сфера датэ де активитате социалэ ши ла форма респективэ де конштиинцэ. Сфера де активитате поате фи штиинцификэ, артистикэ (белетристи-

¹ Ваксман Б. Стилистика молдовеняскэ. Кишинэу: Лумина, 1970, п. 40.

² Капитоле дин история лимбий литераре молдовенешть. Кишинэу: Лумина, 1971, п. 218.

³ Марин В. З. Скице де стилистика а лимбий молдовенешть контемпоране. Кишинэу: Лумина, 1975, п. 24.

⁴ Романдаш Т. Маржиналий ла стилул литературий артистиче.— Лимба ши литература молдовеняскэ, 1981, № 1, п. 42.

⁵ Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики.— Вопросы языкоизучения, 1955, № 1, с. 73.

⁶ Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977, с. 42.

кэ) административэ ш. а. м. д., ансамблул, ынсэ, де прочедеэ де фолосире а мижлоачелор вербале, адикэ стилул функционал ну поате фи нич штиинцифик, нич артистик (белетристик), нич административ, дакэ, бинеынцелес, ну адмитем фолосиря метафорикэ а кувинтелор. Ын тоате казуриле ачестя вом авя де а фаче ку стилул литературий штиинцифиче сау ал ворбиирий штиинцифиче, ку стилул литературий артистиче сау ал ворбиирий артистиче, ку стилул актелор административе ш. а. м. д. Е де ла сине ынцелес, кэ терминий: стил белетристик, стил штиинцифик ш. а. м. д. сынт май комозь, дар ну авем дрептул сэ сакрификэм пречизия де драгул комодитэций.

Ын челе че урмязэ ам вря сэ рецинем атенция чититорулуй асупра доар а уней проблеме контроллерсате привинд ноциуня де стил ал литературий артистиче ши анууме: стилул литературий артистиче есте ун стил функционал сау се афлэ ын афара систему-луй де стилурь функционале?

Уна динтре проблемеле фундаментале каре а сусчитат дискуций апринсэ, дар каре пынэ ын презент ну шь-а гэсит о солуционаре унивокэ, есте ачэя а рапортулуй динтре стилул литературий артистиче ши стилистика функционалэ. Сублинием де ла бун ынчепут, кэ аффирмация датэ ну се реферэ ла молдавистикэ, деоарече ауторий читаць ау акцептат фэрэ нич о резервэ пунктул де ведере, потривит кэруя стилул литературий артистиче есте ун стил функционал, евтынд экзаменаря аргументелор про ши контра ачестуй пункт де ведере. Астфел В. З. Марин, атингынд проблема датэ, се мулцэмеште сэ декларе доар урмэтоареле: «Ну не вом окупа аич де дискуция стериэлэ а проблемэй привинд экзистенца сау инекзистенца стилулуй белетристик. Ной сынтем конвиншь, кэ ун астфел де стил ушор се деташазэ ши се контурязэ пе фондул чөлөрлалте стилурь функционале, дэши концентрязэ мултипле вариетэць але тутуор чөлөрлалте стилурь»⁷.

Меритэ о деосебитэ атенции доуз пункте де ведере ку привире ла локул стилулуй литературий артистиче. Конформ унуй пункт де ведере, стилул литературий артистиче се ынкадрязэ ын системул стилурилор функционале але лимбий, деоарече «ел партиципэла ындеянирия де кэтре лимбэ а функцией сале социале», яр «литература артистикэ конституе де асеменя „о сферэ“ де фолосире а лимбий (дэши ну пря корелязэ ку алте сферэ, легате де активитатя социалэ а оаменилор)», функция естетикэ презентынду-се «ка уна динтре формеле де функционаре а лимбий»⁸. Пледынд ын фавоаря ноциуний де стил ал литературий артистиче, Р. А. Будагов менциона принтре алтеле: «Функция естетикэ (алэтурь де алте функций але лимбий ши, май ынтый де тоате, де чя комуникативэ) — ятэ чя май импортантэ трэсэтурэ интегралэ, каре есте ку-принсэ ынтр'о формэ импличитэ сау экспличитэ ын стилул оперей

⁷ Марин В. З. Оп. чит. п. 24.

⁸ Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1977, с. 48.

артистиче, ын спечиал дин епока модернэ. Ачастэ трэсэтурэ интегралэ дистинже стилул оперей артистиче де алте стилуръ але ворбирий»⁹. Ши май департе: «Стилул оперей артистиче се сепарэ, ын сфыршил, ши практик. Индиферент де курентул литерар ши метода де креацияе а скрииторулай чититорул, де обычай, фэрэ пра мултэ греутате детерминэ, че конституе о оперэ артистикэ ши че се реферэ ла алте стилуръ але ворбирий»¹⁰. Сынт инвокате ши алте аргументе ын фавоаря ынкадрэрий стилулуй литературий артистиче ын системул стилурилор функционале¹¹.

Потривит челуй де ал дойля пункт де ведере стилул литературий артистиче требуе ексклус дин категория стилурилор функционале, деоарече ел «ну корелязэ пе деплин ку челеалте стилуръ, типуръ сай вариетэць але ворбирий литераре-ливрешть сай популяр-куренте. Ел ле фолосеште, инклузынду-ле ын сине, дар ын комбинаций спечифиче ши ынтр'о формэ модификатэ дин пункт де ведере функционал»¹². Контра тратэрий стилулуй литературий артистиче ка стил функционал с'ау пронунцат В. П. Мурат¹³, Л. Ю. Максимов¹⁴, А. К. Панфилов¹⁵ ш. а. Чея че-й детерминэ пе уний черчетэторь (Л. Ю. Максимов, А. К. Панфилов) сэ ексклудэ стилул литературий артистиче дин системул стилурилор функционале есте фаптул кэ ын ел се фолосеск пе ларг елементе дин алте стилуръ, чея че-й штерже хотареле, фэкынду-л май пуцин контурат ын компарации ку алте стилуръ. Алць черчетэторь (В. П. Мурат, Н. А. Кожевникова) инвокэ ын калитате де аргумент супрем фаптул кэ стилул литературий артистиче се карактериззэ принтр'о функцие спечиалэ — прин функция естетикэ.

С'а сублиннят ын репетате рындуръ, кэ примул дин аргументеле читате де адверсарий рекуноаштерий стилулуй литературий артистиче ка стил функционал есте нефондат, деоарече нич ун стил функционал ну есте ынкис, изолат, дупэ кум нич ун стил функционал ну диспуне де претинса оможенитате а колоратурий стилистиче а мижлоачелор вербале¹⁶. Авя перфектэ дрептате Г. В. Степанов, ыннд сублинния, кэ фолосиря елементелор дин алте стилуръ

⁹ Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1974, с. 109.

¹⁰ Тот аколо, п. 113.

¹¹ Кожина М. Н. О понятии стиля и места языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1973, с. 26—34; Головин Б. Н. Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка.— В кн.: Вопросы стилистики. Межвузовский научный сборник. Вып. 14. Изд-во Саратовского ун-та, 1978, с. 113—121.

¹² Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики.— Вопросы языкоznания, 1955, № 1, с. 85.

¹³ Murat V. P. Despre problemele fundamentale ale stilistica.— In: Probleme de stilistica. Culegere de articole. Buc., 1964, p. 28.

¹⁴ Максимов Л. Ю. Литературный язык и язык художественной литературы.— Русский язык в национальной школе, 1967, № 1, с. 27.

¹⁵ Панфилов А. К. К истории становления публицистического стиля современного русского литературного языка: Автограф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1974, с. 12.

¹⁶ Кожина М. Н. О понятии стиля и места языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1962, с. 28.

шу ынсямнэ липсэ де орижиналитате а стилулуй дат ши нич ну пууне ла ындоялэ екзистенца луй реалэ, деоарече градул де интерпенетрабилитате а стилурилор есте релатив ши ворбиря актуалэ се карактеризяэ прин респектаря резонабилэ а пропорциилор¹⁷.

Ын привинца челуй де ал дойля аргумент ымпотрива рекуноаштерий стилулуй литературий артистиче дрепт стил функционал луккуриле ни се пар май компликтате. Де факт, нимень ну пууне ла ындоялэ, кэ чея че деосебеште лимбажул литературий артистиче де тоате челелалте спечий де ворбире уманэ есте токмай функция луй естетикэ. Диверженцеле ынчеп одатэ ку абордара унор проблеме май партикуларе, легате де екзистенца функцией естетиче ын казул алтор спечий де ворбире уманэ, афарэ де стилул ворбирий артистиче, прекум ши де корелация динтре функция естетикэ ши чя комуникативэ. «Солуционаря проблемей интеракциуний динтре функция естетикэ ши чя комуникативэ,— менционяэ Н. А. Кожевникова,— есте екстрем де импортантэ — де фелул, кум се резолвэ ea, делинде пунктул де ведере асупра рапортулуй речипрок динтре лимбажул поетик ши чел «практик». Дакэ функция естетикэ се рупе де чя комуникативэ, се опуне ей, се декларэ примарэ, лимбажул поетик, ворбиря артистикэ сынт тратате ка чева че презинтэ валоаре ын сине, ынкис ын сине»¹⁸. Ши де дата ачаста авем де а фаче ку доуэ пункте де ведере бине контурате: уний черчетэторь консiderэ функция естетикэ дрепт о вариетате а функцией комуникативе, алций о декларэ функции сепаратэ, че се деосебеште принципial де чя комуникативэ. Ын делинденцэ де ачест факт уний инклуд стилул литературий артистиче ын системул стилурилор функционале, алций ыл ексклуд дин кадрул ачестий систем, ситуунду-л де асупра луй¹⁹.

Дупэ пэреря ноастрэ, пентру а демонстра, кэ стилул литературий артистиче корелязэ ку челелалте стилурь функционале ну е неапэрэтэ невое сэ дедучем функция естетикэ а стилулуй литературий артистиче дин функция комуникативэ а лимбий, дупэ кум нич рекуноаштеря функцией естетиче дрепт о функции апарте, примарэ ну не ындрептэцеште сэ опунем стилул литературий артистиче челорлалте стилурь функционале, сэ-л ситуэм де асупра лор.

Резумынд челе де май сус вом рецине ын мод спечиал, кэ атыт инклудеря стилулуй литературий артистиче ын системул стилурилор функционале але лимбий, кыт ши ексклудеря луй дин ачест систем, се пууне ын делинденцэ директэ де фаптул, дакэ се поате сау ну демонстра, кэ ши ын казул дат функция комуникативэ есте фундаменталэ, примордиалэ, яр функция естетикэ де-

¹⁷ Степанов Г. В. О художественном и научном стилях речи.— Вопросы языкоznания, 1954, № 4, с. 99.

¹⁸ Кожевникова Н. А. Функциональные стили и язык художественной литературы.— Русский язык в школе, 1966, № 4, с. 23.

¹⁹ Везь: Михайлов М. М. Стилистика русской речи. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1968, с. 132—133.

ривэ дин чя коммуникативэ, супрапунынду-и-се. Токмай ачест элемент доминант комун — функция коммуникативэ — ый ындрептэцеште пе черчетэторь сэ ворбяскэ де корелативитатя стилулуй литературий артистиче ку чалелалте стилурь функционале.

Дупэ пэреря ноастрэ, проблема ар путя фи абордатэ — ши, дупэ кум ни се паре, ку май мулт сукчес — ши дин алт пункт де ведере: сэ се демонстрезе, кэ системул стилурилор функционале се конституе пе алтэ базэ декыт чя преконизатэ де традиции, кэ лимба се характеризяэ ну прин уна, чи прин кытева функций фундаментале, примордиале, каре се манифестэ симултан, дар ку о интенситате диферитэ, кэ фиекаре динтре принципалеле стилурь але лимбий аре ла базэ о функции а са проприе, доминантэ, каре се реализяэ ку о деосебитэ прогнанцэ, ын тимп че чалелалте функций фундаментале ышь гэсэск реализаре ынтр'о формэ оарекум май атенуатэ.

Дакэ вом адмите ымпреунэ ку В. А. Аврорин, кэ «функция лимбий ка ноциуне штиинцификэ есте манифестаря практике а есенцей лимбий, реализаря менирий ей ын системул де феномене сочиале, акциуня спецификэ а лимбий, кондиционатэ де ынсэшь натура са, ачяя, фэрэ де каре лимба ну поате екзиста, дупэ кум ну екзистэ материе фэрэ мишкаре»²⁰, вом фи невоиць сэ рекуноаштем, кэ функция коммуникативэ ну есте уника функции фундаменталэ, есенциалэ а лимбий. Дупэ кум се штие, штиинца демулт а идентификат доуэ динтре челе май импортантне функций есенциале але лимбий — функцииile де а фи мижлок де коммуникаре ши инструмент ал гындирий. Де факт, кяр де ла апарация лингвистичий ка штиинцэ проблема лимбий се дискутэ пе база детектэрий унея сай алтея орь кяр а амбелор функций, тратате ка афлынду-се ынтр'ун рапорт де интеракциуне. Ну авем нич ун темей сэ ренунцэм ла ачест модел ал функцийилор лимбий, модел верификат де ынтрегул мэрс ал дэзволтэрий лингвистичий, дупэ кум ну авем нич ун темей сэ не лимитэм доар ла ачесте доуэ функций есенциале але лимбий — коммуникативэ ши когнитивэ, — каре се комплектяэ речипрок. «Есте ку десэвиршире клар, — скрие Н. А. Слюсарева, — кэ омул, дэши се реферэ ла женул Homo sapiens, адикэ есте ынзестрат ку рациуне ши ну поате екзиста фэрэ а коммуника ку семений сэй, май есте ынзестрат афарэ де ачста, ку о сферэ эмоционал-сензориалэ, каре де асеменя ышь гэсеште експресие ын лимбэ. Требуе атрасэ ын мод специал атенция асуупра фаптулуй кэ орьче енунц трансмите о оарекаре апредиере эмоционалэ сай перчеперя естетикэ объектулуий ворбий, пынэ ла нуанце пейоративе. Ку алте кувинте, ын орьче енунц... ын мод комплементар, дар, тогодатэ, инсепарабил де характеристичиле структурале ши концинут, аре лок экспримаря сентиментилор де кэтре ворбитор ку ажуторул унуй богат

²⁰ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. с. 34.

арсенал де мижлоаче вербале»²¹. Ачест рационамент ый импуне аутоарей конклузия жустэ, дупэ пэреря ноастрэ, кэ функция эмоционал-естетикэ требуе инклусэ ын нумэрул функциилор фундаментале, есенциале але лимбий²².

Реферинду-се ла проблема функциилор лимбий, А. Мартине скрие принтре алтеле: «С'ар путя ворби де асеменя де о функцие естетикэ а лимбажулуй, каре ар фи греу де анализат, дат фиинд градул ей ыналт де ынтрапэтрундере ку функция де комуникаре ши де экспрессие»²³. Р. А. Будагов, сублиниинд кэ «орьче лимбэ натуралэ а оменирий есте май ынтый де тоате ун систем комуникатив, систем ку ажуторул кэроя оамений комуникэ уний ку алций», менционязэ, кэ оамений трансмит ку ажуторул лимбий «сентиментеле ши трэириле, ынкынтаря ши уймирия, букурия ши неказул, каре ну тотдяуна урмэреск скопурь пур комуникатив»²⁴, лимба манифестынду-се астфел ши ку функция естетикэ²⁵. Ворбинд деспре лимбажул поетик, Д. Н. Шмелев аратэ, кэ «функция естетикэ а лимбий, кондиционатэ де ынсэшь натура са (субл. не апарцине — И. Е.), ынсоцеште неабэтут функция комуникативэ»²⁶. Қэч, дупэ кум менционязэ А. А. Уфимцева, «лимба сервеште ну нумай ка мижлок де куноаштере ши репрезентаре а универсулуй объектелор ши а универсулуй идеилор, еа есте легатэ де формаря ши трансмитеря гындурилор, де екстериоризаря сентиментелор ши а диферителор интенций, асигурынд ын фелул ачеста сфера активитэций эмоционале ши а күжетэрий вербале а омулуй»²⁷.

Адмицынд кэ реперториул функционал ал лимбий есте конституит дин трей функций есенциале, фундаментале²⁸, требуе сэ авем мереу ын ведере, кэ ачесте функцийничодатэ ну се манифестэ кыте уна сингурэ, чи акционязэ тоате ымпреунэ, ын блок, фэрэ а се путя диспенса уна де челеалате²⁹. Интенситатя манифестэрийлор, форца корелативэ а акциуний лор диферэ де ла каз ла каз ын депенденцэ де сфера де активитате социалэ ши де форма респективэ де конштиинцэ десервите де лимбэ.

Дупэ кум се штие, нуклеул активитэций естетиче а омулуй ыл конституе арта ши токмай аич активитатя уманэ атинже че май ыналт град ал естетикулуй, девенинд активитате артистика³⁰.

²¹ Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981, с. 16.

²² Тот аколо, п. 17.

²³ Martinet A. Elemente de lingvistica generală. Buc., 1970, p. 27.

²⁴ Будагов Р. А. Эстетика языка.— Русская речь, 1975, № 4, с. 64.

²⁵ Тот аколо.

²⁶ Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977, с. 162—163.

²⁷ Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974, с. 7.

²⁸ Пентру скопул пе каре ыл урмэрим аич ну аре нич о импортанцэ фаптул кэ нумэрул ачестор функций ар путя фи 4, 5 ш. а. м. д.

²⁹ Аврорин В. А. Оп. чит., п. 44—45.

³⁰ Везь: Борев Ю. Эстетика, 3-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1981, с. 18 и сл.

Динтре тоате артеле литература есте уника ын каре ну авем де а фаче ку перчеперя немижлочите а имажиний объективе, ын калитате де мижлок универсал де репродуучере артистикэ а реалитэций фолосинду-се лимба. Ши дакэ литература есте о артэ вербалэ, ну е де мираме, кэ токмай аич функция естетикэ а лимбий ышь дэзвэлүе дин плин потенцеле сале, ын челе май избутите форме де манифестаре а са, дынд ла ияялэ каподопере немуритоаре, ын каре рефлектаря ши репродуучера естетико-пластика а реалитэций ши експримаря ей артистикэ, естетикэ ышь гэсек чя май десэвиршите ынтурапе. Имажиния артистикэ есте категория фундаменталэ а оперей литераре ши ла фэурия ей, ла материализаря есенций сале екстравингвистиче скрииторул ну диспуне де алт материал афарэ де лимбэ. ын литература артистикэ элементеле вербале ши имажиния се контопеск органик ынтр'ун тут унитар, каре поартэ денумиря де имажине вербалэ³¹.

Деши се консiderэ — ши ну фэрэ темей,— кэ «ын кяр база са кувынтул концине элементе але пластичитэций», кэ «ынсушь процесул историк де конституире а лимбий, каре инклуде ын сине трансферул трэсэтурилор симиларе де ла феномен ла феномен, а сатурат лимба ку перчеперя асочиативэ а лумий ши а прогэтиг-о ын ведеря рефлектэрий артистиче а реалитэций»³², лимба ышь екзерчите функция са естетикэ ну атыт даторитэ екзистенций унуй потенциал оарекаре де мижлоаче пластиче (ку тоате кэ екзистенца унуй асеменя потенциал ну поате фи контестатэ), кыт даторитэ фаптулуй кэ орьче кувынтул, орьче формэ а кувынтулуй, орьче конструкции синтактикэ, нимеринд ын текстул оперей артистиче, ынтрэ ын рапортурь органиче ку ынтрегул систем имажистик ал оперей, девенинд астфел пластикэ ши кэпэтынд валорь естетиче. Астфел, дакэ «орьче пасаж ал оперей луй И. Крянгэ ши унеорь орьче фразэ ыл каптивязэ пе чититор прин фрумусеца експресиилор популаре ши а идиомелор, презенца кэрора конституе о трэсэтурэ карактеристикэ пентру стилул скрииторулуй»³³, ынтр'о поэзие постумэ а луй Михаил Еминеску — «Динтре суте де катаржэ», — ын каре авем де а фаче ку плэзмуиря перфектэ а унуй таблоу згудуитор ал нереализэрий, ал унуй друм а кэрүй цинтэ рэмьыне неатинсэ ши де пе каре ну екзистэ посибилитате де ынтоарчере, репетэм: ын ачастэ поэзие поетул нич ну рекуржэ ла фондул пластик ал лимбий, нич ну актуализязэ потенце пластиче невалорификате ынкэ але кувинтелор. Компарэ:

*Динтре суте де катаржэ
Каре ласэ малуриле,
Кыте баре ну ле-ор спаржэ
Вынтуриле, валуриле?*

³¹ Ковалевская Е. Г. Анализ текстов художественных произведений: Лекция. Л., 1976, с. 26.

³² Борев Ю. Оп. чит., п. 285.

³³ Семашко А. Ун аспект ал орижиналитэций стилулуй луй И. Крянгэ.— Лимба ши литература молдовеняскэ, 1960, № 1, п. 40.

*Динтре пэсэрь кэлэтоаре
Че стрэбат пэмынтуриле,
Кыте-о сэ ле'нече оаре
Валуриле, вынтуриле?
Де-й гони фие норокул,
Фие идеалуреле,
Те урмязэ ын тот локул
Вынтуриле, валуриле.
Нэ'нцелес рэмыне гындуул
Че-цы стрэбате кынтуриле,
Збоарэ вечник, ынгынынду-л,
Валуриле, вынтуриле.*

Ши ку тоате ачестя, даторитэ фолосирий мэестрите а унор күвинте динтре челе май обишнуите, «неалесе пе спрынчанэ», Еминеску обчине эффекте естетиче улуитоаре.

Валоаря естетикэ а стилулуй литературий артистиче рэмыне доминантэ кяр ши атунч, кынд ын кадрул уней опере артистиче, афарэ де функция естетикэ ши чя коммуникативэ, есте актуализатэ ши функция когнитивэ. Ар путя фи читатэ ын сенсул ачеста поэзия луй Андрей Лупан «Мажистрале», каре ын чуда елементор вербале проприй куноаштерий штиинцифиче, рэмыне ун модел де веритабилэ литературэ артистикэ.

Тотализынд челе де май сус ку привире ла трэсэтура фундаменталэ, диференциалэ а стилулуй литературий артистиче ка реалитате лингвистикэ, сублинием, кэ ачастэ трэсэтурэ констэ ын капачитатя луй де а актуализа ла максимум функция естетико-емотивэ а лимбий, трансформынд-о ын челе дин урмэ ын функции доминантэ.

СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Р е з у м е

О стиле художественной литературы написано очень много и очень интересно, однако до сих пор нет общепринятого понимания его сущности; разные исследователи с разных теоретических позиций подходят и решают проблемы, относящиеся к его конститутивным признакам и к его своеобразному способу функционирования. Среди вызвавших много споров, но не решенных еще вопросов особое место занимает соотношение стиля художественной литературы с функциональной стилистикой, т. е. место стиля художественной литературы среди других функциональных стилей. Рассмотрению этого вопроса и посвящена данная статья.

Как включение стиля художественной литературы в систему функциональных стилей, так и его исключение из этой системы весьма часто ставится в прямую зависимость от того, можно ли считать, что и в данном случае коммуникативная функция является основной, первичной, существенной, а эстетическая — производной от коммуникативной, на которую она и накладывается. Именно наличие для всех функциональных стилей этого общего господствующего элемента — коммуникативной функции — позволяет многим исследовате-

лям говорить о соотносительности стиля художественной литературы с другими функциональными стилями.

В статье проводится и обосновывается мысль о том, что к решению данного вопроса можно подойти и с другой стороны — допустить, что система функциональных стилей образуется на совершенно другой основе, чем та, которая признается традицией, т. е. можно допустить, что языку свойственна не одна — коммуникативная, — а несколько основных, первичных, существенных функций — когнитивная, эмоционально-эстетическая и др., — которые реализуются одновременно, но с различной степенью интенсивности, что каждый из основных функциональных стилей характеризуется своей собственной, господствующей функцией, которая проявляет себя с особой силой и яркостью, в то время как остальные функции проявляют себя латентно, переходя как бы на второй план.

Известно, что из всех искусств литература является единственным искусством, которое не связано с непосредственным восприятием объективного образа, а в качестве универсального средства художественного воспроизведения действительности использует язык. И если литература является словесным искусством, то не удивительно, что именно здесь эстетическая функция языка наиболее полно и ярко проявляет свои потенции. Художественные образы являются основными категориями художественного произведения и для их создания, для материализации их внеязыковой сущности писатель располагает единственным материалом — языком. Поэтому в художественной литературе речевые элементы и образ органически сливаются в нечто целое, в то, что составляет словесный образ. Следовательно, язык в художественных произведениях проявляет свою эстетическую функцию благодаря не столько наличию в нем определенного арсенала изобразительных, образных средств, сколько тому, что, попадая в текст художественного произведения, каждое слово, каждая синтаксическая конструкция сразу же вступает в органическую связь со всей образной и идейно-художественной системой произведения. В качестве примера можно привести стихотворение М. Эминеску «Снова мачты покидают...». Здесь поэт создает исключительную по своему совершенству картину несущественной цели. Однако в этом стихотворении поэт не воспользовался ни одним образным речевым элементом и не прибег также к актуализации не выявленных еще образно-изобразительных возможностей речевых элементов.

Эстетическая функция стиля художественной литературы остается господствующей и тогда, когда в художественном произведении помимо эстетической актуализируется и когнитивная функция. Примером может служить стихотворение А. Лупана «Мажистрал», которое, несмотря на насыщенность речевыми элементами, свойственными стилю научной литературы, остается образцом настоящей художественной литературы.

Таким образом, основная, существенная особенность стиля художественной литературы сводится к его способности максимально актуализировать эмоционально-эстетическую функцию языка, превращая ее в конечном итоге в господствующую.

СТИЛУЛ ПУБЛИЧИСТИК ШИ РОЛУЛ ЛУЙ ЫН ПРОЧЕСУЛ ДЕ ДИФЕРЕНЦИЕРЕ ФУНКЦИОНАЛ-СТИЛИСТИКЭ А ЛИМБИЙ МОЛДОВЕНЕШТЬ

1. Студиеря лимбий национале суб аспектул диференциерий функционал-стилистиче конституе ын презент уна дин преокупэриле перманенте але лингвиштилор. Ын челе че вор урма се фаче о ынчкеркаре де а стабили ануимте принципий ши критерий че ар ста ла база студиерий ши интерпретэрий стилулуй публи-

чи стик ка о унитате а системулуй стилистик ал лимбий молдовенешть.

Премиза принципалэ, де ла каре порним, констэ ын концептеря лимбий национале ка ун tot ынтрег ку май мулте стратификэры функционале, каре не пермит сэ ворбим деспре ун систем функцional — стилистик. Интерпретынд структура лимбий ка пе «ун систем ал системелор», акад. В. В. Виноградов консidera стилул функционал дрепт ун систем партикулар (сau субсистем), че се ынкорпорязэ ын системул женерал ал лимбий¹.

А доуа премизэ о конституе фаптул кэ стабилиря ши консолидаря унуй стил ын системул стилурилор функционале есте ун феномен объектив, диктат де нечеситэциле комуникэрий, де активитатя мембрилор сочиетэций ынтр'ун домениу сау алтул, адикэ е кондиционат де ынсэшь реалитатя ынконжурэтоаре. Ануимите домений де активитате практикэ, ануимите ситуаций пресупун ши о ануимите селекции ши ымбинаре а елементелор лимбий, ын скопул асигурэрий унай ефичиенце максиме а комуникэрий².

Прин урмаре, стилул функционал ка унитате фундаменталэ а системулуй стилистик ал унай лимб аре ка базэ объективэ атыт функция конкретэ а унуй ансамблу лингвистик дат, кытши о серие де алць факторь де натурэ сочайлэ³.

Ын линий марь, системул стилистик ын женерал ни се презинтэ ка о унитате изоморфэ ку чя а системулуй лимбий. Деосебириле динтре системеле стилистиче функционале ши системул комплекс ал лимбий требуе кэутате ын позиция ши иерархия елементелор лор конститутиве, феномене кондиционате, ла рындулор, де факторь де натурэ лингвистикэ ши екстраплингвистикэ⁴.

Черчетэтоаря М. Н. Кожина ын лукрая «К основаниям функциональной стилистики» афирмэ: «Консiderынд стилул функционал дрепт ун феномен социал, рекуноаштем специфиче пентру ел трэсэтуриле, кондиционате де факторь пур социаль (ши ну индивидуаль), ши, май ынтый де тоате, ын калитате де базэ пентру евиденциеря спецификалор лингвистик ал стилулуй се импуне унитатя де акум индикатэ (модул де активитате, кэруя ый кореспунде о ануимите формэ де конштиинцэ социалэ ши «каре формязэ» о ануимите сферэ де комуникаре, скопул комуникэрий сау функция конкретэ, че женерязэ стилул, прекум ши «типул» де гындире)»⁵. Ун лок апарте ын дефиниря стилулуй функционал

¹ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 201.

² Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1967, с. 43—44.

³ Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977, с. 56—57.

⁴ Швец А. В. Публицистический стиль современного русского литературного языка. Киев, 1979, с. 20.

⁵ Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968, с. 198—199.

ыл окупэ рапортул луй ку диферителе форме де екзистенцэ а лимбий (лимбэ литерарэ, лимбаж ворбит, грай, жаргон).

Прин урмаре, стилул функционал ну есте алтчева декыт лимба, кэрэя и се атрибуе о дестинацие специалэ, адикэ лимба ын уз, ын акциуне.

2. Ши де аич, стилул публичистик ын етапа актуалэ се презинтэ ка о тоталитате, ун ансамблу де селектаре, де ымбинаре ши де утилизаре а ануимитор мижлоаче лингвистиче, фолосите де о ануимитэ катагорие де ворбиторь (зиаришть, скриторь-публичишть, кореспонденць) ын скопул куноаштерий ши интерпретэрий экспериенцей социале, базате пе методоложия марксистленинистэ, ын ведеря уней активизэрь максиме а чититорулуй, а коллективулуй, а ынтрэжий сочиетэць, ын кореспундере ку лежиле объективе куноскуте але дэзволтэрий социале⁶.

В. И. Ленин консiderа, кэ сарчина принципалэ а публичистичий констэ ын «а скрие история контемпоранеитэций»⁷. «Преса ноастрэ, финнд о експресие а опинией публиче, ун пропагандист колектив, ажитатор ши организатор ал маселор, екзерчтэ о инфлюенцэ путерникэ асупра ынтрэжий веъц а цэрий, асупра формэрий концепцией ноастре ши атитудиний ноастре фацэ де ануимите феномене ши евенименте»⁸.

Публичистика, ын фонд, антреынд ын дискуцые интерлокуторий сэй, адикэ маселе ларжь де чититорь, пресупуне ши о ануимите атитудине а лор фацэ де челе релатате ын пресэ. Ын аша фел, ачест домениу комплекс де активитате политко-идеоложикэ екзерчтэ о инфлюенцэ перманентэ асупра веций социале, асупра чититорулуй, ын скопул формэрий опинией публиче, а конштиинцей социале⁹.

3. Ля евиденциеря трэсэтурилор иманенте але стилулуй публичистик требуе сэ се цинэ конт де фаптул кэ ын кадрул луй путем дистинже доуэ рамификаций стилистиче: публичистика ын вариантэ скрисэ, аша кум о гэсим ын зиаре ши ревисте суб форма де жэнурь публичистиче, каре купринд информаций ши комментарий реферитор ля диферите фапте ши евенименте дин реалитатя ынконжурэтоаре, ши варианта нескрисэ сай оралэ, сусцинутэ, ын принчилиу, ля радио ши телевизиуне — мижлоаче де информаре ын масе.

Амындоуэ ачесте варианте але стилулуй публичистик инклуд ши чея че нумим публичистикэ артистикэ, сарчина ей финнд ачяеш — де а рефлекта челе май актуале ши мажоре проблеме социал-политиче, экономиче ши културале, ын ведеря пропагэрий лор. Уний черчетэторь консiderа, кэ деосебиря динтре

⁶ Чепеахов М. С. Проблемы теории и публичистики. М., 1971, с. 111.

⁷ В. И. Ленин. Зиле революционаре.—Опере комплекте, вол. 9, п. 234.

⁸ Швец А. В. Оп. чит., п. 65.

⁹ Комаровский П. Стилул публичистик ын системул стилурилор функционалс.—Ын: Проблеме де стилистикэ ши теорие а традучерий. Кишинэу, 1972, п. 10.

ачесте вариетэць але стилулуй публичистик требуе кэутатэ ын екзистенца диферителор форме але имажиний ши а диверселор мижлоаче лингвостилистиче, антренате ла реализаря ей. Се консiderэ кэ, дакэ ын примул каз авем де а фаче ку о тоталитате де элементе ши прочедее, че трансмит о информацие обишуунитэ, ла база кэрея стэ имажиня семантикэ, апой ын чел де ал дойля каз, май авем пе де асупра ши о серие де элементе ши прочедее, че трансмит о комуникаре естетикэ¹⁰.

Де факт, о делимитаре атыт де стриктэ а диверселор форме але имажиний, че карактеризяэ фиекаре динтре ачесте вариетэць стилистиче, ну поате фи акцептатэ ын ынтрэжиме, деоарече амбеле компартименте але стилулуй публичистик «дескриу, эксплика, демонстрияэ, конвинг, се адресяэ ын егалэ мэсүрэ рациуний ши симцуурилор, ымбинэ ложикул ку емотивул, экспун евенименте ши фапте, редынд апречиеря лор субъектив-аффективэ»¹¹. Ворба е, кэ ын казул вариантий скрисе челе енунцате ау май мулт ун карактер комуникатив-информационив, ын тимп че варианта нескрисэ валификацый ынтр'ун град май авансат посибилитэциле экспрессиве але кувинтелор, функцииile лор естетиче.

Ын челе че урмязэ не вом рефери, май алес, ла прима вариетате а стилулуй публичистик (чя де газетэ), ын каре сынт атестате челе май пронунцате трэсэтуурь спечифиче де натурэ лексикалэ ши граматикалэ, че аргументяэ екзистенца унуй стил апарте — чел публичистик — ын системул стилурилор функционале але лимбий молдовенешть.

4. Ын етапа актуалэ о черчетаре комплексэ а стилулуй публичистик ну поате фи ынфэптуутэ фэрэ а се цине конт де екзистенца ын кадрул луй а май мултор жёнурь ши спечий, диференциеря кэрора е жёнератэ де ануумите партикуларитэць лингвостилистиче спечифиче пентру фиекаре дин еле. Дупэ кум афирмэ В. А. Алексеев, нумай дупэ детерминаря сферей де ынтребуунцаре ши дупэ дефинирия жёнурилор проприй стилулуй публичистик, поате фи резолватэ ку сукчес ши проблема привинд трэсэтуурile лингвистиче карактеристиче ачестуй стил¹². «Дэзволтая стилулуй публичистик,— менционяэ О. Б. Сиротинина,— се манифестэ, май ынтый де тоате, ын формаря ноилор жёнурь, чея че се афлэ ын стрынсэ легэтуурэ ку феноменеле сочиале»¹³. Ши ынтр'адевэр, диференциеря ши дэзволтая жёнурилор стилулуй публичистик аре ла базэ ануумиць факторь сочиаль, принтре каре ам путя ремарка: 1) скимбаря ши реынноиря черкурилор де чититорь ын урма прочесулуй интенс де културализаре а маселор, каре а авут лок

¹⁰ Комаровский П. Оп. чит., п. 16.

¹¹ Думенюк И. З., Маткаш Н. Г. Ынтродучере ын лингвистикэ. Кишинэу, 1980, п. 172—173.

¹² Алексеев В. А. О некоторых особенностях публичистического функционального стиля.— В кн.: Проблемы журналистики. Вып. 2. Изд. ЛГУ, 1973, с. 20.

¹³ Сиротинина О. Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публичистики.— В кн.: Развитие функциональных стилей русского языка. М., 1968, с. 121.

дупэ Маря Револуцые Социалистэ дин Октомбrie ши, де аич, скимбаря релацийлор динтре аутор ши чититор; 2) реынноиря ши комплектаря черкурилор де ауторъ, че публикэ ын пажиниле пресей периодиче. Дакэ ла ынчепутуриле дэзволтэрий пресей ноастре ын знаре путяу фи ынтылните нумай нумеле скрииторилор-публичишть ши але зиариштилор консакрацъ, апой ын презнт нумэрул кореспонденцийлор титуларь ши нетитуларь с'а мэрит консiderабил пе сама ауторилор, вениць динрындуриле чититорилор ыншишь, динрындуриле специалиштилор че активязэ ын челе май диверсе домений але веций социал-экономиче ши културале; 3) апариция унор ной сарчинь комуникатив-функционале, че стау ын фаций пресей советиче¹⁴. Диверситатя женурилор публичистиче, прин урмаре, се афлэ ын депенденцэ директэ де сарчиниле, концинтул ши функция фиекэруя дин еле. Астфел, штирия «требуе сэ комуниче деспре фаптул ка атаре, кореспонденца — сэ дэзвэлүе концинтуллуй, яр артиколул — сэ күжете деспре фаптеле ши феноменеле реалитэций, репортажул — сэ креезе ун таблоу виу ал фаптелор ши феноменелор»¹⁵. Прин урмаре, фиекаре динтре женуриле публичистиче куноскуте поседэ мижлоаче лингвистиче ши прочедее стилистиче специфиче. Артиколул де проблемэ, де екземплу, скица, фойлетонул, памфлетул, таблета, авынд о функцие коментативэ, диспун де посибилитэць май ларжъ ын чея че привеште манифестаря индивидуалитэций ауторулуй, фолосинд ку предилекции прочедее ши мижлоаче че цин, ын темей, де стилул литературий артистиче. О серие де алте женуръ гэзэтэрешть, кум сынт: информация, кроника, нота, интервюл, репортажул, финнд оарекум рефрактаре ла прочедееле стилулуй белетристик, се карактеризазэ прин ануимите афинитэць ку стилул администрэций¹⁶.

Аша дар, функция конкретэ ши ануимите кондиций ку карактер сочиоложик пронунцат детерминэ принципииле, че стау ла база селектэрий ши утилизэрий ресурселор експресиве але лимбий, ши деч диверситатя женурилор публичистиче¹⁷.

Ку тоате ачестя, ынтрэ женуриле ши специиле стилулуй публичистик ну пот фи трасе линий чerte де демаркацие, дат финнд фаптул кэ ын ануимите антураже деосебириле динтре еле сынт конвенционале. Женуриле публичистиче (ка ши челе але литературий артистиче) коекзистэ, се кондиционязэ речипрок ши се афлэ ынтр'о интеракциуне перманентэ, ын сенсул кэ еле се апропие, унеорь ын мод вэдит, атыт ын чея че привеште калитэциле, прочедееле лор специфиче, кыт ши ын чея че привеште утилизаря ресурселор експресиве але лимбий. «Ын кореспонденцэ, де екзем-

¹⁴ Сиротинина О. Б. Оп. чит., п. 105—106.

¹⁵ Женуриле пресей советиче. Кишинэу, 1970, п. 4.

¹⁶ Капитоле дин история лимбий литераре молдовенешть / Суб ред. луй Н. Г. Корлэтяну, Ф. С. Котелник, И. И. Ецко. Кишинэу, 1972, п. 238.

¹⁷ Солганик Г. Я. О языке газеты (история изучения, методика, проблемы и задачи).— Вестник Моск. ун-та. Сер. журналистика, 1967, с. 54.

плу, гэсим фоарте дес калитэць але артиколулуй, скицей, фойлетонулуй, дэши ea (кореспонденца) се афлэ ка жэн ундева ынтрэ информацэ ши артикол. Ын информацэ гэсим элементе, характеристиче крокиулуй, кореспонденцей, репортажулуй; ын артикол ынтылним элементе характеристиче 'кореспонденцей, реченизи, памфлетулуй ши алтор жэнурь»¹⁸.

Дэши ын ултимул тимп е дестул де вэдитэ тендинца де ынтрэ-пэтрундре ши интерференцэ а жэнурилор, ну требуе, тотуш, неглижате прочедееле ши партикуларитэциле специфиче, че цин де фиекаре жэн, кум се ынтымплэ де мулте орь ын преса ноастрэ периодикэ. Ын легэтурэ ку ачаста, публичистул М. И. Чиботару, ынтр'ун артикол публикат ын ревиста «Нистру», менциона, пе бунэ дрептате: «Ын ынчкеркэриле публичистиче дин периодиче ноастре с'ау контопит тоате жэнуриле. Бунэаарэ, ынтр'о релатаре деспре вяца уней ферме ынтылним лаолалтэ ши элементе ку характер информатив, ши фрынтуры де скицэ, рефлексий есейистиче, диалогурь де роман, конклузий дидактический. Тот аша се ынтымплэ, кынд експунеря е фэкутэ пе база фаптелор дин домениул конструкцией, индустрией, культурой. Дэй репортаж, скицэ орь кореспонденцэ, прочедеул е ачелаш... Скриериле де каре ворбим сынт ун фел де газетэрие, каре поартэ ун сингур нуме: материале»¹⁹.

Ынтр'адевэр, ын преса ноастрэ ну сынт пущине казуриле кынд кореспонденца, репортажул сунт скрисе ын ачелаш мод ка ши артиколул де фонд, сау инверс.

Десигур, ну пот фи рекомандате ануимите «рецепт», рефери-тоаре ла лимба ши стилул репортажулуй, ал кореспонденцей сау ал артиколулуй. Ку тоате ачестя, авторий-публичистъ требуе сэ цинэ конт де фаптул кэ диверситатя жэнурилор констэ ну нумай ын диверситатя фаптелор ши проблемелор тратате ынтр'ун материал сау алтул, дар ши ын вариетатя прочедеелор ши а партикуларитэцилор лингвистиче ши стилистиче, антренате ын рефлекция лор.

5. Партикуларитэциле стилулуй публичистик ну пот фи скоасе ын евиденцэ ын тоатэ комплекситатя лор, фэрэ а цине сама де куноскута тэзэ, конформ кэрэя стилуриле функционале, ын женерал, ши стилул публичистик, ын специал, ну формязэ системе ши субсистеме ынкисе, ну сунт изолате унул де алтул, чи се афлэ ын прочес де интеракциуне ши ынтрепэтрундре континуэ²⁰, еле адмицынд атыт пэтрундря ши ынкорпораря ын кадрул лор а унор унитэць лингвостилистиче ной, кыт ши реструктуаря унора динтре челе экзистенте. Ынтрепэтрундря ши интеракциуня стилурилор функционале есте ун прочес дестул де актив, каре се манифестэ атыт прин утилизаря унитэцилор комуне пентру

¹⁸ Жэнуриле пресей советиче..., п. 5.

¹⁹ Чиботару М. И. Динколо де кувынт.— Нистру, 1980, № 1, п. 92.

²⁰ Ильяшенко Т. П. Языковые контакты (На материале славяно-молдавских отношений). М., 1970, с. 35.

тоате стилуриле, адикэ а елементелор че фактарте дин аша-нумитул вокабулар интерстилистика, прекум ши прин посибилитатя де а транспуне динтрун стил ын алтул унеле элементе специфиче, че компортэ нуанце экспрессиве.

Е штиут, кэ реферинду-не ла ун стил апарте, ну путем кэута стратурь лексикале, мижлоаче де экспримаре ши прочедее абсолют диференцияте, проприй нумай стилулуй дат. Авем о серие де элементе (май алес, де натурэ лексикале ши синтактике), каре, супунынду-се май ушор скимбэрмилор ши модификэрилор де диферит ордин, пресупун тотодатэ ши о флуктуация стилистика май пронунцатэ.

Ку алте кувинте, трэсэтуриле диференциале але стилурилор ау ун карактер мобил, еле ушор путьнд фи транспусе динтрун стил ын алтул, ын депенденцэ де функция лор конкретэ ши ын конкорданса ку скопул урмэрит де кэтре емицэтор²¹.

О асеменя ынтрепэтрундеши интерференцэ а стилурилор ышь гэсеште экспрессие анууме ын варианта де газетэ а стилулуй публичистик. Май мулт кяр. Путем спуне, кэ ачаста есте уна дин партикуларитэциле лимбий ши стилулуй газетей. Екзистэ кяр о пэрере, конформ кэрэя стилул публичистик ымбинэ органик атыт элементе лексикале неутре дин вокабуларул интерстилистика, формуле карактеристиче пентру стилул официал-административ, кыт ши о серие де элементе, че апарцин ку предилекции стилулуй штиинцифик, прекум ши унеле кувинте ши экспрессий дин стилул ворбирий орале. Обсервэм, деч, ын газетэ о симбиозэ а элементелор, че цин де стратурь функционале диферите²². О атаре ситуация се менцине, датэ фииннд атыт вариетатя де проблеме дискутате ын пресэ, кыт ши нумэрул консiderабил де ауторь, каре апар ын пайжиниле ей. Астфел, ын артиколул де фонд констатэм о оможенитате де стил, аич пэтрунзынд ынтр'о мэсурэ май редусэ элементе дин алте стилурь. Артиколул де проблемэ, ынсэ, аре танжэнце ку стилул штиинцифик, деоарече ын ачесте материале пэтрунд фоарте дес о мулциме де терминь дин диферите домений але штиинцей (ын депенденцэ, десигур, де проблемеле абордате). Женуриле публичистичий артистиче (скица публичистикэ, памфлетул, фойлетонул), авынд сарчина де а рефлекта артистик ануумите фапте, ситуаций, персонаже конкрете, луате дин реалитате, конции о серие де элементе, карактеристиче пентру стилул литературий артистиче.

Атражем атенция асупра фаптулуй кэ, дэши зиарул де астээз купринде, пе де о парте, материале ку карактер публичистик, яр пе де алта — артиколе штиинцифике, букэць литераре ш. а., ну путем тэгэдүү, тотуш, унитатя ши индивидуалитатя стилулуй публичистик ын системул стилурилор функционале, ачаста фииннд детерминатэ, ын маре мэсурэ, дупэ кум с'а акцентуат, де функция,

²¹ Солганик Г. Я. Оп. чит., п. 54.

²² Костомаров В. Г. Стилистические «смешения» в языке газеты.— Вопросы культуры речи. М., 1967, № 8., с. 18.

де импортанца луй ын прочесул де трансмитере а информацией ши де акциуне асупра чититорулуй. Ын афарэ де ачаста, пе база челор сусцинуте май сус, се поате афирма, кэ системул стилурилор функционале але лимбий молдовенешть есте супус, ын мод объектив, пресиуний а доуэ тендинце контраге: тендинца де специализаре а элементелор лингвистиче фолосите, адикэ де диференциере а стилурилор ши чя де неутрализаре а мижлоачелор де експримаре, адикэ де оможенизаре а стилурилор²³. Ачаста есте уна дин премизеле де базэ, каре женеряэ скимбэрь калитативе ши кантитативе ну нумай ынтр'ун систем функционал-стилистика, кум ар фи че ал стилулуй публичистик, дар пресупуне ши еволюция лимбий ын женерал.

6. Ворбинд деспре ынтрепэтрундеря ши интерференца стилурилор ка ун имбод, ун фактор де базэ ын дезволтаря ши функционаря стилулуй публичистик, ну путем трече ку ведеря ши ун момент ну май пүчин импортант пентру евиденциеря партикулатрэцилор ачестуй аспект стилистика, кум есте интеракциуня лимбилор. Ор, ын ситуация де билингвизм, интерференца лингвистикэ аре о ынсемнэтате дефиниторие ын конституиря ши дезволтаря системулуй уней лимбъ. Ын монография «Языковые контакты» Т. П. Ильяшенко афирмэ: «...контактеле динтре лимбъ се презинтэ ка о базэ теоретикэ ла екзаминаря прочеселор дезволтэрий лимбий молдовенешть»²⁴.

Ын системул лимбий стилул публичистик конституе че май фаворабил терен, унде се манифестэ дестул де евидент прочесул де интерференцэ а лимбилор²⁵. Ын кондицииле ноастре, ын чея че привеште прочесул де интеракциуне а лимбилор, позиция принципалэ о децине интерференца ку лимба русэ. О серие де елементе лингвистиче, че цин де диферите нивелурь, каре ау пэтрунс ши континуэ сэ ынтрундэ ын системул лимбий молдовенешть прин филиера лимбий русе суб формэ де ымпрумутурь сау суб формэ де калкурь лингвистиче, сынт ынрэжистрате пентру прима оарэ ын стилул публичистик. Реферинду-се ла ачесте моменте, А. М. Дырул менционяэ: «Мажоритатя инновацийор... се ынтылнеск, май алес, ын стилул пресей, ануме аич, де регулэ, се ынрэжистряэ пентру прима датэ астфел де скимбэрь. Деачея лимба пресей требуе сэ стее ла база черчетэрилор ын ведеря стабилирий унор тендинце де апропиере динтре лимбile kontaktante»²⁶. Астфел, о серие де терминь социал-политичь (*партийните, актив, бирю, депутат* ш. а.), технико-штиинцифичь (*автоматизаре, мека-*

²³ Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса).— В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968, с. 8.

²⁴ Ильяшенко Т. П. Оп. чит., п. 6.

²⁵ Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, с. 10.

²⁶ Дырул А. М. Унеле консiderаций привинд инфлюенца лимбий русе асупра лимбий молдовенешть ла етапа актуалэ.— Ын: Восточно-молдавские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1967, с. 80.

низаре, аселенизаре, спутник ш. а.), о серие де ымбинэрь стабилеши експрессий фразеологиче (приетения попоарелор, бунзтаре материалэ, републикэ-сорэ, фанион трансмисибил, вахтэ де мункэ, бригадэ де мункэ комунистэ ш. а.), формате пе база моделелор дин лимба русэ, пот фи атестаць май ынтый ын пресэ. Тоате ачесте феномене пот фи луате ын консiderацье ла черчетаря ши студиеря стилулуй публичистик ка унитате апарте ын системул стилурилор функционале. Ши май мулт. Унеле иноваций че вин сэ конкурезе ку елементеле лингвистиче екзистенте, унеле тендинце. Каре ау лок ын лимба ноастрэ, ын легэтурэ ку инфлюенца лимбий русе, пот фи трекуте дрепт трэсэтурь диференциале але стилулуй публичистик.

7. Үн алт момент импортант ыл конституе корелация динтре тоталитатя мижлоачелор лингвистиче але стилулуй публичистик ши арсеналул лимбий ворбите, елементеле кэрэя ын етапа актуалэ сынт дестул де фреквенте ын пайжиниле пресей. Черчетэторул В. Г. Костомаров, реферинду-се ла лимба русэ, констатэ, пе бунэ дрептате, кэ лимба вие а попорулуй, конституинд унул дин извоареле несекате де ымбогэцире а стилулуй публичистик, есте үн импулс ын прогресул лимбий²⁷.

Пэтрундеря ши адаптаря унор елементе, че-шь ау орижиня ын тезаурул лимбий ворбите, ын стилул публичистик есте үн процес диктат, де асеменя, де ануимиць факторь социаль. Е ворба де релацииле че се стабилеск ынтрэ ауторий публикациилор периодиче ши маселе ларжь де чититорь. Астфел, пе де о парте, фиекаре зиарист ши публичист, фиинд коншиент де сарчиниле, де функция пе каре о аре преса, ва скрие неапэрэат ынтр'о лимбэ симплэ, акчесибилэ тутурор чититорилор. В. И. Ленин, ын опереле кэрүя стилул публичистик атинжэ ынэлцимь уймитоаре, афирмэ, кэ «...мембрый унуй партид социалист милитант требуе ын лукрэрилэ лор штиинцифиче сэ ну-л пярдэ дин ведере пе чититорул-мунчтор, требуе сэ се стрэдуяскэ сэ скрие *симплу*, фэрэ артифичий де стил, фэрэ ачеле семне екстериоаре де «ерудицье», каре ый каптивязэ атыт де мулт пе декаденць ши пе репрезентанций ку ыналте титлурь ай штиинцей официале»²⁸.

Л. И. Брежнев сублиния: «Требуе сэ не фачем о регулэ де а ворби ку оамений ынтр'ун лимбаж симплу ши пе ынцелесул тутурор, синчер ши ку темей. Е тимпул сэ лэсэм ла о парте кувинтелье помпоасе, клишееле функционэрешть ши репетэриле меканиче. Требуе сэ не обишинум а скрие, пунынд ын фиекаре фразэ үн гынд персонал, виу, проприиле ноастре сентименте»²⁹.

²⁷ Костомаров В. Г. Разговорные элементы в языке газеты.— В кн.: Русская речь. М., 1967, № 5, с. 48.

²⁸ Ленин В. И. Проблема аграрэ ши «Критичий луй Маркс».— Опере комплек-те, вол. 5, п. 165.

²⁹ «Правда», 1 апреля, 1980, с. 2.

Пе де алтэ парте, дупэ кум с'а констатат чева май сус, ын зилеле ноастре фиекаре четэцан, че активязэ ын диферите рамурь але экономией национале, поате сэ девинэ аутор ал унор материяле интересанте; десигур кэ ын еле се вор фолоси фоарте мулте елементе дин лимба ворбитэ.

Ынтребуинцате адекват, елементеле дин ворбирая оралэ ый импримэ газетей ун карактер де дискуцне фиряскэ, ый атрибуе о ануmitэ путере де конвинжере. Ын фелул ачеста, газета реушеште сэ-шь ындеплиняскэ ку сукчес функцииile сале де пропагандист де масэ, концинуул ый фиинд ушор кончепут де кэтре читторь³⁰.

О сумарэ тречере ын ревистэ а текстелор де газетэ есте суфициентэ пентру а не демонстра, кэ унитэциле лимбий ворбите потфи атестате ын стилул публичистик ла тоате нивелуриле ши ын тоате женуриле луй, кяр ши ын артиколул де фонд, ши ын материалеле ку карактер информатив. Де екземплу:

Тогодатэ, черкуриле гувернантэ але Стателор Уните ымпревунэ ку пропаганда бургээ ынчаркэ сэ спекулезе евениментеле дин Афганистан. Еле грэмэдеск мормане де минчунь, пентру а камуфла рэспундеря пе каре о поартэ пентру аgravаря симцитоаре а ситуацией интернационале. (ТМ, 13-II-80, п. 4)*

Де алтфел, зиариштий ноштри унеорь утилизяэ элементе але лимбий ворбите ку скопул де а ушура ынцележеря чөлөр комуникате, алтеорь, ынсэ, ку скопул де а мэри градул де експресивтате але чөлөр експусе (май алес, ыннд е ворба де фолосиря диалектизмелор).

Чине ешть, солдатуле некуноскут?

Поате ешть фрателе мамай меле, мошу меу, Марку Лунгу, каре ын '44 а плекат, пе аскунс, ка сэ ну-лээпсискэ душманул, каре ынкэ май требэлую пе пэмынтул ностру. (ЛА, 1-V-80, п. 3). п. 3)*.

Алтфел ворбинд, дакэ ць-ай конструйт о касэ ку супрафаца де 150 м², ынсямнэ, кэ ай «хыштит» материал ынкэ пентру о касэ... (ЛА, 29-V-80, п. 7)

Ын цесэтура стилулуй публичистик пэтрунд фоарте мулте ымбинээрь стабиле ши експрессий фразеологиче. Де обичай, еле импримэ чөлөр релатате ной калитэць естетико-емотиве:

Ку атыт май мулт се симт ын повесте ын элементул лор фяреле, каре, ын тоате басмелэ, ажунг сэ фие май де трябэ декыт оамений, адоптынду-ле морала, оферинд үн екземплу де женерозитате. (ЛА, 29-V-80, п. 5)

Е маре рэспундеря де а дирижа акциуниле чөлөр 20 де оамень. Дар, кум спуне о ворбэ де а ноастрэ: ынчетул ку ынчетул се фаче оцетул. (ТМ, 26-III-80, п. 1)

³⁰ Костомаров В. Г. Разговорные элементы..., с. 53.

* Абревиериле фолоснте: КГС — Кишинэу. Газета де сарэ; МС — Молдова Социалистэ; Т — Трибуна; ТМ — Тинеримя Молдовей; ЛА — Литература ши арта.

Ын аша фел, критериile естетиче контрибуе де мулте орь ла алэйжеря экспрессиилор дин ворбирия оралэ.

Тот дин лимба ворбитэ вин ши конструкцииле интерогативе, утилизате фоарте дес ын пресэ ын ултимул тимп:

Ын че констэ секретул сукчесулуй? Е о ынтребаре банаалэ, десигур. Ши, тогуш, сынтем куриошь де а-й афла рэспунсул. (ТМ, 26-III-80, п. 1).

Фолосинд асеменя конструкций, аторул реушеште сэ обцинэ ун контакт директ ку чититорул, консiderынду-л интерлокутор ал сэу.

Пе де алтэ парте, поате фи обсерват ши ун прочес инверс: о серие де елементе ши формуле, каре апарцин ку предилекции стилулуй публичистик, ышь лэржеск теренул узуал ши, женерализынду-се, пэтрунд ын лимбажул ворбирий курсенте. Не лимитэм ла ыншияря ытторва динтре еле, фэрэ а ле комента: *колхоз, совхоз, комитет, актив, ударник, фрунташ ын продукция, БАМ* ш. а.

8. Ля черчетаря ши анализа стилулуй публичистик требуе сэ порним де ла тексте, де ла фапте лингвистиче, карактеристиче уней ануимите этапе де дезволтаре а лимбий. Алтфел спус, ла евиденциеря трэсэтурилор иманенте але ачестуй стил се импуне, май ынтый, о анализэ синкроникэ. Стилул публичистик, ынсэ, луат ка о парте интегрантэ а системулуй лимбий ын функциуне, требуе черчетат, ын ултимэ инстанцэ, ши диакроник, цинынду-се сама де тречеря унитэцилор луй де ла о старе ла алта, де конексиуня элементелор луй — атыт ын старе актуалэ, кыт ши ын еволуция³¹.

Стилул публичистик, евидент, есте о категориес историкэ, ел афлынду-се ынтр'о перманентэ мишкарэ, ын еволуция. Де ла ынчепутуриле сале (элементе де стил публичистик сынт атестате, дупэ кум се штие, ынкэ ын скриериле дин секолеле XVII—XVIII) ши пынэ ын презент ел трече де ла о тряптэ ла алта, ымбогэцинду-се ши перфекционынду-се ынконтинуу. Се поате ворби, деч, деспре о ануимите мобилитате а стилурilor ын женерал, ши а стилулуй публичистик, ын специал.

Ын еволуция стилулуй публичистик пот фи констатате доуэ дирекций принципале: е ворба, пе де о парте, де дезволтаря историкэ а женурилор луй ын комплекситатя лор, яр, пе де алта, де еволуция кантитативэ ши калитативэ а прочедеелор ши мижлоачелор лингвистиче, ку каре сынт реализате еле. Еволуция ачестора дин урмэ се манифестэ прин урмэтоареле тендинце: 1) форма-я унор элементе лексико-фразеологиче ши а унор конструкций синтактиче ной; 2) ымбогэцирэ ши комплектаря мижлоачелор лингвистиче ши стилистико-экспрессиве екзистенте ку унеле май десэвиршите прин интермедиул ымпрумутулуй ши интенсификэ-

³¹ Капитоле дин история лимбий молдовенешть..., п. 229—233.

рий прочесулуй де калкиере а унор моделе дин алте лимбъ; ши 3) активизаря унор стратурь лингвистиче екзистенте³².

9. Динтре тоате компартиментеле лимбий (фонетика, лексикул, морфология ши синтакса) чең май мулт пот фи супусе модификэрилор, каузате де факторь де натурэ лингвистикэ ши екстралингвистикэ, лексикул ши синтакса. Ши ануме стилул публичистик «...не фурнизязэ ун вариат ши богат материал лексикал ши синтактик, каре оглиндеште мариле скимбэрь ын активитатя де продучере, ын вяца общияскэ ши политикэ, авынтул ши дезволтаря экономией, техничий ши културий попорулуй молдовенеск»³³.

10. Реешинд дин тезеле експусе май сус ши реферинду-не немижлочит ла нивелул лексико-фразеологик, ам путя скоате ын өвиденцэ урмэтоареле трэсэтурь диференциале але стилулуй публичистик:

а) комплектаря ши ымбогэциря терминоложией социал-политиче, технико-штиинцифиче ши агриколе ку ной терминь, динтре каре уний конституе формаций лингвистиче проприй, яр алций пэтрунд ын цесэтура стилулуй публичистик, пе каля ымпрумутулуй сай а калкиерий моделелор симиларе дин алте лимбъ (*трактат, тракатив, коммуникат, интеркосмос, коллектив, комплекс, прогресс, астронавт, программист* ш. а.);

б) ын пажиниле зиарелор ноастре се обсервэ ун афлукс вэдит де абревиер — прочес кондиционат, де асеменя, де интенсификаря ритмулуй веций ши де фолосиря унор мижлоаче де коммуникаре ка телефонул, телеграфул, стенография ш. а., каре пресупун о економие ын лимбэ (*АТЕМ, ОНУ, РПУ, БАМ, ЮНЕСКО, Госплан, «Инждорстрой», «Молдсельхозтехника», «Молдкниготорг* ш. а.);

в) тот ын пажиниле пресей периодиче поате фи атестат ши ун алт феномен дестул де импортант пентру прогресул лимбий, кум есте модификаря семантикэ а кувинтелор. Ын екземплул: ...*Ынтрэ Униуния Советикэ ши Куба, пе де асупра ынтиңсурилор очеаниче де некупринс, с'а ынтиңс о пунте трайникэ.* (ТМ, 7-В-80, п. 3) авем ун трансфер семантик, ын урма кэрүя кувынтул пунте шь-а лэржит сенсул.. Ачяш ситуацие есте ши ын ымбинэриле: *сферэ де активитате, платформэ де активитате, курса ынармэрилор, атмосферэ де лукру* ш. а. Ши де аич, ануме стилул публичистик не оферэ челе май конклуденте казурь привинд феноменул метонимизэрий ши метафоризэрий унитэцилор лексикале, яр май апой тречеря лор ын вокабуларул комун;

г) атестэм о серие де ымбинэрий стабиле, че карактеризязэ стилул публичистик ын етапа актуалэ: *вахтэ де мункэ, нивел де вя-*

³² Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей..., с. 8; Корлэтяну Н. Г. Дезволтаря стилурilor функционале ши проблема еволюцией лимбий.— ЛЛМ, 1967, № 3, п. 4—5.

³³ Чобану А. И. Тендинце ын синтакса лимбий молдовенешть.— Ын: Анале штиинцифиче але Университетэй де Стат дин Кишинэу (филология). Вол. 3. Кишинэу, 1970, п. 28.

цэ, вахтэ де шок, лок де фрунте, а традуче ын вяцэ, а трече ын ревистэ, фрунташ ын продукcie, деташамент де шок ш. а.

Ын ултимул тимп се обсервэ ын пресэ о фреквенцэ консиде-рабилэ а унор ымбинэрь реченте, каре рефлектэ челе май ной евенименте сочиале: *фрэые космикэ, екипаж космик интернационал, програм «Интеркосмос», капиталз олимпикэ, ан олимпик, ундэ олимпикэ, сэнэтате олимпикэ ш. а.*

д) есте де сублиният, ын мод спечинал, фреквенца пронунцатэ а унитэцилор лексикале де типул: *лозинкэ-кее, экспозиции-тырг, сератэ-конкурс, фемее-мунчигоаре*. Е ворба де ниште формаций компусе дин доуэ субстантиве че апарцин ку прекэдере стилулуй публичистик. Еле денумеск де челе май десе орь спечиалитата, градул сау рангул сочиал: *инжинер-конструктор, пилот-космонаут, космонаут-черчэтэтор, медик-шеф, лэктэуш-ажустор*; денумир де лукрурь, объекте: *класэ-кабинет, совхоз-фабрикэ, республикэ-газдэ, экспримэ нациунь абстракте: кантирате-рекорд, күүнтаре-програм, проекте-тип ш. а.*

Конструкцииле де ачест фел презинтэ интерес дин пунктул де ведере ал формэрий ши рэспындирий лор ын лимбэ, ку атыт май мулт, ку кыт еле ну сынт ынрэйжистрате ын дикционареле ноастре.

11. Реферинду-се ла тендинцеле синтактиче ши иновацийле дин компартиментул синтаксей, А. И. Чобану констатэ, кэ еле ау фост жэнерате де о серие де факторь интернь ши екстернь, кум сынт: *аналожия, пресиуня системулуй, тендинца спре экономие ын ворбира ши, ын сфыршил, инфлюенца алтор лимбь*³⁴. Ши ка результат ал акциуний ачестор факторь ун процес дестул де интенс ын системул синтактик ал стилулуй публичистик ыл конституе «номинализаря пропозицией», каре декуржэ пе доуэ кэй: 1) пе каля фолосирий интенсе а ымбинэрилор номинале ын кадрул пропозицией ши 2) пе каля номинализэрий пропозицией ынсэшь³⁵.

Ачест феномен се реализзэе прин урмэтоареле прочедее:

а) фолосирия фреквентэ (май алес, ын титлурь) а ымбинэрилор формате дин конструкций елиптиче де предикат, че се асямэнэ ку унеле моделе симиларе дин лимба русэ: *Штишнцей — инима ши гындул.* (ТМ, 14-В-75, п. 4); *Лекция де тотализаре — имбولد спре ной реализэрь.* (ТМ, 11-В-80, п. 1); *Тюмень — адреса ероизмулуй.* (ТМ, 15-В-80, п. 1)

б) ынтребуинцаря унор пропозиций номинале, каре ау ла базэ үн субстантив вербал: *Сосирия делегацией.* (МС, 18-III-80, п. 1); *Декларация унуй министру.* (МС, 4-III-80, п. 4); *Електрифика-рия кэилор ферате.* (ТМ, 11-В-80, п. 3)

в) утилизаря интенсэ а конструкцийлор ку инфинитивул пост-номинал:

...посибилитатя де а визита републичиле унионале... (Т, 1979, № 7, п. 45); *нечеситатя де а десфэшуря прегэтирь пентру кампа-*

³⁴ Чобану А. И. Оп. чит., п. 24.

³⁵ Ильяшенко Т. П. Оп. чит., п. 101.

ния де реколтаре. (МС, 18-III-80, п. 2); Чинстя де а фи минер. (ТМ, 15-VI-80, п. 1)

г) активизаря синтагмей номинале ку женитив: ...хотэрыя адунарий...; ...нивелул инструирий тинерей женераций... репартизаря ресурселор де мункэ... (Т, 1979, № 1, п. 13).

Унеорь путем ынтылни кяр ширурь ынтрэйж де женитиве, адаптате пе деплин ла системул синтактик ал стилулуй публичистик:

Ын Молдова се акордэ мултэ атенции ынтэририй сэнэтэций оаменилор мунчий. (КГС, 1-8-78, п. 2)

Ачаста се датореште фактулуй кэ унеле ымбинэрь ку женитивул, де типул чөлөр де май сус, ау девенит ымбинэрь стабиле³⁶.

д) фолосиря абундентэ а конструкциилор номинале, формате ку ажекторул локуциунилор препозиционале де типул: привинд, ку привире ла, привитор ла, ын че привеште, ын ведеря, ын скопул, реферитор ла ш. а.

Лежя ку привире ла алежериле ын Советул Супрем... (Т, 1979, № 2, п. 18); *Се реализяэ ку сүкчес плануриле привинд ридикаря бунэстэрий материале а популяцией...* (Т, 1979, № 4, п. 11); ...мэсурь конкрете ын ведеря ындеiplинирий сарчинилор социал-экономиче пе анул курент. (Т, 1979, № 3, п. 15).

Ын фелул ачаста, путем ворби деспре апарация ши стабилиря ын системул синтактик ал лимбий молдовенешть а уней ной м и кросистеме номинале³⁷.

Анумите партикуларитэць дистинктиве але стилулуй публичистик се обсервэ ши ын чея че привеште ординая кувинтелор ын пропозициие. Астфел, ку скопул де а скоате ын евиденцэ сай де а акцентуа унеле моменте але комуникэрий, ауторий де мулте орь пласяязэ пе примул лок пэрциле секундаре але пропозицией (комплементеле директе, индиректе ши чиркумстанциале, партия номиналэ а предикатулуй ш. а.):

Ын фрунтя ынтречерий социалисте се афлэ Павел Павлюк, каре ынрэжистрээ лунар индичь фрумошь... (ТМ, 30-III-80, п. 1). п. 1).

О контрибуущие дестойникэ ла резволваря сарчинилор дэзволтэрий экономиче ши социале а орашулуй адуче нодул де кале фератэ дин Бендер. (МС, 5-III-80, п. 1)

12. Де мулте орь унеле элементе ши ымбинэрь де кувинте, менционате май сус, се трансформэ ын формул-стандарта сай, кум ли се май зиче, клишее лингвистиче, проприй стилулуй публичистик, еле фиинд фолосите зи де зи,aproape ын фиечаре зиар: *вахтэ де мункэ, вахтэ де шок, ынтречере социалистэ, а традуче ын вяцэ, а трече ын ревистэ, проблемэ-кее ш. а.* Утилизате ку мэсурэ ши ла локул лор, ачесте кувинте ши ымбинэрь стерео-

³⁶ Ильяшенко Т. П. Оп. чит., п. 113—136.

³⁷ Ильяшенко Т. П. Некоторые вопросы сопоставительного изучения языков (новые процессы в системе синтаксиса).— В кн.: Восточнонороманские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1967, с. 36.

типе, че поартэ ун карактер публичистик пронунцат, контрибуе ла експримаря кончисэ, езактэ ши адекватэ а идеий, скутиндуне унеорь де фолосиря унор пропозиций ши фразе пря лунжь. Май мулт декыт атыта, еле сынт консiderате дрепт трэсэтуль спечифиче, марканте але стилулуй публичистик.

Ын ынкеере ам·путя спуне, кэ челе афирмате май сус вин сэ конфирме ынкэ о датэ унитатя стилулуй публичистик ын системул стилурилор функционале ши сэ акцентуезе нечеситатя студиерий пе базе теоретиче-объективе а ачестей форме де манифестаре а узулуль лимбий.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ И ЕГО РОЛЬ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

Р е з у м е

В настоящее время в публицистическом стиле различают два подстиля: художественно-публицистический и газетно-публицистический.

Язык газеты занимает особое место в системе публицистического стиля.

Определение специфики функционирования языковых средств газетно-публицистического стиля производится с учетом существования различных газетных жанров; здесь также принимаются во внимание цель и задачи газеты.

Считается, что для становления и развития публицистического стиля важную роль играет общязыковой процесс взаимообогащения и взаимовлияния различных стилей языка. Анализированный фактический материал показывает, что специфика функционирования языковых элементов на разных уровнях языка отчетливее выявляются при использовании сравнительно-сопоставительного изучения этих элементов в других стилях языка.

В формировании стилистических особенностей газетно-публицистического стиля весьма важное значение имеют лексические и синтаксические средства языка.

На лексическом уровне можно отличить следующие дифференциальные признаки газетно-публицистического стиля: а) дополнение и обогащение социально-публицистической, научно-технической и сельскохозяйственной терминологии новыми терминами; б) широкое употребление аббревиатур; в) формирование ряда терминов на основе процесса семантического сдвига; г) широкое использование определенных устойчивых словосочетаний, характеризующих лексико-фразеологическую подсистему исследуемого стиля; д) употребление лексических единиц типа: *лозинкэ-кее, сератэ-конкурс, фемее-космонаут* и др.

Анализируемые синтаксические структуры публицистического стиля подтверждают существующие положения о том, что одним из существенных процессов в системе синтаксиса является номинализация предложения, протекающая: а) путем расширения именных сочетаний внутри предложения. б) путем номинализации самого предложения. Эти синтаксические конструкции в значительной степени отражают тенденции в структуре молдавского языка.

Таким образом, исследование языковых особенностей публицистического стиля дает основание утверждать, что газетно-публицистический подстиль представляет собой вполне сложившуюся систему в общей функционально-стилевой системе молдавского языка.

ФЕНОМЕНУЛ ТРАНСПОЗИЦИЕЙ ШИ РОТУЛ ЛУЙ СТИЛИСТИК ЫН УТИЛИЗАРЯ ФОРМЕЛОР ВЕРБАЛЕ

Орьче лимбэ натуралэ диспуне де о кантитате колосалэ де семне лингвистиче ши с'ар пэря, кэ фиекэрүй семн ар требуи сэй кореспундэ о сингурэ семнификации. Ын аша каз лимба ар авя невое де о мултиле инфинитэ де семне. Пентру ка ачаста сэ ну се ынтымпле, принципалул мижлок де комуникаре ынтрэ оамень ышь реглязэ системул ын аша фел, кэ унул ши ачелаш семн поате авя кытева семнификаций.

Капачитатя семнүлүй лингвистик де а кумула кытева семнификаций а кэпэтат ын лингвистикэ денумиря де асиметрие¹, яр транспозиция морфоложикэ², карактеристикэ май ку самэ формелор вербале, репрезинтэ уна дин манифестэриле асиметрией.

Ын прочесул де комуникаре посибилитатя транспунерий уней форме граматикале ын кондицииле функционэрий алтея конституе о импортантэ сурсэ, че оферэ десеорь мултиле семнификаций, непревэзүте де систем, принципиул полисемией инклузынд ши о капачитате потенциалэ де вариаций. Астфел, спре екземплу, репартиция модурилор ын граюриле екзистенте, инконтестабилэ ын принципиу, рэмыне департе унеорь де реалитатя комуникэрий. Ну тотдяуна стабилиря сегментелор морфематиче ын планул экспрессией кореспунде семнификациилор ын планул концинуулуй. Ынтр'ун екземплу ка: *Дакэ ну ведям ку окий мей, ну мъ-ар фи венит май ушор!* (А. Шаларь) прима парте а фразей (суббордоната) есте конструитэ ку имперфектул индикативулуй ши се афлэ ын екваленцэ функционалэ ку чя конструитэ ку трекутул кондиционалулуй: «Дакэ н'аш фи вэзүт ку окий мей...» Ынсэ ачяш формэ де имперфект сау де кондиционал трекут поате фи ынлокуитэ ку сукчес прин форма респективэ а конжунктивулуй трекут: **«Сэ ну фи вэзүт** ку окий мей...» ши ын фелул ачеста вом авя де а фаче ку трей форме модале, егале суб аспект семантик ын контекстул дат.

Прин урмаре, ун сингур сегмент морфематик, о сингурэ формэ вербалэ флексионарэ (имперфектул индикатив) поате эксприма симултан ун ансамблу де трэсэтуур дистинктиве (екивалынд ку форма де трекут а модулуй кондиционал сау ку чя а модулуй конжунктив). Дар тотодатэ е куриос ши фаптул кэ ачяш семни-

¹ Пентру амэнунте а се ведя: *Karcevski S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique* — Т. С. Л. Р. Prague, 1929.

² Принтре студииле каре привеск ын мод директ феноменул транспозицией пот фи аминтите аич: *Бондарко А. В. К* вопросу о «транспозиции».—Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 248, 1963; *Кржижкова Е. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм.*—In: *Travaux du cercle linguistique de Prague*, 2. Prague, 1966; *Иванова Р. В. К* вопросу о междуязыковой транспозиции временных форм во французском языке.—В кн.: *Вопросы французской филологии*. М., 1975.

фикации ын планул концинуулуй поате фи редатэ прин диферите сегменте морфематиче ын планул экспрессией. Екзистенца блокулык **имперфект индикатив — тредукт кондиционал — тредукт конжунктив** конституе о опозициие структуралэ а лимбий молдовенешть: *дакэ ну ведялм — дакэ н'аш фи вэзут — сэ ну фи вэзут*. Ачестя ынсэ ну сынт опозиций де сенс. Финнд ниште еквиваленте. синтактиче ши морфологиче, еле конституе ун каз спечиал де синонимие граматикалэ.

Диверселе типур де синонимие граматикалэ ла нивел морфологик, ын спечиал синонимия ситуативэ, контекстуалэ, ку диферите импликаций де ордин конотатив, есте ун резултат ал неутрализэрий опозициилор парадигматиче ын планул концинуулуй прин менцинеря дистинкцией динтре семнификанць. Ын асеменя ситуаций синонимия конституе ун каз де неутрализаре проприуизсэ, синтагматикэ, унде идентитатя де сенс есте кондиционатэ де позициие.

Неутрализаря опозицией ынтрэ семнификанць се продуче пекала транспозицией унуй мембру опозант ын кондицииле утилизэрий алтуй мембру.

Транспозиция, ла рындул ей, дуче ла апариция уней иой семнификаций а семнуулуй, каре ынтрэ ын рапортурь де синонимие ку семнификация алтуй семн детерминат де парадигмэ, адиқэ а челуй нетранспус. Транспунеря мембрулуй опозицией ын кондицииле утилизэрий опозантулуй сэу дуче ла нивеларя, ла анихиларя семнелор дистинктиве, адиқэ ла неутрализаря лор, континуынд сэ рэмынэ доар индичь комунь, каре сервеськ ка базэ, пентру унификаря лор³.

Кондицииле утилизэрий формелор граматикале ле репрезинтэ сфера де актуализаре а семнификацией парадигматиче. Ын контекст семнификация парадигматикэ а формей поате фи сусцинуутэ де аnumите элементе индикаторий де ордин лексикал сау синтактик.

Астфел, спре екземплу, семнификация формелор вербале де тредукт ын лимба молдовеняскэ поате фи пречизатэ ку ажаторул унор кувинте сау ымбинэрь де кувинте де типул: *еръ, ын алтэ зи, атуңч, сэптэмына тредуктэ* ш. а. м. д. Асеменя кувинте ну сынт алтчева декыт ниште элементе де фиксаре а концинуулуй семнификатив ал формелор темпорале де тредукт. Ролул, пе каре ыл жоакэ асеменя элементе, есте десеорь хотэрытор. Аша, бунэоарэ, формеле презентулуй, нимеринд ын антуражул унор атаре кувинте, *пот реда семнификация тредуктулуй*. Де екземплу: Ын алтэ зи и не трезим кэ яр вине пэрингтеле ла школаэ ку мош Фотя, кожокарул сатулуй, каре не адуче дар де школаэ ноуэ, ун дрэгүц де бичушор де куреле, ымплетит фрумос. (И. Крянгэ). Есте ворба де презентул историк, каре репрезинтэ «о реали-

³ А се ведя: Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, с. 16.

заре синтагматикэ а сенсулуй инвариант ал презентулуй индикатив ын кондицииле транспозицией»⁴.

Екзаминынд формеле вербale, ам констатат, кэ сынт посибile доуэ дирекций де апропиере а мембрилор опозань А ши Б: А>Б сау Б>А. Фиекаре опозицие се карактеризаэ, де обичай, принтру'о аnumитэ дирекции а процесулуй де неутрализаре. Ын кадрул категорией модулуй, де екземплу, неутрализаря аре лок ын' дирекция индикатив>императив, конжунктив>кондиционал; ла формеле темпорале—ын дирекция презент>виитор, презент>трекут ши май раг трекут>презент сау трекут>виитор. Апропиеря ши неутрализаря ын амбеле дирекций есте май фреквентэ ла категория персоаней, унде путем ынтылни, бунэ-оарэ, казурь де утилизаре а формей персоаней а II-а сингулар ын локул персоаней а III-я сингулар, а персоаней I сингулар ын локул персоаней I плурал, сау инверс: форма персоаней а III-я сингулар ын локул персоаней II-а сингулар, форма персоаней I плурал (плуралул модестией) ын локул персоаней I сингулар ш. а. м. д.

Ворбиторий рекург ла ынтребуинцаря транспозитивэ а формелор граматикале ын скопул обцинерий унор ефекте стилистиче, де челе май мулте орь де ордин афектив. Деачея, прин транспозицие ар требуи сэ ынцележем утилизаря фигуратэ (метафоризатэ) а формелор морфологиче, пласаря лор ынтр'ун контекст, каре ну есте пропиу семнификацией лор⁵. Ефектул стилистик апаре ын результатул контрастулуй динтре контекст ши форма граматикалэ импревизибилэ, неаштептатэ ын контекстул респектив. Чел каре декодязэ месажул есте сурпринс де форма алэрүтэ небэнүйт ын кадрул секвенцей вербale дате. Есте ворба, деч, де аша-нуумитул ефект ал аштептэрий дезамэжите, женерат де превизиуня нереализатэ сау реализатэ алтфел декыт ера де аштептат.

Аша дар, ефектул аштептэрий дезамэжите, ла фел ка ши орь-каре алт ефект стилистик, апаре ка результат ал опозицией, ын каре дрепт поль сервеськ контекстул ши ун элемент контрастант, адикэ ун элемент ку слабэ превизибилитате ын кадрул контекстулуй.

О асеменя концепции асупра «меканизмулуй» транспозициней ышь афлэ орижиня ын опиния луй А. М. Пешковский, каре эксплика утилизаря фигуратэ а формелор темпорале ши модале прин «контрадикция динтре формэ ши кондицииле реале але ворбирий».

Ануме ын ачест план екзаминязэ фолосиря фигуратэ а формелор темпорале але вербулуй русеск ши А. В. Бондарко, ла ка-

⁴ Константинович Е. Н. Презентул индикатив ын лимба молдовеняскэ литератэ контемпоранз. Кишинэу, 1980, п. 46.

⁵ Сэ се компаре обсервация пе каре о фаче Н. Ю. Шведова: «Термин «транспозиция» целесообразно было бы сохранить только для обозначения живых переносов». (Шведова Н. Ю. О должностовательном наклонении.— В кн.: Синтаксис и норма. М., 1974, с. 120.)

⁶ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 208.

ре читим: «Ын казул транспозицией, семнификация граматикалэ а формей ынтрэ ын контрадикции ку ынцелесул контекстулууй,— де екземплу, форма аре сенс де презент (*иду я...*), дар контексту индикэ трекутул (...*вчера по улице*)».

Е. Кржижкова⁸ сепарэ транспозиция ши неутрализаря ын доуз вариятэць алэ субституцией: уна динтре еле се базяэ пе транспозиция семнификацией инвариантэ а формей, алта — пе неутрализаря опозицией семантиче а формелор. Транспозиция ши неутрализаря корелязэ уна ку алта ка прочесе синтагматиче, динтре каре унул есте маркат стилистик, яр алтул есте неутру, немаркат.

Неутрализаря есте интерпретатэ унеорь ка уна дин етапеле, сау ка уна дин партикуларитэциле транспозицией. Е. Курилович консiderэ, кэ ын асеменя казурь ар фи май потривит сэ се ворбяскэ деспре о «алтернанцэ стилистикэ а формелор»⁹. Форма транспусэ ну перде семнификация инвариантэй сале, чи ымпреунэ ку ачастэ семнификации ши ку ажуторул контекстулууй ышь реализяэ функция стилистикэ респективэ¹⁰.

Форма ынтрэ ын «контрадикции» ку контекстул, каре ый есте стрэин. Ынсэ контекстул се доведеште а фи май «путерник», яр формей ну-й рэмыне декыт «сэ и се супунэ». Ши еа се «супуне» формал — ынделлинейте о функцие суплиментарэ. Де екземплу:

А кемат-о пе сорэ-са Вика ши й-а хотэрыт ын мижлокул хорей:

— Аскултэ че-ць спун... Кум плякэ музика ла крэпелницэ, о ей пе Мэриуца Пэдурагулуй ши о штержэць! Сэ ээ гэсек ын фундул тэрий... ла бордеюл пэдурагулуй. (И. К. Чобану)

Деши форма индикативулуй апаре ын ачест екземплу ын локул императивулуй, еа ну-шь перде семнификация са парадигматикэ де индикатив. Семнификация парадигматикэ а формей транспусе (семнификация де индикатив) есте сесизатэ аич метафорик, «фигурат», авынд конотации эмоционалэ. «Метафорэ ын граматикэ поате фи консiderатэ мутаря формей де пе ун тип де релаций пе алтул ку скопул де а креа пластичитате»¹¹.

Ун алт тип де метафорэ граматикалэ поате фи консiderатэ, бу-нэоарэ, утилизаря презентулуй историк. Де екземплу:

Ши ыннд а ешил, са үйтат дин фугэ спре чөлэлалт мал ши н'а вээзүт пе нимень, са репезит спре туфар ши са аскунс ынтр'ынсул (ера унул орь вре-о ынцэвээ туфэрашь де порумбрей ши ынтрэ дынишь олякэ де лок, ши ел са бэгат аколо). Стэ аплекат ынтр'ун женункь, се үйтэ пе суб фрунзе,— ну, паркэ ну с'ауде нимень, нумай дин үрмэ луй ынцэвээ булгэрэй мишкаць дин лок се ростоголеск ши кад ын апэ. (В. Бешлягэ)

⁷ Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971, с. 8.

⁸ Кржижкова Е. Оп. чит.

⁹ Курилович Е. Заметки о значении слова.— ВЯ, 1955, № 3.

¹⁰ Сэ се компаре: «Весь смысл переносного употребления заключается в том, что контекст противоречит значению формы» (Бондарко А. В. Оп. чит., п. 10).

¹¹ Шендельс Е. И. Грамматическая метафора.— НДВШ ФН, 1972, № 3, с. 51.

Аич функция стилистикэ а презентулуй историк есте де ордин афектив, карактеризынду-се прин емфаза утилизэрий сале. Финнд ынтребуинцат ын локул трекутулуй, ел ну-шь перде, ынсэ, семнификация парадигматикэ — ачэя де презент. Ши ын ачест каз, ла фел ка ши ын екземплул пречедент, семнификация парадигматикэ а формей транспусе есте сесизатэ метафорик, «фигурат». Дакэ ар фи липсит емфаза, ын локул формей де презент а вербелор сублинните ар фи требуит сэ фигурезе форма тимпулуй трекут, деоарече контекстул не доведеште, кэ есте ворба де акциунь реализатэ ын трекут.

Екземпле симиларе де метафоре граматикале путем адуче ши дин домениул утилизэрий формелор де персоанэ, унде транспозиция есте деосебит де фреквентэ¹². Бунэоарэ:

Штефан. Домнуле, ыць дау че врэй, нумай ласэ-мь кай. Мэ рог матале, ласэ-ми-й. Ам о турмэ де ой, бой, вачь. Тот ыць дау, нумай ласэ-ми-й. Яка, ыць сэрут пичареле. (Ле сэртэ.) Штефан Корбу ну са ынкинат нимэнүй. Ну мь-ам скос күшма ын фацэ ла нимень. Да думитале пичареле-ць сэрут. Ласэ-мь кай. ындуурэ-те де мине! Ну пот фэрэ дынший, домнуле. Май бине я-мь капул, дар кай ласэ-ми-й. Те рог ка пе думнезу. (Ана Луплан)

Есте евидент, кэ форма персоаней а III-я а вербулуй сублиннит, дэши есте ынтребуинцатэ ын локул персоаней I, континуэ сэ-шь менцинэ семнификация парадигматикэ а персоаней а III-я ши нумай грации контекстулуй капэтэ функцие стилистикэ де ордин афектив, емфатик.

Ын скопул черчетэрий де май департе, пентру а евидентия партикуларитэциле метафорей граматикале, гэсим кэ е казул а о компара ку метафора лексикалэ.

Кондиция де базэ а транспозицией констэ ын легэтурा концинуулуй конотатив ку чөл денотатив (сприжинирия пе семнификация директэ а формей). Ачастэ кондициие се менцине атыт ын казул метафорей граматикале, кыт ши ын чөл ал метафорей лексикале. Ынсэ граматика ши лексикул сынт нивелурь диферите але лимбий, дин каре каузэ ши феноменул транспозицией ну поате фи идентик пентру амбеле нивелурь.

Черчетынд концинуулуй конотатив ал экспрессией вербали, ну требуе сэ уйтэм, кэ ынтрэ валоаря конотативэ а концинуулуй (а экспрессией фразеологиче) ши а формей екзистэ о диференцэ есенциалэ, каре десеорь есте игноратэ де кэтре лингвишт. Кувынтул поате авя валоаре конотативэ ши изолат де контекст, ка унитате а вокабуларулуй, а системей лексикале. Кувынтул диспуне де «ауреолэ стилистикэ», ел «ну е нумай ынцелес, дар ши трэйт» кяр ши ын афара контекстулуй¹³.

¹² Пентру мултипле деталий привинд утилизаря транспозитивэ а диверселор форме де персоанэ а се ведя: Марин В. Експрессивате ши коректитудине ын комуникария вербалэ. Кишинэу, 1980, п. 23—60.

¹³ Томашевский Б. Язык и литература.— Октябрь, 1951, № 7, с. 72.

Форма граматикалэ ын план парадигматик диспуне нумай де валоаре денотатив¹⁴. Ну екзистэ о астфел де опозицые граматикалэ (морфологикэ), мембрый кэрэя с'ар дистинже прин карактерул лор експресив сау эмотив. Валориле конотативе яу наштере ын контекст, ын ворбира. Ын афара контекстулыг о формэ граматикалэ ну поате фи калификатэ ка фиинд субъективэ, эмотивэ, колоратэ стилистик, яр алта — ка объективэ, неутрэ. «Ауреола стилистики» а формелор граматикале поате апэрия нумай ын контекст. Дин ачастэ каузэ стилистика ничодатэ ну студиязэ феноменеле граматикале ын план парадигматик.

Мажоритатя валорилор конотативе апар ка эффект ал контрастулыг динтре семнификация парадигматикэ де базэ а формей ши семнификация ей синтагматикэ, пе каре о капэтэ ын результатул транспозицией. Аре лок аич о «тампонаре», ын урма кэрэя семнификация де базэ денотативэ есте анихилатэ (неутраллизатэ), ынсэ еа континуэ а фи презентэ ын тоате казуриле де утилизаре а формей. Ануме пе ачест принципиу ши есте базат феноменул метафориззрий ын лексикэ ши граматикэ.

Астфел, спре екземплу, эффектул стилистик ал презентулуй наратив (историк) есте ынтемеят пе «чокния» динтре семнификация са денотативэ (парадигматикэ) ши семнификация конотативэ (синтагматикэ) апэрутэ ын результатул транспозицией. Аич идея де «дуратэ» ши чя де «коинчиденцэ ку моментул ворбираий», проприе семнификацией парадигматиче де базэ а презентулуй, ну диспаре тотал. Ын мод объектив еле сынт анихилате, неутрализате, ынструкт форма презентулуй експримэ о акциуне атыт дуративэ, кыт ши терминатэ, атыт моментанэ, кыт ши итеративэ, моментул ворбираий фиинд ексклус тотал. Даторитэ, ынсэ, фаптулуй кэ ын процесул транспозицией легэтурите асочиативе ну се ынтреруп, идея де презент инклусив¹⁵ фигуриязэ ка субтекст, ка фонд, импримынд нарациуний нуанца уней визиунь субъективе, а унуй трансфер граматикал.

Акциуня, ын мод реал терминатэ, се презинтэ ка уна, каре континуэ ын моментул ворбираий. Еа есте имажинатэ ка вэзүтэ пе экран, пе сченэ, сукчесиуня акциунилор фиинд аидома сукчесиуний кадрелор динтрун фильм. Дескриеря есте конструитэ ка ун епизод чинематографик. Фиекаре презент конституе ун кадру. Де аич ануме ши апаре эффектул стилистик ал питорескулуй, ал динамизмулуй, ал импетуозитэций акциунилор. Ши аторул, ши чититорул девин ун фел де марторь окуларь ай евениментелор нарате. Де екземплу:

Атунч Ипате ми ць-о ыншфакэ де козь, о трынгеште ла пэмынг ши о цине бине. Ярэ Кирикэ ынчепе а-й нумэра коастеле

¹⁴ Прин валоаре денотативэ а формей граматикале ной субынцележем тоате валориле формей, ын афарэ де кулоаря са афектив-експресивэ, яр тоатэ информация, пе каре форма граматикалэ о инклуде ын плус ла концинуул сэу денотатив, конституе валоаря ей конотативэ.

¹⁵ Семнификация презентулуй инклусив купринде май мулте вариетэц але идеий де дуратэ (презент моментан, дуратив, итератив ш. а.).

дин стынга, зикынд: — уна, доуэ, трей; ши кынд ла а патра, пуне да.ла, трынтеште ку клештеле ши о апукэ ку чоканул, о дэ афарэ. Апой ашазэ пеля лок, пуне ел че пуне пе ранэ, ши пе лок се тэмдүүште. (И. Крянгэ)

Ачелаш феномен ал контрастулуй ыл авем ши ын казул, кынд ын результатул транспозицией ын локул семнификацией парадигматиче а формей вербale де персоана II апаре семнификация синтагматикэ а персоаней I. Ын план парадигматик форма персоаней II сингулар ну диспуне де нич ун фел де нуанце афективе. Аич семнификация граматикалэ ши персоана реалэ коинчид. Ынсэ ында ворбиторул, нарынд фапте привитааре ла сине ынсушь (деспре сине), трече бруск ла форма персоаней а II-а, де паркэ ар авя ын фацэ ун интерлокутор, кэрүя и се адресяэ, апаре ачя контрадикции, ачя «чокнире» ынтрэ валоаря денотативэ ши чя конотативэ, деспре каре ворбям ын легэтурэ ку анализа феноменулуй дин екземплул пречедент. Де екземплу:

— Апой, кынд мэ гынDESC, кэ мэмэлига е фоарте бунэ, дар кум с'о дай ла маса архиереулуй? Кү пүтиңцэ? Ши че сэ фак? (В. Крэсеску)

Ын казул ачеста «тампонаря» динтре валоаря парадигматикэ ши чя синтагматикэ комуникэ нарациуний о май маре виоичуне, пуртынд ун карактер оарекум драматик.

Граматика диспуне де лейтэциле ши партикуларитэциле сале проприй, принтре каре пе прим план се манифестэ атыт карактерул женерализатор, релационал, кыт ши стабилитатя категориilor граматикале. Ачесте партикуларитэць импримэ ши транспозицией формелор ун карактер спечифик. Метафора лексикалэ, ын компарации ку чя граматикалэ, диспуне де о вэдитэ супериоритате ын чея че привеште пластичитатя, экспрессивитатя¹⁶. О асеменя супериоритате се датореште ну нумай фаптулуй кэ ла нивел граматикал транспозиция паре май пүчин субъективэ дин кауза релативей стабилитэць а ачестуй нивел, дар ши фаптулуй кэ ла нивел граматикал транспозиция есте посибиль нумай ын лимителе уней сингуре категорий, пе кынд ла нивел лексикал еа поате сэ апарэ ынтрэ диверс груптур тематиче.

Дрепт результат ал транспозицией класа ка ун ынтрег («архиграмема») континуэ сэ екзисте ка мулциме. Кауза транспозицией о конституе скопул стилистик — креация уней некореспундерь интенционате ынтрэ мижлоачеле ворбий ши стандартул лингвистик. Дупэ кум спуне Е. Куролович, ын ачест каз не рэмыне сэ ворбим нумай деспре нуанца экспрессивэ¹⁷. Транспозиция креазэ о ноуэ семнификации ку валоаре стилистикэ — о семнификации конотативэ.

Ка результат ал транспозицией апаре рапортул де синонимие ынтрэ форме, че апарцин ачелаяш категорий граматикале, ши, прин урмаре, апаре ши посибилитатя селектэрий, деоарече транс-

¹⁶ Пентру унеле амэнунте а сөвөдя: Шендельс Е. И. Грамматическая метафора.

¹⁷ «...дело уже только в экспрессивном оттенке». (Куролович Е. Оп. чит., п. 80.)

позиция ну ынлэтурэ функция семантике а опозицией, чи нумай о акомодяээ (ку ажуторул контекстулуу) пентру экспримаря уней семнификаций конотативе (суплиментаре). Дрепт илустараре не поате серви презентул историк (дин пунктул де ведере ал тимпулуй), каре е утилизат ку уникул скоп де а апропия трекутул де презент. Функция суплиментарэ, ка результат ал транспозицией, се манифестэ ка о нечеситате стилистике. Ын ачест каз форма транспусэ есте ынтребуинцатэ ын локул алтей форме, а кэрай валоаре денотативэ есте фиксатэ ын системул лимбий (бүнзээрэ, презент ку валоаре де трекут).

Аша дар, стабилирия экспрессивитэций се фаче прин рекуржэря ла синонимие. Ын урма транспозицией се стабилеште о релации синонимикэ, о корелации опозиционалэ ынтрэ доуэ форме, динтре каре уна се дистинже прин марка экспрессивитэций фацэ де чялалтэ, ку каре аре рестул трэсэтурилор комуне. Есте ворба ын асеменя ситуаций де о экспрессивитате адерентэ, пе каре форма о капэтэ ын контекст, спре деосебире де экспрессивитаты инерентэ, интернэ, каре поате фи рекуноскутэ фэрэ контекст, ши есте проприе элементулуй лингвистик ла нивел парадигматик. Експрессивитаты инерентэ ну есте проприе формелор грамматикале. Еа поате фи ушор идентификатэ ын кадрул унор ануумите катего-рий де унитэць лексикале сау ал унор элементе деривативе.

Транспозиция формей грамматикале депинде ын мод директ де интенция ворбторулуй. Ын асеменя казурь авем де а фаче ку фапте де креация, кэч, алегынд уна динтре вариантиле посибile, ворбторул урмэреште сэ реализезе ануумите ефекте стилистиче.

Дупэ кум ведем, форма грамматикалэ диспуне ла нивел парадигматик де валоаре денотативэ, дар, спре деосебире де кувынт, есте липситэ де конотации, ын тимп че ла нивел синтагматик, ын результатул транспозицией, пе лынгэ денотации апаре ши конотация. Ын фелул ачеста ын план синтагматик, суб инфлюенца контекстулуу, форма обцине капачитатя де а трансмите о информа-ции суплиментарэ: пластичитате (карактер метафорик), эффект смотив, экспрессивитате ши интенсификаре а ануумитор сенсурь. Ятэ де че, пе бунэ дрептате се афирмэ, кэ пентру а эксплика ну нумай база лингвистичий, дар ши деталииile ей челе май субтиле, теория лингвистикэ есте облигатэ сэ адауже ла студиул семиоти-чилор денотативе студиул семиотичилор ши метасемиотичилор конотативе¹⁸.

Ачастэ черинцэ паре ши май лейхитимэ, дакэ порним де ла идея, кэ де комуникаря вербалэ цине ну нумай проблема уней симпле релатэрь, чи ши проблема редэрий идеилор ын аша мод, ынкыт еле сэ акционезе асупра дестинатарулуй месажулуй. Күкүт ва фи май путерникэ доринца де а акциона прин форма де экспримаре, ку атыт май минуциоасэ ва фи ши селектаря миж-лоачилор лингвистиче, ку атыт май экспрессивэ ва фи комуникаря.

¹⁸ Ельмслев Л. Пролегомены к истории языка.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960, с. 375.

Експресивитатя актуалуй комуникатив ын маре мэсурэ депинде де интенция ворбиторулуй, де скопул пе каре ел ыл урмэреште ла редаря фаптелор, де старя луй психикэ, де ситуация креатэ, де медиул социал, де стилул жонерал ал ворбирий. Есте ворба, деч, де о серие де факторь екстрадингвистичь, каре контрибуе ну нумай ла селектаря кувинтелор сау а конструкциилор синтактиче, чи ши а формелор граматикале. Ынсэ пе лынгэ ачесте элементе, май екзистэ ши алць факторь, май мулт де ордин интрангвистик, каре кондиционязэ утилизаря диверселор мижлоаче але комуникэрий вербale, ын спечиал але формелор граматикале. Асеменя факторь ну сынт алтчева, декыт координате але контекстулуй, каре импун транспозиция элементулуй лингвистик (а формей вербale ын казул ностру).

ТРАНСПОЗИЦИЯ И ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Р е з у м е

В процессе употребления одной грамматической формы в условиях функционирования другой реализуются определенные значения, не свойственные данной парадигме в системе языка. Подобного рода факты являются доказательством того, что не всегда тот или иной морфемный сегмент в плане выражения соответствует своим собственным, прямым значениям в плане содержания. Так, например, глагольная форма индикативного имперфекта в определенных контекстах может быть эквивалентной по содержанию формам прошедшего времени кондиционалиса или конъюнктива.

Разные виды грамматической синонимии на морфологическом уровне являются результатом нейтрализации парадигматических оппозиций в плане содержания при сохранении различия между сигнификантами.

Нейтрализация производится путем транспозиции одного члена оппозиции в условиях употребления своего противоположного. Транспозиция, в свою очередь, ведет к появлению нового значения языкового знака, входящего в синонимические отношения со значением другого знака, определяемого парадигмой, т. е. с нетранспонированным.

В системе глагольных форм возможны два направления в сближении противоположен А и Б: А>Б или Б>А. В системе категории наклонения идет нейтрализация по линии индикатив>императив, конъюнктив>кондиционалис; в системе форм времени— по линии настоящее>будущее (футуральный презенс), настоящее>прошедшее (исторический презенс) и реже прошедшее>настоящее (презентный сложный перфект) и прошедшее>будущее (футуральный сложный перфект). Сближение и нейтрализация в обоих направлениях чаще наблюдается при употреблении категории лица (II лицо ед. ч.>III лицо ед. ч., I лицо ед. ч.>I лицо мн. ч. и наоборот).

Большинство коннотативных значений основано на контрасте между основным, парадигматическим значением формы и значением синтагматическим, приобретаемым в результате транспозиции. Так, например, стилистический эффект повествовательного (исторического) презенса основан на том, что действие, реально законченное, представляется как продолжающееся в момент речи. Оно как бы изображено на экране, на сцене, последовательность действий подобна последовательности кинокадров, описание построено как кинематографический эпизод. Каждый презенс является как бы кадром. На этом зиждется эффект образности, динамизма, стремительности действий. И автор, и читатель являются как бы свидетелями повествуемых событий.

Или другой пример. В парадигматическом плане форма II лица ед. ч. не располагает никакой эмоциональной окраской. Здесь грамматическое значение и реальное лицо совпадают. Однако, если говорящий, рассказывая что-то о себе, неожиданно переходит к форме II лица, как бы имея перед собой собеседника, к которому обращается, то происходит то «столкновение» между парадигматическим значением и значением синтагматическим, которое придает повествованию живость, динамический характер.

В результате транспозиции класс как целое («архиграммема») продолжает существовать как множество. Причиной транспозиции является стилистическая цель, создание преднамеренного несоответствия между средствами речи и языковым стандартом. Транспозиция создает новое значение — значение коннотативное.

Транспозиция приводит к появлению синонимических отношений между формами, принадлежащими к одной и той же грамматической категории, что, соответственно, создает возможность выбора. Это имеет для стилистики первостепенное значение.

Транспозиция грамматической формы находится в прямой зависимости от намерения говорящего. Тут мы имеем дело с фактами творчества, ибо, выбирая один из возможных вариантов, говорящий стремится к реализации определенных стилистических эффектов.

ФОЛОСИРЯ МЕТОДЕЛОР МАТЕМАТИЧЕ ЛА ДЕЛИМИТАРЯ СТИЛУРИЛОР ФУНКЦИОНАЛЕ

Нечеситатя фолосирий ын лингвистикэ а унуй критериу ригурос де анализэ (ши, май алес, де верификаре а ипотезелор интите) а фост симците ынкэ ла ынчепутул секолулуй ностру.

Стилостатистика е ынкэ о штиинцэ ноуэ. Еа куноаште о дезволтаре май интенсэ ын ултимеле доуэ дечений. Апариция унуй нумэр маре де студий пе ачастэ темэ атыт ын царэ, кыт ши песте хотаре¹ денотэ интересул виу, пе каре-л сусчитэ апликаря ачестор методе ын стилистикэ. Ын УРСС екзистэ кытева центре (ла Киев, ла Горкий, ла Рига), унде студиеря стилурилор суб аспект кантиатив е ла нивел ши результателе сынт промицэтоаре. С'a констатат, кэ методеле статистичий математиче ну нумай кэ сынт аплика биле, дар ши абсолют нечесаре ын стилистика лингвистикэ, проблема принципалэ а кэрэя есте дифференциеря стилурилор функционале.

¹ *Корлэтину Н. Г.* Студиу асупра системей лексикале а лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1964, п. 98—121; *Корлэтину Н. Г.* К вопросу о применении статистических данных в стилистических исследованиях.— В кн.: Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художественной литературы. М., 1961; *Журавлев И. П.* Опыт вероятностно-статистического изучения стилевых различий (на материале одночленных сложноподчиненных предложений).— В кн.: Язык и общество. Саратов, 1967; *Головин Б. Н.* О вероятностно-статистическом изучении стилевой дифференциации языка. Киев, 1964; *Головин Б. Н.* Язык и статистика. М., 1971; *Кожина М. Н.* Некоторые замечания о применении статистики в функциональной стилистике (к постановке вопроса).— Учен. зап. Пермского ун-та, им. А. М. Горького: Исследования по стилистике, вып. 2, 1970; *Golopentia S., Pavel T.* Statistica și stilurile limbii.— LR, 1960, № 4, р. 60.

Се штие, кэ ын прочесул де функционаре унитэциле де лимбэ стабилеск ануумите релаций ынтрэ еле, кэпэтынд астфел калитэць функционале ной, ын депенденцэ де сфера де комуникаре, пе каре о десервэск. Лингвистул чех И. Мистрик скрие ын легэтурэ ку ачаста: «...элементеле лингвистиче сынт поливаленте. Ын доуз ситуаций диферите уна ши ачеяш унитате лингвистикэ поате функционара ку доуз сенсурь, унеорь кяр опус»². Дрепт резултат се креазэ посибилитатя ка уна ши ачеяш унитате де лимбэ сэ поатэ фи ынтребуинцатэ ын вариите стилурь, авынд партикуларитэць функционале диферите. Метода математикэ ынгеснеште кэутаря ши анализа аччестор партикуларитэць, ынструкты, де челе май мулте орь, валориле кантитативе сынт семнале але унор валорь калитативе.

Статистика математикэ е комодэ прин фаптул кэ пе база унуй нумэр лимитат де пробе селективе дин текстеле унуй ануумит стил се поате жудека деспре ынтребуинцаря унитэций екзаминате ын ынтряга тоталитате де тексте але аччестуй стил. Анализа син-кроникэ а тутуор үнитэцилор де лимбэ де ла тоате нивелуриле лимбий, ку апликария унор методе вариите де анализэ, ар фаче посибилэ о аргументаре ын плус а диференциерий ригуроасе ын-трэ стилурь ши, импличит, ар адуче о контрибуции ла дефинирия теоретикэ а лор. Үнтр'ун кувынт, апликария методей статистиче ла студиул стилулуй с'а доведит а фи ун ефичнент прочедеу де анализэ, ел скунтинд интерпретаря де импресий субъективе, извороите дин интуиция черчетэторулуй. Дар ын литература де специалитате с'а атрас атенция асуира фаптулуй кэ «эффектуаря унай черчетэрь кантитативе ын лимбэ ну ынсямнэ о инвестигаре комплектэ. Чея че се чере ын мод облигаториу есте екилибу ши коректитудине ын апликария ей»³. Кү аттыт май мулт ку кыт ну есте ушор де идентификат принципалеле тендинце ши техничь де статистикэ, датэ фиинд диверситатя пунктелор де ведере ши а методелор де анализэ. Кяр П. Гиро, чел май де вазэ репрезентант ал «крезулуй статистик», «манифестэ ын студииле сале о ануумитэ флюктуацье а опиниилор, ка ши кум елабораря теорией сале ар фи ын курс, модифицинду-се лент ын рапорт ку объекцииле сусчитате. Дакэ врем сэ не фачем о идее объективэ деспре апликацииле математиче ла студиул стилулуй, требуе сэ не дебарасэм де скептицизмул ачелора, каре, дин констатаря фалиментулуй догмелор, траг конклузия, кэ арта е рефрактарэ орькэрэй форме де абордаре штиинцификэ ши се рефужиязэ ын импресионизм — солуцие кү аттыт май фачилэ, ку кыт о ануумитэ дозэ де импресионизм е инерентэ критичий литераре ши орькэрүй консуматор де фрумос. Дар, ын егалэ мэсурэ, требуе сэ не ферим ши де энтузиазмул чөлөр че се апропиэ де поэзие дин пунктул

² Мистрик И. Математико-статистические методы в стилистике.— В.Я. 1967. № 3, с. 42.

³ Seche L. Lexicul artistic eminescian în perspective statistice.— In: Studii de limbă literară și filologie. Buc., 1969, p. 65.

де ведере ал математициелор, симплифиқынд проблемеле ши ымбетынду-со де ложика спекуляцией пынэ ла ай уйта релацииле спечифиче⁴.

Екзистэ диферите методе статистиче. Де ла симпла нумэрэтоаре аритметикэ (ку презентаря результателор ын проценте) пынэ ла методеле статистико-пробабилистиче, каре, фолосинд ун ынтрег аппарат математик, презинтэ инкурсиунь пробабилистиче асупра ынтрэйкий тоталитэць де тексте але унуй стил, але унуй скринтор ш. а. м. д.

Челе май мулте студий ын каре се апликэ методеле математиче се реферэ ла воказулар. Мажоритатя черчетэторилор, каре ау анализат дин пункт де ведере статистик лексикул, с'ау кондус де индикацииле методиче дате де П. Гиро. Ей ау кэутат сэ фиксезе фреквенца (f), рангул (g), ынчд е ворба де урмэрия кувинтелор ын парте ши кончентрация (c), дисперсаря (R), ынчд е ворба де воказулар ын ынтрэжиме.

Ын ултимул тимп се преконизяэ метода статистико-пробабилистикэ промоват де Н. Д. Андреев, Б. Н. Головин ш. а. Ачастэ методэ с'а доведит а фи уна динтре челе май ефичиенте ын резолваря проблемей диференциерий стилуритор функционале.

Ын женере, се поате констатат, кэ лукрэйз ын каре се анализяэ канитатив ынтребуинцаря диферителор унитэць де лимбэ ын стилурите функционале сынт дестуле. Ши ку тоате кэ тематика ши скопул студиилор, ын каре сынт апликате методеле математиче, прекум ши методеле ынсешь сынт фоарте диферите, се обсервэ о тендинцэ комунэ де а гэси ун критериу канитатив объектив, каре сэ фактэ посибилэ идентификая уникэ а трэсэтурилор калитативе але стилуритор.

Результателе экспериментулай эффектуат де ной, дэши ну презинтэ о анализэ статистикэ комплектэ а стилуритор, конфирмэ тотуш посибилитатя диференциерий лор пе база индичилор канитататив.

Ын примулрынд, а фост калкулат процентул ынтребуинцэрий формелор темпорале ла индикатив ын трэй стилурь: штиинцифик, публичистик ши артистик. Результателе сынт презентате ын табелул I. Еле демонстрияэ, кэ челе трэй стилурь се диференциация май евидент пе база презентулай индикатив. Чел май маре процент де ынтребуинцаре а презентулай есть ын стилул штиинцифик (88,1), яр че май мик (36,4) — ын стилул белетристик. Стилул публичистик окупэ о ситуацияе интермедиарэ, деосебинду-се май мулт де стилул штиинцифик (диференца е де 36,8%) ши май пүчин де стилул артистик (ку диференца де 14,9%).

Стилурите се деосебеск ши пе база чөлөрлалте тимпурь. Перфектул компус, де экземплу, диференциация стилул штиинцифик, унде процентул де ынтребуинцаре а луй е че май мик (7%), де

⁴ Cornea P. Considerații privind aplicarea statisticii în poetică și stilistică.—In: Metodologia istoriei și criticii literare. Buc., 1969, p. 156.

Табелул 1

Стилуреле	формеле темпорале ын проценте						внитор
	през.	перф. комп.	имп.	м.м. перф.	перф. симпл.	I	,
Артистик	36,4	28,2	26,5	2,8	3,1	1,7	1,3
Штиинцифик	88,1	7,0	1,2	0,2	—	3,5	—
Публичистик	51,3	36,7	4,4	0,6	1,3	5,5	0,2

челелалте доуэ: ын стилул артистик се ынтребуинцээ 28,2%, ын стилул публичистик — 36,7%.

Перфектул симплуши май мулт ка перфектул апроапе кэ ну сынт ынтребуинцате ын стилул штиинцифик спре деосебире де чалелалте, унде ачесте форме темпорале (дэши рап, май алес, ын стилул публичистик), се ынтылнеск. Ын женерал с'ар путя афирма, кэ ын стилул артистик превалязэ ынтребуинцаря формелор темпорале трекуте. Дакэ фачем абстракциие де спечификул фиецэрэй форме а тимпулуй трекут (перфект компус, перфект симплу, имперфект, май мулт ка перфект), атунч презенца ачестора ын стилул артистик ва фи ку мулт май маре декыт ын стилул штиинцифик (комп.: 60,6 — ын стилул белетристик ши 8,4% — ын стилул штиинцифик).

Се поате ынтреведя ун ануумит спечифик де ынтребуинцаре а тимпулуй виитор ын челе трей стилур: ын стилул артистик амбеле форме але вииторулуй се утилизяэ ын егалэ мэсурэ, пе кынд чалелалте доуэ стилур преферэ вииторул форма ынтый, каре е май официалэ ши кореспундэ чединцелор ачестор доуэ стилур.

Деч, пе база категорией граматикале а тимпулуй стилуреле экзаминате пот фи диференцияте ынтр'о мэсурэ май маре сау май микэ. Дупэ кум с'а афирмат май сус, де челе май мулте орь валориле нумериче ну сынт алтчева декыт ниште семнаале, че деноутэ экзистенца унор факторь де натурэ диферитэ, факторь, каре, финнд проприй унуй ануумит стил, жэнерязэ селекция кутэрүй элемент лингвистик. Ын казул де фацэ, ынтребуинцаря унуй ануумит тимп е детерминатэ, ын примулрынд, де натура фиецэрүй стил ын парте.

Ын стилул артистик планул темпорал де базэ есте трекутул объектив; деч стилул артистик (май алес, проза), авынд де челе май мулте орь карактер евокатор, дескриптивный элементе, че ау авут лок ынтр'ун трекут объектив. Е ши натурал, деч, ка ын ачест стил сэ превалезе ынтребуинцаря формелор темпорале де трекут (дин анализа ноастрэ реесе кэ еле конституе 60,6%).

Ын стилуреле штиинцифик ши публичистик планул темпорал де базэ есте презентул объектив. Бинеынцелес, тимпул граматикал адекват ын ачест каз ва фи презентул, де аич ши процентул маре де ынтребуинцаре а тимпулуй презент.

Преферинца фацэ де форма ынтый а вииторулуй ын стилул публичистик ши чөл штиинцифик кореспунде карактерулуй ригурос ал примулуй стил ши собриетэций експунерий, проприй стилулуй штиинцифик.

— Деч, ынтребуинцаря кутэрэй сай кутэрэй форме темпорале ө ын деплинэ конкорданцэ ын натура ши карактерул фиекэрүй сийл ын парте. Тимпул презент ал индикативулуй контрибуе ла дифференциеря стилурilor екзаминате.

Дупэ че ам констатат кэ презентул есте тимпул каре дифференциязэ май евидент стилурile екзаминате, ам кэутат сэ эффектуэм калкуле май екзакте асупра ачестий тимп дупэ метода статистико-пробабилистикэ. Ын анализа материалулуй конкрет не-ам кондус де индикацииле методиче пропусе де Б. Н. Головин ын картия «Язык и статистика»⁵. Не-ам лимитат ла детерминаря урмэторилор индиич кантиративы: фреквенца медие селективэ ($\bar{x}$), девиэрия медие патратикэ де ла фреквенца медие (σ), грешала пробабилэ ын детерминаря фреквенцей медий (L), интервалул ын каре поате фи пресупусэ медия ($\bar{x}_0$) ши коефициентул вариацией (v).

Пе база валорилор нумериче обцинүте са кэутат рэспунсул ла доуэ ынтребэрь:

1. Дакэ стилурile се дифференциязэ ын чея че привеште фреквенца тимпулуй презент ал индикативулуй;

2. Дакэ дифузия фреквенцелор конкрете фацэ де фреквенца медие есте униформэ ын фиекаре стил ын парте, адиқэ, дакэ ынтребуинцаря презентулуй е оможенэ сай ну ын челе трей стилурье екзаминате.

Дупэ кум са сублиният май сус, метода пробелор селективе креазэ посибилитатя, пе де о парте, де а купринде кыт май мулте букэць динтр'ун текст оможен ын ведеря евиденциерий дивершилор факторь, каре инфлюенцязэ асупра луй, яр пе де алтэ парте, де а жудека (нумай пе база ачестор пробе) деспре ынтребуинцаря унитэций граматикале дате ын ынтряга тоталитате де тексте а унуй скриитор, а уней рамурь штиинцифике, а унуй стил функционал ш. а. м. д. Ачест лукру фаворизязэ, ын примулрынд, обцинеря унуй таблоу кыт май объектив ал функционэрий феноменулуй дат, яр ын ал дойлярынд, верификаря конклузиилор фэкуте ын урма анализей калитативе а текстулуй.

Конформ дателор табелулуй 2 индичеле кантиратив ал фреквенцей презентулуй дифференциязэ стилул штиинцифик де стилурile публичистик ши артистик. Валоаря нумерикэ 67,8 репрезинтэ фреквенца медие селективэ а презентулуй ын стилул артистик. Ачаста ынсямнэ, кэ ла 1000 де окуренце ын стилул штиинцифик се ынтылнеск ын мижлоочиу 67,8 форме темпорале де презент. Ачастэ фреквенцэ есте проприе нумай пентру экспериментул ностру. Пентру а афла фреквенца медие реалэ проприе ынтрегулуй стил, се калкулязэ грешала медией селективе, каре

⁵ Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971.

Индичий кантитатив	Стилурите		
	Штиинцифик	Артистик	Публичистик
$\bar{x}$	67,8	34	38
s	3,87	4,12	6,7
L	2,8	2,9	4,8
v	5,7	12,1	17,6
$\bar{x}_0$	$67,8 \pm 2,8$	$34 \pm 2,9$	$38, \pm 4,8$

есте егалэ ын казул ностру ку 2,8*. Валоаря грешелий се скадеши се адунэ ла медие пентру а афла интервалул, ын каре поате скзиста медия реалэ а стилулуй. Ын казул ностру, пентру стилул штиинцифик ел ва фи 65,0—70,6. Ачаста ынсямнэ, кэ ын 95% медия реалэ ну ва депэши интервалул дат, яр ын 5% еа поате фи май маре сау май микэ.

Ын стилул публичистик интервалул медией реале се афлэ ын лимителе а 31,1—36,9, яр ын стилул артистик — 33,2—42,8.

Коефициентул вариацией илустрязэ ши май евидент деосебиря динтре стилурь. Де факт. ачеста есте чел май потривит индиче кантитатив, каре первите сэ се факэ компарации ынтрэ доуз сау мулте варианте де тексте. Дупэ кум реесе дин табелул 2, коефициентул вариацией пентру стилул штиинцифик конституе 5,7%, пентру стилул публичистик — 12,1%, яр пентру стилул артистик — 17,6%. Се обсервэ о диференцэ консiderабилэ ынтрэ стилул штиинцифик ши чалелалте доуз ши пе база ачестуй индиче.

Пе де алтэ парте, коефициентул вариацией есте ун индиче кантитатив, ку ажуторул кэруя се поате кэута рэспунс ла о доуа ынтребаре, каре не преокупэ: дакэ есте униформ сау ну карактерул девиерилор де ла фреквенца медие ын чея че привеште ынтребуинцаря презентулуй ын фиекаре стил ын парте. Е посибил каши пе база ачестуй индиче сэ се поатэ ынтреведя о евентуалэ диференциере а стилурилор.

Ын статистика математикэ екзистэ о леже, конформ кэрэя дифузия девиерилор ын журул медией е директ пропорционалэ ку коефициентул вариацией, адикэ, ку кыт ултимул е май мик, ку атыт есте май микэ дисперсия ши карактерул ынтребуинцэрий кутэрэй сау кутэрэй унитэць е май униформ ши инверс. Дателе экспериментулуй демонстризэ, кэ чел май мик процент ал коефициентулуй вариацией е ын стилул штиинцифик (5,7), яр чел май маре — ын стилул артистик (17,6). Прин урмаре, ын стилул штиинцифик презентул аре о ынтребуинцаре униформэ, фреквенцеле конкрете, обцините пе база анализей кантитативе а чалор зече пробе дин стилул штиинцифик ну фак абатерь марь де ла фреквенца медие. Ку алте күвинте, градул де вариабилитате а унитэ-

* Валоаря грешелий а фост калкулатэ ку коефициентул 2,26, чея че асигурэ коректитудиня валорий ын 95%.

ций граматикале дате ын стилул штиинцифик е неынсемнат, мик, стилул е унитар ын ачастэ привинцэ; ну се ынрэжистрээ деосебирь ынсемнате нич ынтрэ диферите штиинце, нич ынтрэ дифериць ауторь ын чея че привеште ынтребуинцаря презентулуй.

Ын стилул артистик утилизаря презентулуй е май пуцин униформэ. Градул де вариабилитате ал ынтребуинцэрий ачестей форме е маре. Стилул ну есте унитар ын ачастэ привинцэ. Екзистэ деосебирь ынтрэ диферите женурь литераре, ынтрэ скринторь ши кяр ынтрэ опереле унуя ши ачелуяш скринтор.

Ын стилул публичистик градул де вариабилитате а ынтребуинцэрий презентулуй есте май маре фацэ де стилул штиинцифик ши май мик фацэ де чел артистик.

Ачяяш конклузие се поате тра же ши дин анализа валорилор нумериче але девиерий мэдий патратиче о. Ку кыт ачесте валорь сынт май марь, ку атыт е май маре градул де вариабилитате а унитэций дате, деч, ку атыт май неуинформэ, май неоможенэ есте ынтребуинцаря ачестея ынтр'ун ануумит текст. Ку кыт валориле о сынт май мичь, ку атыт градул де вариабилитате е май неынсемнат ши утилизаря унитэций граматикале ын дискузие е май униформэ.

Чея че се поате обсерва ын урма коментэрий дателор общинуте е кэ фреквенца медие а презентулуй индикатив есте ун индиче, дупэ каре се диференциязэ стилуриле екзаминате. Дакэ с'ар общине дате симиларе пентру тоате унитэциле де лимбэ ынтребуинцате ын ворбира, атунч таблоул диференциерий стилурилор, фундаментат пе принципий объективе, ар фи евидент.

Аша дар, статистика, аплекатэ модерат ши ын куноштинцэ де каузэ, девине ун инструмент ефичиент, капабил сэ асигуре объективитатя ши екзактитатя черчетэрий стилулуй.

О метикулоасэ черчетаре кантиративэ ар фаче посибилэ, ын ултимэ анализэ, моделаря статистикэ а фиекэрүй стил, фапт, че ар пермите атыт о нетэ диференциере а лор, кыт ши релеваря чэлор май субтиле партикуларитэць проприй кутэрүй сау кутэрүй стил.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ ПУТЕМ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Р е з ю м е

Известно, что в процессе функционирования языковые единицы, находясь в определенных взаимоотношениях, приобретают новые функциональные качества в зависимости от коммуникативной сферы, которую обслуживают. Путем статистического анализа подтверждаются и систематизируются эти функциональные особенности, так как количественные показатели обычно говорят о наличии качественных основ.

Некоторые выводы можно сделать на основе результатов количественного анализа употребления времен индикатива в трех стилях молдавского языка: художественном, научном и публицистическом.

В первой части нашего опыта был подсчитан процент употребления каждой временной формы во всех стилях. Для этой цели было взято по 500 страниц сплошного текста, насчитывающего примерно 150 000 словоупотреблений из каждого стиля. Полученный материал (см. табл. 1) позволяет заключить, что на основе категории времени изученные функциональные стили различаются между собой. Как было подчеркнуто выше, количественные данные указывают на существование различных факторов, которые, действуя в том или ином стиле, влекут за собой выбор той или иной языковой единицы. В нашем случае употребление той или иной временной формы сообразовывается с природой и характером описания свойственного каждому стилю в отдельности.

В художественном стиле в качестве одного из основных временных планов (особенно в произведениях эпического характера) выступает объективное прошлое. В рамках жанров этого стиля преобладает употребление прошедших времен.

В научном и публицистическом стилях основной временной план — настоящий. Следовательно, адекватной временной формой в данном случае является настоящее время изъявительного наклонения. Предпочтение I форме будущего в этих двух стилях соответствует официальному-деловому характеру публицистического стиля, а также строгости изложения, книжному характеру научного стиля.

Во второй части опыта велись наблюдения над частотой употребления настоящего времени в каждом стиле по отношению ко всей совокупности словоупотреблений. Первичные данные были получены на основе выборочных проб. Было взято (соблюдая однородность текста) по 70 выборок длиною в 1000 словоупотреблений из каждого стиля. Полученные данные обрабатывались по методическим указаниям, описанными Б. Н. Головиным в книге «Язык и статистика».

На основе средних частот, а также с помощью других статистических данных, изучались следующие два вопроса:

1) различаются ли стили в отношении употребления настоящего времени;

2) является ли равномерным распределение конкретных частот настоящего времени относительно средней частоты, т. е. однородно ли или нет употребление презенса в каждом исследуемом стиле.

Судя по данным табл. 2, количественный показатель частоты презенса различает научный стиль от публицистического и художественного стилей. Эксперимент показывает также, что стили различаются и по признаку однородности употребления данной временной формы. В научном стиле употребление презенса однородно, т. е. отклонения конкретных частот от их средней случайны. Следовательно, наблюдаемые частоты суть проявления одной и той же вероятности.

В художественном стиле, наоборот, наблюдаются большие расхождения между конкретными частотами в рамках одного выборочного ряда. И это так и должно быть. Ведь в художественном стиле главным является стремление к разнообразию в употреблении языковых средств выражения идейно-содержательного замысла писателя, в том числе и временных форм.

В публицистическом стиле степень расхождения в употреблении презенса является большим по сравнению с научным стилем и незначительным, по сравнению с художественным.

Из вышесказанного можно заключить, что средняя частота презенса является одним из статистических показателей, по которому можно разграничить функциональные стили. А дифференциация функциональных стилей является, как известно, первостепенной проблемой для лингвостилистики. Если можно было бы получить подобные данные для всех употребленных в речи языковых единиц, то картина дифференциации стилей, основанная на теоретических принципах, могла бы предстать более наглядно.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

3

ЗАДАЧИ И РОЛЬ ПРОБЛЕМНЫХ НАУЧНЫХ СОВЕТОВ

(Г. В. Степанов)

5

Глава I

ОСОБЕННОСТИ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ

ДОНАЦИОНАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

(М. М. Гухман)

8

ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

(Т. П. Ильяшенко)

20

ЕЛЕМЕНТЕ ЛЕКСИКАЛЕ ВЕЌ ЫН ТОПОНИМИЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ

(А. И. Еремия)

29

Древние лексические элементы в молдавской топонимии

(Резюме)

37

Глава II

МОЛДАВСКО-РУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ АКТИВИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

(А. И. Чобану)

40

СЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В АНТРОПОНИМИИ И ФОРМИРОВАНИЕ МОЛДАВСКОЙ ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

(М. А. Косничяну)

52

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОЛДАВСКИХ
ТОПОНИМОВ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

(*А. И. Еремия*)

69

МОДИФИКЭРЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕ
ЫН ВОЌАБУЛАРУЛ ЛИМБИЙ МОЛДОВЕНЕШТЬ АКТУАЛЕ

(*А. П. Борш*)

75

Лексико-семантические сдвиги
в словаре современного молдавского языка

(Резюме)

92

Глава III

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА
О ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЛДАВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

(*А. М. Дырул*)

94

МОЛДАВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
(*Т. П. Ильяшенко*)

102

ДИАЛЕКТНАЯ ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЛДАВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

(*А. Н. Думбрэвяну*)

109

Глава IV

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА
(*Т. И. Романаш*)

118

ЕЛЕМЕНТЕ ДЕ СТИЛ ШТИИНЦИФИК
ЫН ЛИМБА МОЛДОВЕНЯСКЭ ДИН СЕЌОЛЕЛЕ XVII—XVIII
(*Ф. С. Котелник*)

134

Элементы научного стиля в молдавском языке XVII—XVIII вв.

(Резюме)

147

СТИЛУЛ ЛИТЕРАТУРИГ АРТИСТИЧЕ ҚА РЕАЛИТЕАТЕ ЛИНГВИСТИКЭ

(И. И. Еуко)

148

Стиль художественной литературы как языковая реальность

(Резюме)

156

СТИЛУЛ ПУБЛИЧИСТИК ШИ РОЛУЛ ЛУИ ҮН ПРОЧЕСУЛ ДЕ

ДИФЕРЕНЦИЕРЕ ФУНКЦИОНАЛ-СТИЛИСТИКЭ А ЛИМБИЙ

МОЛДОВЕНЕШТЬ

(А. Г. Чикала)

157

Публицистический стиль и его роль

в функционально-стилевой дифференциации молдавского языка

(Резюме)

171

ФЕНОМЕНУЛ ТРАНСПОЗИЦИЕЙ ШИ РОЛУЛ ЛУИ СТИЛИСТИК

ҮН УТИЛИЗАРЯ ФОРМЕЛОР ВЕРБАЛЕ

(В. З. Марин)

172

Транспозиция и ее стилистическая роль при употреблении
глагольных форм

(Резюме)

180

ФОЛОСИРЯ МЕТОДЕЛОР МАТЕМАТИЧЕ ЛА ДЕЛИМИТАРЯ

СТИЛУРИЛОР ФУНКЦИОНАЛЕ

(Е. Н. Константинович)

181

Разграничение функциональных стилей путем математических методов

(Резюме)

187

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
РАЗВИТИЯ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

*Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН МССР*

Редактор *И. И. Кондря*
Художественный редактор *В. А. Хохлов*
Технический редактор *А. Я. Гольденберг*
Корректоры *М. М. Рабинович, В. А. Парий, И. П. Рыбкина*

ИБ № 2144

Сдано в набор 08.02.83.
Подписано к печати 22.04.83. АБ 08530.
Формат 60×90¹/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 12,0. Усл. кр. отт. 14,4. Уч.-изд. л. 13,64.
Тираж 1200. Заказ 205. Цена 2 р. 30 к.
Издательство «Штиинца»,
277028, Кишинев, ул. Академика Я. С. Гросула, 3.
Типография издательства «Штиинца»,
277004, Кишинев, ул. Берзарина, 8.

2 p. 30 κ.

